
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 36 СЕНТЯБРЬ 1982

Ансамбль народной песни «Карагод».

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 36 (2877)

4 СЕНТЯБРЯ 1982

КАДРЫ КУЛЬ

Студентка института культуры Ольга Полякова.

Л. П. БОГДАНОВ,
ректор Московского государственного института культуры

Фото М. САВИНА

ТУРЫ

Культура — понятие общечеловеческое... В повседневной жизни это понятие зачастую сводится лишь к уровню воспитанности, образованности, нормам поведения. Но ведь вместе с тем культура — это и выражение общественных отношений между людьми, это и выражение процесса всестороннего развития человека... Культура социалистическая позволяет самым широким массам трудящихся не только пользоваться духовными ценностями, быть потребителями культурных богатств, но и выступать творцами культуры, активными создателями этих ценностей и богатств.

Еще на заре Советской власти, в условиях разрухи, голода, ожесточенной борьбы против контрреволюции, партия, Ленин выдвигали — как задачу первостепенной важности — ликвидацию неграмотности, подъем культурного уровня народа, обеспечение доступа «простых» людей к сокровищам культуры — отечественной и мировой.

Навсегда в памяти народной сохранится благороднейшая деятельность активистов ликбеза, первых культпросветчиков. Они самоотверженно несли людям свет

См. стр. 28—29.

Во время встречи в Байконуре.

Прогулка.

СНОВА НА РОДНОЙ

Букетами цветов, хлебом-солью встретила Земля приземлившихся на родную планету космонавтов Леонида Попова, Александра Сереброва, Светлану Савицкую. Спускаемый аппарат космического корабля «Союз Т-5» совершил посадку в заданном районе территории Советского Союза в 70 километрах северо-восточнее города Аркалыка. На Землю доставлены материалы исследований и экспериментов, выполненных космонавтами. Научные данные, полученные во время полета, будут использованы в интересах различных отраслей науки и народного хозяйства, а также для дальнейшего развития пилотируемых космических полетов.

Космонавты провели фотографирование отдельных районов земной поверхности и акватории Мирового океана, выполнили ряд технических экспериментов. В ходе полета были продолжены астрофизические и геофизические эксперименты с использованием советской, чехословацкой и французской аппаратуры. Большое значение имеют впервые выполненные на станции биотехнологические эксперименты, в которых отрабатывались методы получения в условиях невесомости сверхчистых биологически активных веществ.

Значительное место в программе работ экипажа занимали медико-биологические исследования, в результате которых получен большой объем новой научной информации. При этом не было выявлено существенных различий в реакциях организма женщины и мужчины на воздействие факторов космического полета.

Народ, партия и правительство по праву оценили героизм нового космического экипажа. За успешное осуществление космического полета на орбитальном научно-исследовательском комплексе «Салют-7» — «Союз» и проявленные при этом мужество и героизм звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая звезда» присвоено летчикам-космонавтам Сереброву Александру Александровичу и Савицкой Светлане Евгеньевне. Дважды Герой Советского Союза летчик-космонавт СССР товарищ Попов Л. И., командир экипажа, награжден орденом Ленина.

Экипаж прибыл в Байконур. Хотя была уже глубокая ночь, на улицы города вышли сотни людей, чтобы выразить новому экипажу, в состав которого входила женщина-космонавт, свое восхищение их мужеством, их работой на орбите.

Отдохнув, космонавты встретились с журналистами, прокомментировали детали своей посадки, ответили на вопросы.

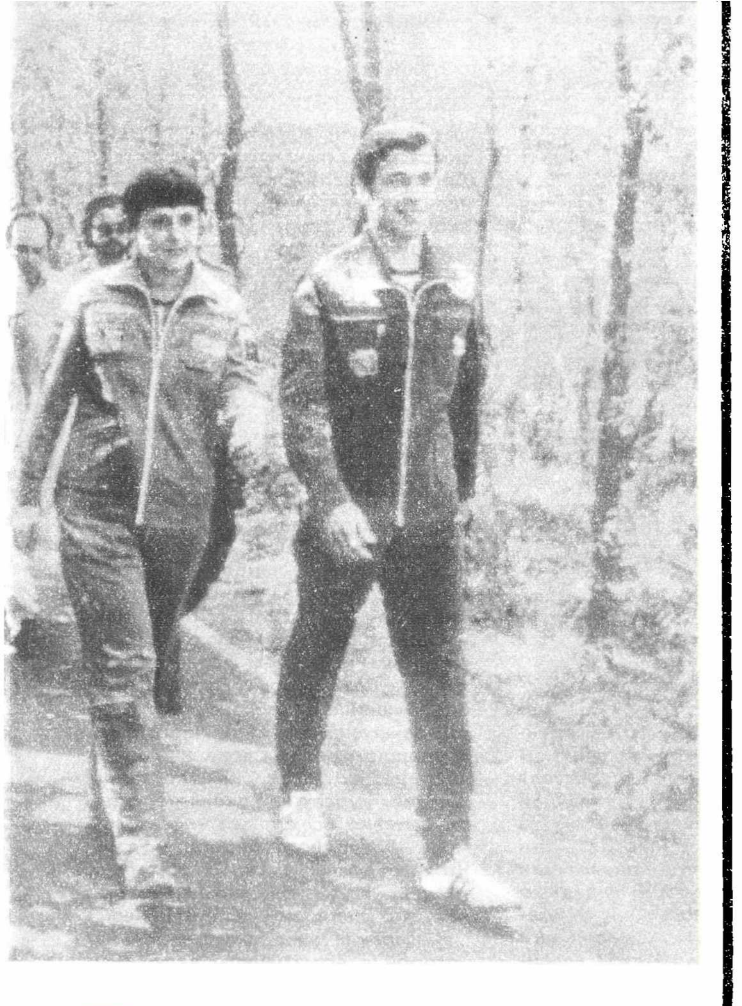
На аллее Космонавтов появились еще два новых саженца казахстанского карагача, посаженных 110-м и 111-м космонавтами.

Новый полет, в состав которого входила женщина — Светлана Савицкая, является новой яркой страницей в освоении космоса.

В. ВАСИЛЬЕВА

Идет послеполетная пресс-конференция.

ЗЕМЛЕ

Фото В. Кузьмина и О. Кузьмина (ТАСС)

ТОРГОВАЯ АГРЕССИЯ

Владимир КАТИН

На днях правительство Франции в принудительном порядке обязало фирму «Дрессер-франс» выполнить контракт на поставку в СССР компрессоров для строительства газопровода Сибирь — Западная Европа. Аналогичное решение принято и в Бонне. Чем же вызвана необходимость принимать столь решительные меры? Дело в том, что американская администрация пытается заставить западноевропейские страны отказаться от выполнения заключенной с нами сделки «газ—трубы», что вызвало резко отрицательную реакцию на Западе.

Все говорит о том, что политика Соединенных Штатов в сфере международных экономических связей и финансов давно уже перешла рамки каких-то отдельных нарушений правил. Налицо вероломная торговая война, которую ведет Вашингтон против Европы в целом. А залпы американской администрации, выпускаемые по экономике капиталистических стран Европы, бьют особенно прицельно: по их валютной системе, по сталелитейной промышленности, по сотрудничеству с социалистическими государствами.

Особенностью ведения этой торгово-экономической войны является, пожалуй, демонстративная бесцеремонность США по отношению к своим же союзникам. Возьмем учетные банковские ставки, которые американская администрация искусственно подняла на такую недосягаемую высоту, что страны Западной Европы вынуждены периодически девальвировать свои национальные денежные единицы. Франк, лира, марка и другие западноевропейские валюты значительно «легчали», в то время как доллар «жирел». Сколько раз руководители этих стран просили США снизить учетные ставки, войти в их трудное положение, но в Вашингтоне этим просьбам не вняли.

Другой залп был дан по сталелитейной промышленности Западной Европы. США задумали ввести сорокапроцентные пошлины на импортируемую отсюда сталь. Это будет означать неминуемое сокращение продажи стали в Америку, а следовательно, и сокращение ее производства, увольнение рабочих. На все протесты и жалобы Старого Света американская администрация отвечает холодным отказом, суть которого сводится к тому, что, мол, вы там, в Европе, не суйтесь в наши дела.

А вот американцы могут, оказывается, совершенно беззастенчиво не только соваться в дела стран Западной Европы, но и навязывать им свои прихоти, диктовать линию поведения. Словно это не суверенные государства, а какие-то банановые республики. Театр военных действий США в их торговой войне с союзниками перенесен сейчас на сделку «газ—трубы». Здесь пущены в ход все средства: уговоры, шантаж, угрозы, санкции. Торговая война усиливается с каждым днем. США накладывают запрет на продажу для газопровода оборудования, которое производится в Западной Европе по американским лицензиям, а в ответ в столицах континента принимается решение не подчиниться этому.

Всякое действие, как известно, равно противодействию. В Западной Европе не намерены повиноваться капризам американского президента. Там понимают, к чему ведет дело Вашингтон. Во-первых, исключение социалистических стран из числа торговых партнеров ощутимо ударило бы по собственным интересам ФРГ, Франции, Италии, Японии и других стран, которые традиционно ведут широкую взаимовыгодную торговлю с СССР и другими социалистическими государствами. Это привело бы к росту безработицы, сокращению производства, к углублению и обострению кризисных явлений в экономике. Во-вторых, свертывание торговли с Востоком означало бы ослабление западноевропейских стран в экономическом плане, привело бы к еще большей их зависимости от США.

Эти и многие другие негативные последствия прекрасно сознают и руководители западных стран и деловые люди. Президент Франции Ф. Миттеран прямо говорит: «Я против эмбарго, своего рода блокады в торговом обмене с Советским Союзом». Федеральный канцлер ФРГ Г. Шмидт назвал смехотворной и абсурдной идею воздействовать путем торговли на одну из сторон. «Торговля вообще не должна служить орудием политического давления»,— подчеркнул он, дав ясно понять, что его правительство не намерено подчиняться требованиям Вашингтона и идти на пересмотр отношений, сложившихся в области экономики и торговли с социалистическими государствами. Федеральный канцлер прямо заявил, что его страна «не присоединится к торговой войне против Советского Союза». В деловых кругах Англии не без основания приходят к выводу о том, что решение американского президента о расширении дискриминационных мер в отношении Советского Союза приведет к обострению уже существующей напряженности между Вашингтоном и его западноевропейскими союзниками.

Разгар торговой войны против Европы, развязанной США, приходится на годовщину подписания Заключительного акта в Хельсинки. Семь лет назад 33 государства Европы, а также США и Канада совместно выработали и подписали этот уникальный в международной практике документ, определяющий их отношения, регламентирующий их сотрудничество. Сегодня США не только сами вызывающе попирают многие положения этого документа, но и толкают на этот заведомо порочный путь другие страны. Однако, несмотря на саботаж Вашингтона, контракт века «газ—трубы» будет выполнен к обоюдной выгоде СССР и стран Западной Европы. И это будет хорошим уроком всем, кто хотел бы превратить торговлю в инструмент вмешательства в дела суверенных государств.

ИСТОКИ ЛИВАНСКОЙ ТРАГЕДИИ

Павел ДЕМЧЕНКО

Три месяца грохотали бои на ливанской земле. Пятая за последнюю треть века ближневосточная война отличается от всех предыдущих как своим затяжным характером, так и небывалым числом жертв и разрушений.

Израильский агрессор превратил в руины многие города и деревни Ливана, обрек на неисчислимые страдания сотни тысяч ливанцев и нашедших там пристанище после изгнания с родины палестинцев. В развалинах стоит Бейрут — еще недавно один из самых красивых и процветающих городов Средиземноморья. Госпитали и частные больницы переполнены ранеными, а число погибших исчисляется десятками тысяч. Но агрессия еще не закончилась: израильские танковые колонны направились теперь на север, в сторону города Триполи, и на восток, в долину Бекаа — житницу Ливана, чтобы покончить с находящимися там лагерями палестинских беженцев и атаковать расположенные в тех районах сирийские войска.

Так Израиль снова подтверждает репутацию государства-агрессора, государства-оккупанта, стремящегося силой навязывать соседним народам свою волю. Если рассматривать сегодняшние события в историческом плане, нетрудно прийти к выводу, что нынешняя израильская агрессия — это, по сути дела, очередной акт той драмы, которая началась еще в конце прошлого века. Именно тогда создатель международного сионистского движения Теодор Герцль пообещал «народу без земли (то есть еврейской диаспоре) дать землю без народа». Фраза эта оказалась фальшивой от начала до конца. «Земля обетованная» вовсе не была пустой, там уже четырнадцать веков жили палестинские арабы. Вот их-то и стали вытеснять с родных мест, пуская в ход и деньги, и хитрость, и силу. Соседние арабские страны пытались помочь палестинцам, но действовали разобщенно и успеха не имели.

Уже в 1948 году, в момент своего создания, Израиль обосновался на большей территории, чем это было предусмотрено решением ООН, а затем стал «прихватывать» и другие арабские земли. Самая большая агрессия была совершена им в июне 1967 года, когда были захвачены Синайский полуостров у Египта, Голанские высоты у Сирии, а главное, все палестинские земли — Западный берег реки Иордан и сектор Газы на Средиземноморском побережье, площадь которых равна почти 6 тысячам квадратных километров. (Население этих двух территорий составляет сейчас примерно 1,3 миллиона человек.)

Только 15 лет спустя, в апреле нынешнего года, израильские войска ушли с Синайского полуострова — после того, как их место заняли «многонациональные силы», в состав которых входят и американские подразделения, а Египет на основе кэмп-дэвидских соглашений переориентировал свою политику на Запад. Что же касается палестинских земель и Голанских высот, то израильские заправилы поставили цель навечно включить их в состав своего государства. Однако ни палестинцы, ни сирийцы вовсе не собирались и не собираются отказываться от этих земель, считая освобождение их своей национальной задачей.

Созданная в 1964 году Организация освобождения Палестины выдвинула лозунг о создании палестинского государства, стремясь собрать в нем разбросанных с 1948 года по разным странам и континентам соплеменников. Понятно, что эти чаяния палестинского народа вошли в резкое противоречие с замыслами израильского руководства и стоящего за его спиной международного сионизма. Вот так и стал вызревать заговор, направленный на ликвидацию ООП, на ослабление Сирии, чтобы заставить ее отказаться от Голанских высот, а может быть, и заключить с Израилем по примеру Египта мирный договор.

Почему же нападение совершено на Ливан? Это тоже имеет объяснение. Дело в том, что в этой арабской стране разместились основные руководящие центры и военные формирования ООП во главе с Ясиром Арафатом. Туда же в 1976 году для умиротворения враждующих сил в ходе вспыхнувшей гражданской войны были введены сирийские войска. Лига арабских государств предоставила им свой флаг и взяла на себя финансовую сторону дела.

Надо сказать, что положение в стране создалось довольно сложное. Она была расколота на несколько враждующих лагерей. И у палестинцев и у сирийцев оказались здесь как друзья, так и противники. Этим и воспользовался Израиль, бросив 6 июня на Ливан всю мощь своей армии.

Ливанской армии не было на южной границе. Там располагались отряды палестинцев и национально-патриотических сил Ливана. Действуя совместно, они мужественно встретили израильское нападение. Располагая в основном легким оружием да несколькими десятками артиллерийских батарей, танков и зенитных установок, значительно уступая агрессору не только в военной технике, но и в численности, не имея воздушного прикрытия, они держались стойко, превратили предместья Бейрута и западную часть города в подлинную крепость, так и не дав возможности израильтянам захватить ливанскую столицу, несмотря на массированные бомбардировки с воздуха и с моря, которым подвергся город, несмотря на то, что агрессор применил фосфорные и кассетные бомбы и другие варварские средства уничтожения людей, полученные из США.

Но силы были слишком неравными. Бейрут оказался под угрозой полного уничтожения. Чтобы предотвратить его и вместе с тем сохранить свои боевые отряды, ООП согласилась эвакуировать их в другие арабские страны — Сирию, Ирак, Тунис, НДРЙ, Северный Йемен, Иорданию, Судан, Алжир. Палестинцы покидали Бейрут непобежденными, сохранив личное оружие и свои боевые знамена. Даже враг был поражен проявленной ими стойкостью. Так, военный корреспондент газеты «Едиот ахронот» писал: «Бойцы ООП, которых мы называли сбродом, показали в ходе войны упорство и ум, что не следует недооценивать. Израильские солдаты, много лет презиравшие федаинов, осознали эту истину на своем печальном опыте. Юные бойцы ООП, встав во весь рост, с гранатометами в руках шли на танки, проявляя немалое мужество».

Это признание израильской газеты говорит о многом. Однако нельзя не видеть вместе с тем, что, выдержав жесточайшее испытание, доказав свою жизнеспособность, ООП попала в нелегкое положение. Ее боевые отряды и руководство находятся теперь дальше от родины, чем прежде, они разбросаны по разным частям арабского мира, правительства которого далеко не одинаково относятся к палестинской проблеме. Семьи многих бойцов остались в Ливане, где их прежние дома вместе с лагерями беженцев разрушены.

Ясно, что борьба палестинцев, хотя, может быть, и в новых формах, будет продолжаться, их организация устояла перед натиском агрессоров, ее не удалось устранить с ближневосточной политической арены. Не снят с повестки дня и лозунг о создании независимого палестинского государства. Да это и невозможно сделать, как нельзя уничтожить четырехмиллионный палестинский народ, ликвидировать его естественное стремление к свободе и независимости. Проблема самоопределения палестинского народа будет существовать, пока существует сам народ, с этим придется считаться Израилю и его американским покровителям.

Многочисленные сообщения, поступающие с Ближнего Востока, дают основание вместе с тем прийти к выводу, что против палестинцев готовится еще один заговор. Современное отношение к ним сионистов наиболее откровенно высказал израильский премьер-министр М. Бегин: «У нас нет места для двух народов. Единственным решением является Палестина без арабов». Разве это не продолжение старого сионистского лозунга, провозглашенного еще в прошлом веке? Слова эти означают не что иное, как подтверждение курса на окончательное присвоение всех палестинских земель — Западного берега и Газы. Что же касается самих жителей, то всех или значительную часть их хотят вытеснить в Иорданию.

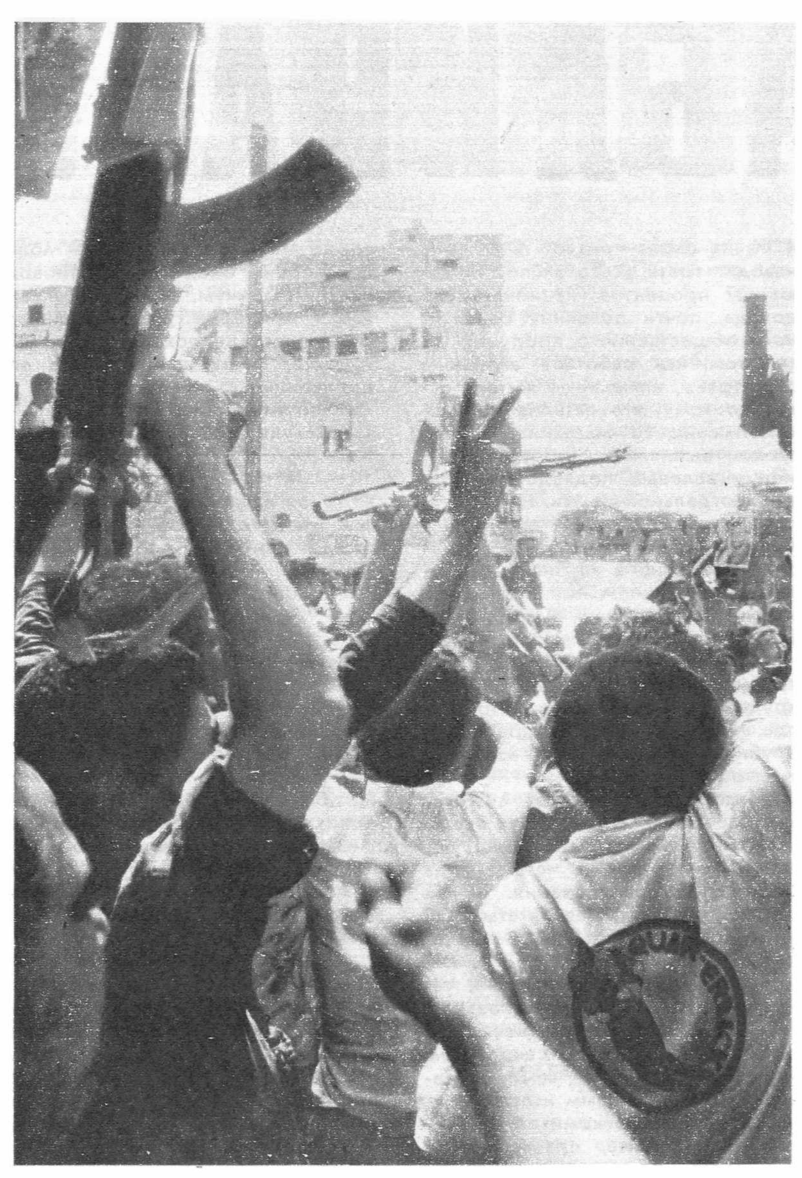
В Израиле уже ходит карта, на которой в его границы включены все палестинские земли и Голанские высоты, а Иордания названа палестинским государством. Видно, в Тель-Авиве уже по-серьезному готовятся к очередному изгнанию палестинцев из их родных городов и деревень.

Естественно, не только осуществление, но и само появление подобных планов возможно как результат американской поддержки, американского покровительства израильского государства. Вот несколько цифр: с 1951 года Израиль получил 28 миллиардов долларов американских кредитов, в том числе 15 миллиардов на закупку оружия. Как сообщила газета «Вашингтон пост», из 567 боевых самолетов, которые находились на вооружении израильской армии перед вторжением в Ливан, 457 американских, приобретенных на займы или безвозмездные субсидии Соединенных Штатов, а 80 самолетов «Кфир» израильского производства оснащены американскими двигателями.

К этим фактам следует добавить и то, что Вашингтон обеспечивает Израилю политическое и военное «прикрытие» на международной арене. Он подогнал к ливанским берегам свой 6-й военно-морской флот, курсирующий в Средиземном море, направил в Бейрут 800 морских пехотинцев под предлогом обеспечения эвакуации палестинских бойцов. Делается все это потому, что цели американской и израильской политики на Ближнем Востоке в основном совпадают. Израиль часто выступает в роли защитника интересов Вашингтона, проводника его авантюристического курса.

Естественно, что наша страна решительно осудила израильскую агрессию, заняла вполне определенную позицию против высадки американцев на ливанской земле и потребовала немедленно вывести оттуда все израильские войска. Советский Союз заявил, что будет продолжать борьбу за восстановление мира на Ближнем Востоке, отвечающего интересам всех народов района, включая и палестинских арабов.

Владимир КОВНАТ, корреспондент-кинооператор Советского телевидения на Ближнем Востоке
Фото автора

Очередная группа палестинских бойцов покидает Бейрут.

21 августа рано утром мы выехали из нашего корпункта в Бейруте. Осколки снарядов и ракет, которыми усыпаны бейрутские улицы, со звоном отлетали от автомобильных колес, ударяя по днищу машины. Битое стекло противно скрипело и трещало под шинами. Вдоль разрушенных пустынных жилых кварталов мы подъехали к району морского порта. Здесь нет ни одного неповрежденного здания. Разрушение района порта началось еще во время гражданской войны, развязанной усилиями американо-израильской агентуры более восьми лет назад. Многие развалины уже успели порасти высоким бурьяном и молодыми деревьями. Но чем ближе подъезжали мы к порту, тем больше попадалось новых руин. Это поработали орудия израильских танков, ракеты с кораблей и бомбы американских бомбардировщиков, украшенных голубой шестиконечной звездой. Здесь, среди руин и земляных завалов, бойцы отрядов ПДС—НПС не только остановили многократно превосходящие силы интервентов, но и отбросили танки израильтян на исходные позиции. Это произошло 12 августа, когда оккупанты бомбили Бейрут одиннадцать часов подряд, снося целые кварталы жилых домов. Стойкость и мужество палестинских боевых отрядов и ливанских патриотических сил вызвали восхищение всего мира. Еще никогда сионисты не получали такого отпора. Бейрут горел, но держался...

А сегодня в порту высадились парашютисты французского иностранного легиона, первый батальон международных сил по разделению палестинских отрядов и израильской армии, блокирующей столицу Ливана. С изумлением и даже замешательством французы обнаружили в порту израильских солдат, которые должны были к этому моменту отойти от порта, как гласил один из пунктов соглашения о выводе палестинских сил из Бейрута. Ведь именно через порт должна была осуществляться эвакуация нескольких сот раненых и первой группы палестинских бойцов. Наконец, израильтяне покинули порт, и тогда палестинские отряды стали передавать французским подразделениям свои позиции. Делалось это по всем правилам военного этикета, при полном взаимном уважении солдат обеих сторон. С восхищением смотрели французы на четкие шеренги палестинских партизан, выдержавших тяжкую битву с вооруженными до зубов израильскими агрессорами. И с ужасом смотрели молодые парни во французской военной форме на избитые тоннами металла и взрывчатки чудовищные руины, которые они временно занимали до прихода национальной ливанской армии. Им еще предстояло увидеть, что израильтяне сделали с самим Бейрутом...

К 8 августа положение жителей осажденного Бейрута стало настолько ужасным, что агрессоры были вынуждены под давлением объективных предложений Советского правительства и мирового общественного мнения принять план эвакуации палестинских бойцов из Западного Бейрута. Когда руководство ООП, власти Ливана и даже правительство США согласились на определенный порядок вывода защитников Бейрута из осажденного города ради спасения многих тысяч мирных жителей, военный министр Израиля Ариел Шарон заявил, что весь этот план является обманом. Почему? Потому что интервенты не хотели выпускать добычу из рук, считая, что им удастся уничтожить бойцов ПДС — НПС всех до единого, даже ценой полного разрушения Бейрута и гибели его жителей. Сионистская администрация считала недопустимым, чтобы ее противники вышли из неравного боя с гордо поднятой головой.

На семьдесят седьмой день интервенции Израиля против Ливана и шестьдесят девятый день блокады Бейрута палестинские бойцы начали отход из Бейрута — непобежденными, несломленными, уверенными в победе добра над злом. Эти изгнанные из родной Палестины люди уходили в новое изгнание. А ведь многие из них родились и выросли уже в Ливане, но даже гостеприимная ливанская земля не могла заменить им родину... Теперь они уходили в другие арабские страны, чтобы избавить от принесенных израильской армией мучений ливанский народ, давший палестинцам убежище более тридцати лет назад.

Было удивительно видеть, сколько ливанцев осталось жить в разрушенных домах. Сотни бейрутцев провожали героев блокады, стоя у порога своих взорванных и выжженных жилищ.

Отряды Национально-патриотических сил Ливана приветствовали своих друзей по борьбе с интервентами салютом из автоматов, они вывесили плакаты «Палестинская революция непобедима», «Мы с вами в нашей общей борьбе», «Ливан приветствует вас», «До встречи в свободной Палестине». Лидер НПС Валид Джумблат приехал к порту на проводы боевых товарищей и стоял у дороги, вьющейся среди развалин, склонив голову, чтобы не было видно его слез, и сжимая в руках автомат. Заиграла музыка, и ливанцы с палестинцами обнялись в хороводе прощального военного танца...

— Мы уходим, потому что не можем видеть, как израильтяне громят город, на окраинах которого мы выросли в беженских лагерях,— сказал нам командир одного из отрядов ПДС.— Но наша борьба продолжается. Палестинская проблема не только осталась нерешенной. Теперь она стоит еще более остро. Но весь мир уже знает, на что способны сионисты и их американские покровители. И весь мир видит, что мы умеем сражаться за свою независимость, а если нужно, и умирать. Победа палестинской революции неизбежна. До встречи в свободной Палестине!

Мы ехали от порта домой знакомой дорогой среди разрушенных домов, и набившиеся в шины осколки металла и стекла стучали по асфальту, когда попадался расчищенный участок пути.

По-прежнему дети несли бутыли и канистры с водой, печально глядя на развалины, мимо которых они ходили уже столько дней. Как всегда на юге, солнце быстро скользнуло за горизонт, и когда-то сверкающий мириадами огней город погрузился во тьму блокады.

Когда мы притормозили у огромной воронки посреди улицы, к нам обратился по-английски возникший внезапно из темноты пожилой ливанец, державший за руку маленькую девочку:

— Простите меня, мне кажется, где-то шумит самолет... Или только кажется?.. Бомбардировка двенадцатого августа была ужасной...

Девочка прижалась к ноге деда и смотрела в темное небо огромными, не по-детски серьезными глазами. Мы прислушались. Ветер тихо и печально выл в разорванных осколками полосах металлических штор соседнего дома. На фоне последнего оранжевого пятна закатного неба черные силуэты разбитых домов казались мрачными символами войны.

И вдруг то в одном, то в другом окне начали появляться крохотные светлячки свечей и газовых лампочек. Их было мало на этой суровой громаде городского монолита. Но они были, и мы видели, что Бейрут, который израильтяне убивали так мучительно долго, живет и никакое, даже самое современное варварство неспособно убить до конца город и его людей.

БОРЬБА БУДЕТ ПРОДОЛЖЕНА

ОПЫТ
НАШИХ
ДРУЗЕЙ

ТАБЛИЦА УМНОЖ

9 СЕНТЯБРЯ В БОЛГАРИИ ПРАЗДНИК — 38-Я ГОДОВЩИНА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Н. КРЫЛОВА,
специальный корреспондент «Огонька»

СВИНОМАТКА НАПРОКАТ

Что можно взять напрокат? Пианино, водные лыжи, соковыжималку... А не хотите ли получить во временное пользование корову или свиноматку, готовую принести поросят, взять виноградник или несколько соток, засаженных клубникой? В Болгарии это может сделать каждый — и сельский житель и горожанин. И желающих в последние годы становится все больше.

Возвращая на прокатный пункт пианино, вы платите определенную сумму. А тот, кто сдает взятую бесплатно «напрокат» свиноматку, получает за это деньги по весу мамаши и потомства. И не только деньги: на откорм животных АПК — аграрно-промышленный комплекс (это крупное коллективное хозяйство) отпускает из своих закромов концентрированные корма по государственным ценам из расчета четыре килограмма на килограмм свинины. Продукция с крестьянского подворья засчитывается АПК в план госпоставок.

Это только один частный пример того, как действует в НРБ так называемая система самообеспечения населения продуктами питания. Ее результат весьма ощутим, причем цены на базаре ненамного выше.

В Болгарии нет министерства сельского хозяйства. Координирует и контролирует деятельность всех звеньев аграрного цеха страны Национальный аграрно-промышленный союз (НАПС), созданный в 1979 году. В его ведении находятся сельскохозяйственное машиностроение и ремонт техники, мелиорация и орошение, пищевая промышленность, торговля, наука и подготовка кадров для села.

Основа аграрного сектора в стране — коллективные хозяйства с наделом 15—20 тысяч гектаров обрабатываемой земли, вооруженные современной техникой,— АПК, их около трехсот. Они производят треть всего экспорта, дают 29 процентов национального дохода, почти половину совокупного общественного продукта.

О том, как работает аграрный цех страны, каждый ее житель судит по тому, что есть на прилавке ближайшего магазина. И вот тут-то выявились противоречия между валовым подходом и нуждами отдельной семьи. Например, производство овощей, фруктов в Болгарии в целом росло, а на местах, особенно в глубинке, случались перебои. АПК стремились производить, что им выгодно, выращивать культуры, которые легче поддаются механизации, не требуют больших затрат ручного труда. Вот и получалось, что там, где, скажем, можно выращивать клубнику или лук, в магазине их могло не оказаться.

Обеспечить ритмичное снабжение населения круглый год всеми продуктами и призвана действующая в Болгарии уже четыре года система самообеспечения. В чем ее суть, каковы результаты? Об этом я беседовала со специалистами на разных уровнях. В Софии — с руководителем управления самообеспечения и личного хозяйства НАПСа Величко Манчевым, в Велико-Тырнове — с секретарем окружной комиссии самообеспечения Сыби Сыбевым и председателем окружного комитета Отечественного фронта, членом бюро окружного комитета партии Николой Стояновым.

А потом вместе с коллегами из болгарского журнала «Отечество» Станкой Пенчевой и Иво Хаджимишевым мы поехали в Горна-Оряховицу, где встретились с председателем АПК, побывали в селах, в подсобном хозяйстве завода, посмотрели огород у горожан. Вот какая картина складывается из этих бесед и встреч.

ДЛЯ РАБОЧЕЙ СТОЛОВОЙ

Завод «Червена звезда», что в городе Дебелец, недалеко от Велико-Тырнова, выпускает строительные и дорожные машины, энергетическое оборудование, защитную технику для атомных станций. Вот уже четыре года действует здесь цех, продукция которого — свинина и помидоры, картофель, лук и другие овощи. Это — подсобное хозяйство предприятия. Цехом я его назвала не для красного словца — те, кто там трудится, получают зарплату, как и рабочие основных цехов.

Показывал нам заводское именние Мюлю Драндаров, человек живой, энергичный, несмотря на полноту и возраст: он уже на пенсии. Товарищ Драндаров любит и умеет хорошо считать. Неудивительно: почти четверть века проработал главным бухгалтером «Червеной звезды», теперь руководит подсобным хозяйством. Первым делом он привел нас в свинарник. Чистые, розовые свиньи полоскались в воде, как тюлени в зоопарке.

— У нас хороший свинарь,— говорил Мюлю Драндаров.— Молодой парень, окончил животноводческий техникум. Работает и живет здесь, на ферме. Душ, телевизор. И зарплата неплохая — около четырехсот левов в месяц. На его попечении 125 животных.

Я поинтересовалась, откуда на заводскую ферму поступают корма.

— Шестьдесят процентов — отходы от нашей столовой. Остальные производим сами и получаем от АПК, которому продаем излишки мяса.

Посмотрела я и заводской огород. Он невелик. Есть и теплица, где выращивают помидоры. Трудятся здесь пять человек, все пенсионеры.

— Так и задумано,— говорит бывший главбух.— По себе знаю, после ухода на пенсию человек ищет занятие по силам. А что может быть лучше работы на свежем воздухе? Пользу людям приносишь, да и солидная прибавка к пенсии — больше двухсот левов в месяц. К тому же не отрываем от основного производства рабочие руки.

— Кстати, а рабочих из цехов не приходится посылать на подмогу?

— Нет, но служащие обязаны отработать два трудодня в году.

Хоть и невелик огород, однако, чтобы вспахать его, нужен трактор.

— АПК дает?— спрашиваю.

— Да нет,— отвечает Драндаров.— Чтоб на заводе своего трактора не было?

Много чего есть на заводе. Есть и электрик, слесарь, сварщик.

Случись какая неполадка с техникой на заводском огороде или ферме, ее можно быстро устранить своими силами.

— Все-таки растения нужно уметь выращивать?

— Ну, каждый болгарин в душе хоть сколько-нибудь огородник,— широко улыбнулся Драндаров, а потом уже серьезно добавил:— Раз в неделю к нам приезжает агроном, дает рекомендации в письменном виде, как доктор рецепт выписывает.

Затем нас пригласили в рабочую столовую. Близился обеденный перерыв, и из кухни очень вкусно пахло. Меню здесь такое, что любой ресторан «Балкантуриста» позавидовать может, а цены очень низкие. В среднем хороший обед стоит по-нашему 50 копеек. Заводской пионерлагерь и дом отдыха тоже снабжаются зеленым цехом предприятия.

Прибыль, которую дает подсобное хозяйство, идет в фонд расходов на социально-бытовые нужды. За счет этих денег и снижается стоимость обедов в рабочей столовой.

Вот так работают заводские подсобные хозяйства. Сейчас их в Велико-Тырновском округе больше сотни, а всего в стране свыше четырех тысяч. Они дали 52 процента мяса, необходимого рабочим столовым. Намечено, что к 1985 году подсобные хозяйства будут полностью обеспечивать потребности рабочих столовых.

И ПОЛЬЗА И ОТДОХНОВЕНИЕ

Дорога петляет среди зеленых холмов, издали склоны их напоминают лоскутное одеяло. Это небольшие садово-огородные участки, владельцами которых стали горожане. Да, именно владельцами — участки даются пожизненно, с правом наследования. Можно возводить и легкие постройки. А сажать и выращивать — все, что душе угодно.

Каждую субботу инженер Атанас Сабахов приезжает сюда на рейсовом автобусе. От проходной велико-тырновского завода «Ивайло», где он работает, до его участка восемь километров.

Прямо у входа кусты роз, гвоздики.

— Сорвите себе вон те, покрупнее,— предлагает хозяин. У меня рука не поднимается. Он все-таки срывает несколько гвоздик и протягивает мне:— На память гостиньке рускине!— так звучит по-болгарски «русская гостья».

С гвоздиками в руках я ходила вдоль грядок. Только когда подошла к забору, вдоль которого тянулись кусты малины, пришлось положить цветы: очень уж хотелось попробовать крупных, душистых ягод.

— Опытный вы садовод,— сказала я хозяину.

— Да нет, что вы!— засмеялся он.— Всего три года этим делом занимаюсь.

Как выяснилось, Атанас — человек городской. Живет в Велико-Тырнове, жена тоже работает, дочь — врач, сын учится в военном училище. Взял участок, купил три книжки по садоводству, увлекся работой на свежем воздухе, и вот результат: в прошлом году собрал 250 килограммов винограда, центнер картошки, 80 килограммов лука, 20 фасоли, много дынь, арбузов, ягод. И на семейном бюджете это сказалось: машину купили.

— Вы, что же, продаете часть урожая?

— Нет. Но и не покупаю ни овощей, ни фруктов,— с гордостью ответил Сабахов.

— А где храните выращенное? Ведь современная городская квартира для этого не приспособлена?.

— У меня здесь погреб. Сам построил, завод помог с материалами — бетон, щебенку завезли. Хотите посмотреть?

Стеллажи были уставлены банками с компотами и всякими другими домашними консервами. Такая же картина и у соседей. Я поинтересовалась, кто они. Инженер со швейной фабрики, сотрудник вычислительного центра, преподаватель университета, продавщица. Их общее мнение: для горожанина работа здесь — лучший отдых, а семье польза. Так считают многие горожане в Болгарии. Только в горсовете Велико-Тырнова более пяти тысяч заявлений от желающих получить садово-огородный участок.

ЕНИЯ ПО-БОЛГАРСКИ

НАТЮРМОРТ С АМБАРНОЙ КНИГОЙ

Стол был большой. Он стоял в саду возле дома, покрытый веселенькой клеенкой в белую и голубую клетку. Такой есть в каждом крестьянском дворе. И здесь, в селе Крушето, конечно, тоже. За ним обедают, обсуждают новости, строят семейные планы.

На голубой клетке очень живописно смотрелись помидоры, огурцы, жемчужно-розовый чеснок, блюдо с черешней и, конечно, темная бутылка с домашним вином. Хозяин, Костадин Петков, радушно пригласил разрушить этот натюрморт. Но мы попросили его сначала показать свое хозяйство. Это заняло немного времени. Вся усадьба — пятнадцать соток, считая дом, хозяйственные постройки, сад и огород, куда ведет узенькая — двоим не разойтись — бетонная тропка. Ни вершка земли не пропадает, все засажено. Что здесь только не растет — буквально все, от салата до винограда. Корова, овцы, свиньи, лошадь, куры, индюшки.

— Кто же ухаживает за всей этой живностью, трудится в саду, на огороде?

— Я и жена,— ответил бай Костадин.— Мы оба уже на пенсии. Сын с невесткой живут с нами, работают на маслозаводе. Помогают, конечно, но главная рабочая сила — вот!— Он вытянул над столом свои загорелые, крепкие руки, руки крестьянина, которые красноречивее всякой анкеты говорили о профессии этого человека. Он на минутку встал из-за стола и тут же вернулся с большой амбарной книгой.

— Тут вся моя бухгалтерия,— с этими словами открыл книгу и, водя пальцем по столбцам цифр, принялся перечислять, сколько овощей в прошлом году он продал на заготовительный пункт АПК. За вычетом затрат на семена, удобрения и т. д. Петковы получили от своего огорода чистого дохода три тысячи левов.

— Откуда семена?— спросила я.

— Часть свои, часть покупаю в магазине государственной организации «Сортовые семена».

— А удобрения?

— Тоже покупаю, это не проблема. Теперь животноводство,— Петков перевернул страницу,— в этом году я уже продал четырех свиней и восемь поросят. Двенадцать буду откармливать, из них четырех для себя, а восемь сдам АПК.

Еще он сдаст теленка, пару ягнят и получит в общей сложности больше четырех тысяч левов.

— А скотину чем кормите?

— АПК отпускает концентрированные корма по госценам. Кроме того, выделил мне участок, засеянный люцерной. Мое дело — убрать сено. Там же и пасу своих овец.

— Машина есть?

— Да, сын ездит, а моя вон,— он показал на сарай, где стояла лошадь.

В селе Крушето, где живет Костадин Петков, 420 дворов. В каждом держат скот и птицу, разводят огород. Ежегодно крестьяне этого села сдают со своих участков 180 тонн помидоров на экспорт.

МОНОЛОГ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ

Итак, основа процветания личных хозяйств, будь то крестьянское подворье, огородный участок горожанина,— общественный сектор. АПК должен вспахать, обеспечить посадочным материалом, удобрениями, послать, если нужно, ветеринара, агронома. АПК обязан, АПК должен — словом, уйма дополнительных забот. Какой же резон взваливать их на свои плечи? Такой вопрос задала я председателю АПК «Горна-Оряховица», Герою Социалистического Труда Николе Кушеву. Хозяйство у него большое: 12 сел и город Горна-Оряховица входят в него, 18 тысяч гектаров земли. Хозяйство многоотраслевое.

Главное — овощеводство. Этот район издавна славился своими искусными огородниками — можно сказать, всю Среднюю Европу огородничеству учили. И сейчас специалисты-овощеводы ездят в Венгрию, Чехословакию учить секретам своего мастерства. Есть в АПК и животноводство. Производят и зерно — пшеницу, ячмень, кукурузу.

Ответ председатель начал прямо с цифр.

— В этом году планируем получить 9360 тонн молока. Из них общественный сектор даст 8800, 560 тонн — личный. Три тысячи тонн мы обязаны сдать государству. Все, что произведем сверх того, останется у нас. Это более 180 литров в год на человека. Аналогичная картина с мясом. АПК произведет 1950 тонн, треть из них даст личный сектор.

Если хуже сработаем (чего, однако, не бывает),— продолжал председатель,— меньше останется продуктов для наших жителей. Ведь план-то государству мы должны дать. То есть если кто-то будет плохо работать, он это ощутит на прилавке своего магазина.

Три года назад дело обстояло иначе. Были цифры, сколько надо сдать государству и сколько государство должно дать продуктов в местную торговую сеть. Случалось, что не всегда успевало снабдить всем необходимым, особенно глубинку, отдаленные районы. Причем каждый работник АПК, независимо от того, выполнило его хозяйство план или нет, спрашивал в магазине то, что ему нужно. Теперь, если чего-то нет, не приходится кивать на столицу, мол, не завезли, не запланировали, не предусмотрели. Самообеспечение — это когда каждый видит оценку своего труда не на бумаге, а на прилавке.

Вторая выгода от кооперации АПК с частным сектором — экономия капитальных затрат, не надо строить новые фермы, а производство мяса растет. И еще одна проблема решается — рабочих рук. В этом году «Горна-Оряховица» получила от личных хозяйств 500 тонн мяса. В АПК на его производство пришлось бы занять 200—300 человек.

Или взять заготовку кормов. Вспахать, засеять не проблема для АПК. А вот высушить, убрать сено — тут много хлопот нужно. Теперь мы даем каждому, кто держит корову, 0,1 гектара люцерны. Дело хозяина — убрать сено. Он платит АПК за работу, за семена, но это очень немного. Выгодно и нам и ему. Молоко и мясо мы покупаем у него, и они засчитываются в план АПК, так что заботы о каждом подворье оправдываются. За три года существенно выросло производство мяса, молока, овощей, особенно ранних, появилась клубника, малина. Работая по-старому, такие результаты мы бы получили лет через десять.

И еще один вопрос задала я председателю: не может ли быть так, что кто-то, увлекшись собственным огородом, будет вполсилы работать в общественном секторе?

— Отношения АПК с каждым хозяином регламентируются договором. С тем, кто плохо работает, мы его не заключим. А без помощи АПК индивидуальное хозяйство процветать не сможет.

СЛАГАЕМЫЕ ИЗОБИЛИЯ

Четыре года назад в Болгарии было принято совместное решение Совета Министров, профсоюзов, Отечественного фронта о введении системы самообеспечения. Это нераздельная часть программы партии повышения жизненного уровня народа. Слово «самообеспечение» не имеет ничего общего с натуральным хозяйством. Главный его смысл в том, что центр тяжести переносится в округа, на места. Округ (область, по-нашему) получает от госплана твердые цифры: сколько чего он обязан сдать государству. Все, что будет произведено сверх плана — мясо, молоко, овощи,— все это остается в округе, поступает в торговую сеть, то есть сам округ должен обеспечить потребности населения в продуктах согласно научно разработанным нормативам. И работу округа стали оценивать не только по тому, сколько продуктов он сдал государству, но и по тому, как «отовариваются» эти нормативы. Каждый механизатор или доярка заинтересованы не только, чтобы зарплата была повыше, но и в том, чтобы дать больше реальной продукции: что вырастишь на ферме и в поле, то и купишь в магазине.

Чтобы получить весомую прибавку к столу, был проведен серьезный поиск резервов — земли, рабочей силы. Создана такая система цен и материальных стимулов, которая открыла простор инициативе каждого.

Прежде всего, где взять землю? В Болгарии на душу населения приходится полгектара пашни — один из самых низких показателей в мире. В масштабах всей страны провели инвентаризацию неиспользуемых земель. Небольшие участки, неудобные для обработки в коллективных хозяйствах,— на склонах холмов, вдоль дорог и т. д.— составили 200 тысяч гектаров. Из этого фонда стали выделять участки для подсобных хозяйств предприятий, а также крестьянам-кооператорам и горожанам. С одним условием: землю может получить только тот, кто трудится в общественном секторе, или пенсионеры. Так что никакого разгула частнособственнической стихии быть не может.

Основой сельского хозяйства Болгарии, его главной производительной силой был, есть и будет общественный сектор, коллективное хозяйство. Только теперь отношения его с индивидуальным сектором строятся так, что выгодно обеим сторонам.

В конце года АПК заключает договор с каждым желающим, будь то крестьянин или житель ближайшего города. В договоре точно определены обязательства сторон.

Например, АПК дает столько-то цыплят, поросят, ягнят и обеспечивает их кормами. Если хозяин вырастит животных на собственных кормах, то закупочная цена будет гораздо выше. АПК может помочь вспахать, засеять индивидуальный участок, дать пленку для теплиц, удобрения, посадочный материал и т. д. За это «индивидуал» платит по государственным ценам. Все, что он вырастит, у него купит АПК. Здесь же, на месте, что тоже предусмотрено договором.

В установлении связей между общественным и личным хозяйством большую роль играет Отечественный фронт — самая массовая общественная организация в Болгарии. В каждом селе представители Отечественного фронта, АПК, народного совета обходят крестьянские дворы, беседуют с кооператорами, выясняют, что может дать для общего стола данная усадьба. После этого заключается договор.

В нем может быть и такой пункт: АПК предоставляет желающему несколько соток, засаженных клубникой, и последний обязуется продать коллективному хозяйству столько-то килограммов ягод по цене, предусмотренной договором. Все, что он соберет сверх того, он может использовать для себя. Механизм материальных стимулов срабатывает безотказно. В результате резко увеличилось производство таких культур, как клубника, корнишоны. Они требуют больших затрат ручного труда, и коллективное хозяйство раньше их просто избегало.

Итак, главное впечатление от этой поездки: в Болгарии люди много и старательно работают на земле, и труд этот хорошо оплачивается. В результате страна получает весомый вклад в свой продовольственный баланс: 54,8 процента яиц, 38,8 процента мяса, 26,5 процента молока дают подсобные и личные хозяйства. Растет достаток отдельной семьи, всего общества и государства в целом.

София — Велико-Тырново — Москва.

ГОРОДА И ВРЕМЯ

Илья ГЛАЗУНОВ,
народный художник СССР

Недавно я закончил работу над большой серией иллюстраций к двенадцатитомному изданию собрания сочинений Достоевского. Огромный сложный мир произведений великого писателя привлекал меня с самых ранних шагов моей творческой жизни. Мне хотелось найти свой ключ к Петербургу Достоевского, того таинственного, живущего единой жизнью с героями города, который служит фоном большинства его произведений. Петербург многолик. Мы знаем пушкинский Петербург, Петербург Гоголя, Петербург Блока. Каждой эпохе, каждой творческой личности свойственно свое восприятие города. Парадный, величественный, «Петра творенье» в бессмертных строках Пушкина, запечатленный в многочисленных гравюрах Зубова, Махаева, в пейзажах Алексеева, Галактионова, Щедрина...

У Достоевского Петербург иной. Это город каменных трущоб, знойного, душного лета, мокрого снега, сквозь который мерцают в туманных перспективах улиц огни фонарей, это город угрюмых прохожих, обездоленных детей, узких грязных переулков, мрачных дворов и холодных каменных лестниц, грязных трактиров, тесно заставленных баржами каналов; город наваждения белых ночей, город, лишь на мгновение озаряемый лучезарной красотой трагического заката.

Место действия у Достоевского всегда очень конкретно. Дома, где жили его герои, сохранились до наших дней. Сколько раз я бродил вдоль Екатерининского канала, вглядываясь в дома, где жили Соня Мармеладова и старуха-процентщица. Особенно выразительны и памятны мне с юности дворы на Подьяческих улицах, эти глухие колодцы с низкими, словно каменные катакомбы, проходами. Я долго смотрел на фасад дома, где жил Парфен Рогожин. День был дождливый. Гороховая улица недалеко от Садовой ведет к Адмиралтейству. Его золотая игла уходила в низкое свинцовое небо, было ветрено и пустынно. Изредка проносились машины. Двор дома устилал густой ковер осенних опавших листьев, которые ветер поднимал иногда в воздух. Дети играли в войну. Если бы не современные светильники и гардины в окнах, то, казалось, можно было встретить из-за занавески пристально-воспаленный взгляд Рогожина. Дом Рогожина сохранился до наших дней в том виде, как он описан у Достоевского, и точно дополняет характеристику самого героя. Дом «был большой, мрачный, в три этажа, без всякой архитектуры, цвета грязно-зеленого. Некоторые, очень, впрочем, немногие дома в этом роде, выстроенные в конце прошлого столетия, уцелели именно в этих улицах Петербурга (в котором все так скоро меняется) почти без перемены. Строены они прочно, с толстыми стенами и с чрезвычайно редкими окнами; в нижнем этаже окна иногда с решетками. Большей частью внизу меняльная лавка. Скопец, заседающий в лавке, нанимает вверху. И снаружи, и внутри как-то негостеприимно и сухо, все как будто скрывается и таится, а почему так кажется по одной физиономии дома, было бы трудно объяснить. Архитектурные очертания линий имеют, конечно, свою тайну». Часто во время моих прогулок с альбомом в руках по городу мне представлялась фигура Достоевского таким, как его описывает в своих воспоминаниях дочь писателя, «блуждающим по самым темным и отдаленным улицам Петербурга. Во время ходьбы он разговаривал сам с собою, жестикулировал, так что прохожие оборачивались на него».

Еще будучи студентом, я попытался написать Достоевского, стоящего на набережной канала. Сейчас я начал новую работу «Достоевский в Петербурге», где мне хочется представить творца «Белых ночей» идущим по набережной канала у Николы Морского, там, где происходили свидания мечтателя с Настенькой.

Давно и много я работал над образом моего родного города, где родился и вырос, и часто задумывался над тем, что понимание культурных ценностей и явлений проходит зачастую длинный путь в общественном сознании.

Петербург... Солнечный гений Пушкина сразу объял всю красоту новой столицы на невских берегах. Но вслед за восторженным отношением поэта и современных ему художников к Петербургу, начиная с 40-х годов, устанавливается эпоха непонимания, антипатии, холодного безразличия к образу великого города. И так вплоть до начала нашего века, когда плеяда художников, объединенная в обществе «Мир искусства», открывает вновь неповторимую красоту Петербурга. Они утверждали: «Нам казалось бы, что теперь должно было наступить возрождение художественного отношения к заброшенному Петербургу... Хотелось бы, чтобы художники полюбили Петербург и, освятив, выдвинув его красоту, тем самым спасли его от гибели, остановили варварское искажение, оградили бы его красоту от посягательства грубых невежд... Мы не устанем твердить, что Петербург удивительный город, имеющий себе мало подобных по красоте». Кто теперь не знает прекрасных произведений А. Бенуа, Лансере, Остроумовой-Лебедевой, Добужинского и других, посвященных Петербургу! Я лично считаю Ленинград самым красивым городом мира. Мне довелось побывать в Париже, Берлине, Риме, Копенгагене, Стокгольме, Нью-Йорке, и ни один из них не затмил для меня образ моего родного города.

Мне думается, что без Петербурга, без понимания его роли в русской культуре и истории не может сформироваться художник современной России. Также я не могу себе представить русского художника, который никогда не был в Новгороде, Суздале, Ростове Великом, Загорске и других очагах нашей древней и вечно юной культуры. Вот почему, будучи профессором института имени Сурикова, где я возглавляю мастерскую портрета, я провожу практику моих студентов в ленинградском Эрмитаже и в городе Пушкине, овеянном памятью великого поэта.

Нет художника без школы. Школа — это мастерство, помноженное на традиции. Школа — это понимание мира, становление художника, познание вершин реалистического искусства.

Изучение наследия старых мастеров с помощью копирования практиковалось художниками всех времен. Копируя произведения Леонардо да Винчи, Рубенса, Ван Дейка, Веронезе и других, молодой художник точно беседует с мастером. Из великих русских художников много копировали старых мастеров Карл Брюллов, Венецианов, Александр Иванов, Репин и другие. Общеизвестна высота школы рисунка русской Академии художеств. В основе художественного образования лежало рисование с античных гипсов. Следует возродить традицию тех времен, когда студенты копировали полотна великих мастеров живописи. Ведь мы убедились на опыте молодежи нашей мастерской, что изучение и копирование шедевров классиков необычайно повышают уровень видения и умения, помогают студентам более зрело и осмысленно относиться к натуре.

Особо хотелось бы сказать о роли картины в истории мирового искусства. Ибо высшим проявлением живописного дара испокон веков считалась картина, обладающая значительным и глубоко осмысленным сюжетом, исполненная с полным владением мастерством, свободным и точным рисунком, для которого нет проблем в решении движения или ракурсов, блестящей живописью, раскрывающей все богатство цвета, света и тени, того, что называется специалистами валером, и, конечно, композицией, то есть умением динамично и художественно расположить в пространстве главные компоненты — действующих лиц, элементы пейзажа или интерьера.

Картина является как бы экзаменом для любого самого крупного художника. Она представляется своеобразным испытанием зрелости его таланта. Ныне иногда бытует пренебрежительное отношение к картине. Живопись порою сводится к этюдности, незавершенности. Это преподносится как некая «живость», «художественность».

А ведь понятие художественности прежде всего включает картину — композицию, исполненную в завершенной живописной реалистической форме. Вспомним великое творение «Боярыню Морозову» Сурикова. Ведь это огромное полотно — своеобразная поэма или роман в красках, где читаются судьбы людей, ярко очерченные характеры, где звучит сама история.

Перед моими глазами встает необъятный сонм картин великих живописцев мира. Какую бездну философского прозрения всегда несли в себе картины Леонардо и Рафаэля, Веронезе и Тициана, Рубенса и Рембрандта! Ведь мы будто не ощущаем многовекового барьера времени, вглядываясь в бессмертные полотна: «Афинская школа» Рафаэля, «Блудный сын» Рембрандта, «Семья Дария у ног Александра» Веронезе, «Примавера» Боттичелли, «Явление мессии» Александра Иванова. Пусть легенды и сказания, послужившие сюжетом для их холстов, созданы тысячелетия тому назад, но гений живописцев вновь возродил их, облек в высокохудожественную форму, и мы, дети двадцатого века, находим в этих произведениях ту духовность, человечность и красоту, которой иногда так недостает в наш шумный технократический век.

Мне не хочется отнимать внимание читателей обсуждением специальных проблем искусства, но этот мирный на первый взгляд вопрос вызывает ныне жаркие и не всегда аргументированные споры со стороны любителей «раскованной» художественной формы, отрицающей твердую школу и в конечном счете профессиональную грамотность. Думаю, что само время окончательно разрешит этот спор...

Портрет народной артистки СССР Елены Образцовой развивает давно начатый мною цикл портретов моих современников. Я с волнением писал портрет всемирно известной певицы. Первой русской певицы, которая имеет постоянный ангажемент в Ла Скала и Метрополитен-опера, которая исполняет не только русский классический репертуар, но и французские и итальянские оперные партии. Не случайно она удостоена приза «Золотой Верди», который имеют только такие мастера вокального искусства, как Рената Тебальди, Карло Бергонци, Фьоренца Коссотто. Лучшие грамстудии мира выпускают пластинки Елены Образцовой. Мне, как ленинградцу, приятно, что она родилась, выросла и училась в Ленинграде. Елена Васильевна страстно говорит о величии русского музыкального искусства, о необходимости бережно хранить традиции нашей отечественной классики. «Для меня самые святые минуты,— сказала она мне,— петь на моей родной земле». В своем портрете я хотел передать момент творческого вдохновения, концентрации духовной силы певицы, когда через минуту мы услышим ее чарующий голос.

Я согласен с Еленой Образцовой: «Нет более чуткого, понимающего, сопереживающего зрителя, чем наш. Встреча с нашим зрителем — это суровый экзамен для каждого художника, потому что нет ничего страшнее равнодушия».

Ничто так не обогащает художника, как непосредственное общение с посетителями твоих экспозиций, беседы с взыскательным, думающим, строгим ценителем — современником. Я всегда получаю большой эмоциональный заряд от этих волнующих и увлекательных встреч, бесед и обсуждений моих работ.

В этом году состоялись две выставки моих работ: весной в Одессе и летом в Севастополе. Одесса... Город южный, романтичный, связанный со многими именами деятелей нашей культуры, город, сохранивший свой характерный архитектурный облик. При встречах, беседах чувствуется заинтересованность проблемами искусства, живой интерес, активность восприятия и отношения к живописи, театру, литературе. Выставка происходила в стенах Одесского художественного музея русского искусства.

Меня ошеломила красота Одесского оперного театра, одного из красивейших театров Европы. На сцене этого театра одновременно с выставкой состоялась премьера балета «Маскарад» по мотивам драмы Лермонтова на музыку А. Хачатуряна. Вместе с балетмейстерами-постановщиками В. Смирновым-Голованова и Н. Рыженко мы с художницей по костюмам, моей женой Ниной Виноградовой-Бенуа, стремились передать атмосферу Петербурга лермонтовской поры.

Я только что вернулся из Севастополя. Севастопольцы готовятся отпраздновать 200-летний юбилей Черноморского флота и основания города. Здесь овеяно все памятью о подвигах, совершенных нашим народом за двести лет. Кто не знает вечно памятных имен адмиралов Нахимова, Корнилова, Лазарева, Истомина, легендарного матроса Кошки! Бессмертны страницы истории нашего Отечества! В музее Черноморского флота бережно собраны материалы о героях-черноморцах периода Великой Отечественной войны.

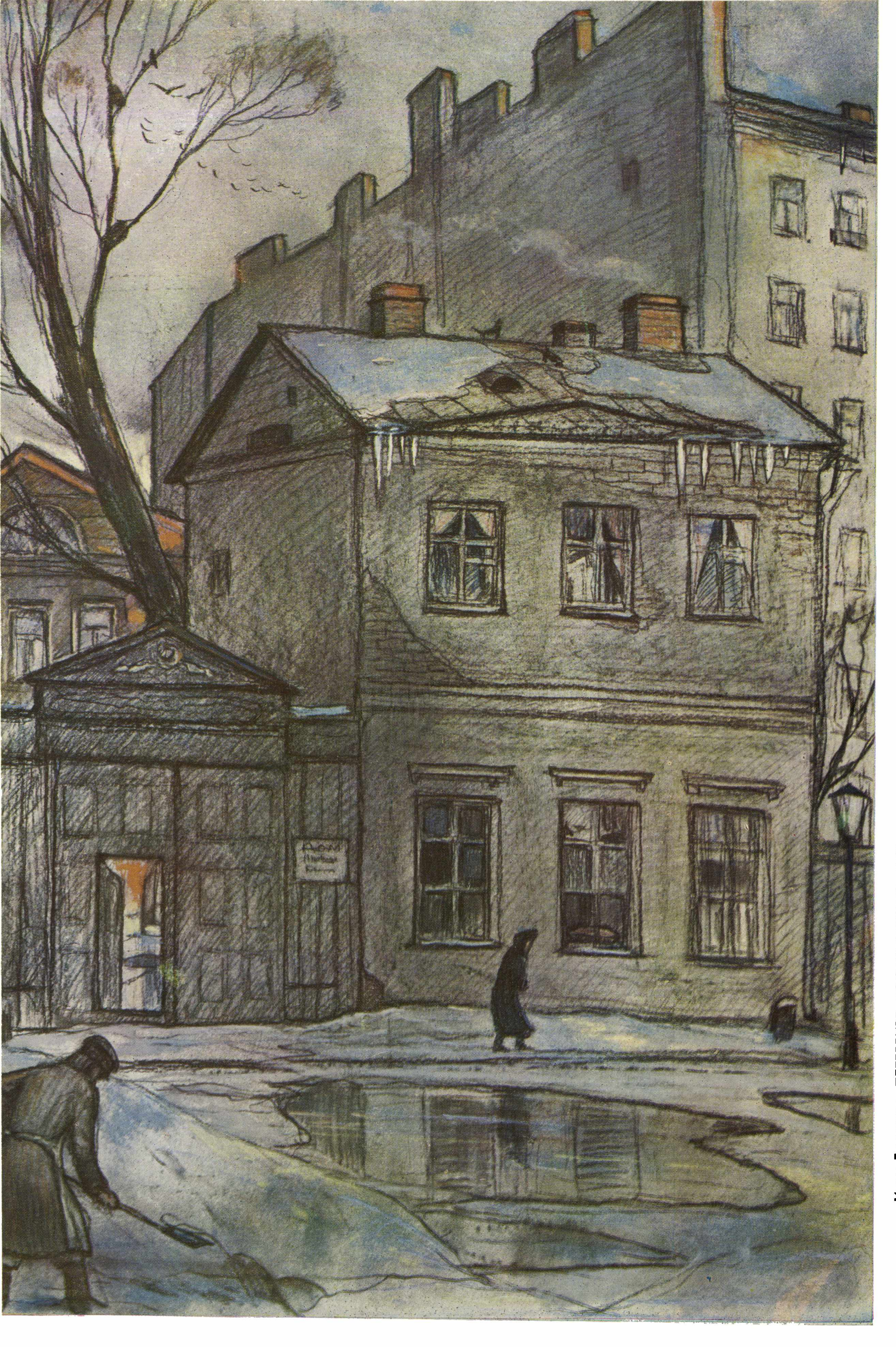
Во время войны Севастополь был разрушен. Ныне центр — ядро города, построенное сразу после войны группой ленинградских архитекторов,— поразил меня гармонией, приверженностью зодчих к традициям классической архитектуры. Поэтому сразу попадаешь в атмосферу исторического города, а не в «населенный пункт», застроенный с унылым однообразием коробками из бетона, стекла.

Глубочайшее впечатление оставляют руины древнего Херсонеса, где в течение 150 лет ведутся археологические раскопки. Этот греческий город взял после долгой осады киевский князь Владимир, после чего произошло знаменательное событие — крещение Руси.

Особый колорит Севастополю придает его положение центра Черноморского флота. Отрадно видеть, что наши славные боевые традиции живут и бережно хранятся во флоте. Много творческих замыслов может дать художнику встреча с Севастополем. Мне было особенно важно снова ознакомиться с замечательной по своим художественным достоинствам севастопольской панорамой, созданной в свое время прекрасным художником-баталистом Рубо и восстановленной после войны группой советских художников под руководством опытного мастера П. П. Соколова-Скаля. Панорама — уникальная форма живописного искусства. Она предполагает глубокую жизненную правду, четкий историзм, многоплановость, большой охват действия. Трудно переоценить глубину воздействия и чувство высокого патриотизма, которое вызывает зрелище панорамы. Мне выпала большая честь быть художественным руководителем создания панорамы, отражающей величайшее событие в истории России — Куликовскую битву, 600-летний юбилей которой недавно отпраздновала наша страна. Работа осуществляется опытными мастерами — художниками Карлиным, Куликовым и Пономаревым. Панорама будет сооружена в Туле по дороге на поле Куликово.

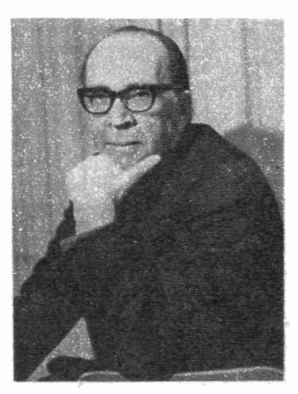
Илья Глазунов. Род. 1930. НАРОДНАЯ АРТИСТКА СССР Е. В. ОБРАЗЦОВА. 1982.

Илья Глазунов. ПЕТЕРБУРГ ДОСТОЕВСКОГО. 1982.

Родное небо

Андрей
АЛДАН-СЕМЕНОВ

У родника, на почерневшем
срубе,
Под кровлей отцветающих рябин,
Сидел в рубашке из холстины
грубой
Отечества великий гражданин,
Сидел он, как безумец,
как фанатик,
И видел то, что недоступно
всем.
Он доверял мечте,
как люди фактам,
И как любви —
создатели поэм.
Он все определил, расчел
и взвесил,
И в формулы железные облек,
И даже невесомость поднебесья
Была ему как пройденный урок.
А люди суетились, пили, пели,
Рыдали и плясали под гармонь,
И жили на земле,
как в колыбели,
Топтали сапожищами огонь
Его души, беснуясь и смеясь...
Не слышал он издевок
безобразных,
Он видел небо, светлое,
как праздник,
Туда не долетали пыль и грязь.
И пробил час...
И совершились сроки,
И с трепетом Республика взяла
Предвиденья и формулы пророка
И землю
в мирозданье
повела.
И люди в изумленье
чуть дышали,
И непрестанно думали о нем...
Он был при жизни
людям незнаком,
А после смерти —
имя на скрижалях!

Волна стучала в голый берег,
Мигали синим солнцем льды,
И озирал усталый Беринг
Неукротимый бег воды.
Орел петровского размаха,
Чья жизнь — работа, не игра,
Он прилетел сюда без страха
По повелению Петра...
Живого времени река
Течет в веках, не уставая.
Потом на эти берега
Слетелась стая молодая
Иных борцов, иных творцов,
Властителей огня и мглы,
Но крепко помнят про отцов
Советской юности орлы.
Давно известно:
где бы ни был,
Куда ни кинут ты судьбой,
С тобой всегда родное небо
И солнце русское с тобой!

Она черна,
свистящая пучина
Тяжелой атлантической волны,
Она одна была первопричиной
И нашей человеческой весны,
И нашего мучительного роста,
Зажатого в тиски бездонных лет.
Все это для ума, быть может,
просто,
Но для души простых понятий нет.
Могу познать и выси, и пучины,
А все же посоветуй мне, мудрец,
Как нам открыть
любви первопричину
И страсти неожиданный конец?

Забыв всемирные вопросы,
Накал событий и страстей,
Размах ракетных скоростей,
Я славлю утренние росы,
Улыбки женщин,
смех детей.
Быть может, в этом суть отгадки:
Мы так стремительно живем,
Что нам любой дороже схватки
Январский снег,
апрельский гром,
И детский крик,
и образ милый,
Прищур ее лукавых глаз,
И мы страшимся не могилы,
А темноты в последний час.

— Который час? —
спросил у резеды.
Она росу безмолвно
отряхнула.
— Который час? —
спросил я у звезды,
Звезда затрепетала и мигнула.
Я обращался к веткам и листам,
К малиновой воде,
к заснувшим травам.
Меня сжигала горькая отрава —
Тоска по исчезающим часам.
— Прости меня, немного
запоздала,—
Услышал я веселые слова,
И сразу закружилась голова,
Она пришла —
и времени не стало.

В иную ночь
я слышу обостренней
И глубже я дышу,
и вижу зорче,
И мой обыкновенный подоконник,
Как в сказке,
зарастает узорочьем
Лесных цветов
и приполярных трав,
И кедрами морозными дымится...
Мне чудятся
тогда
у переправ
Снегами запорошенные лица.
Их манят и костры,
и паруса,
Ракетами
распоротые тучи.
Какие открывать им чудеса
И что изобретать
в годах грядущих?
Им все под стать: резцы и топоры,
Распад ядра
и формул уравненья...
Завидую я новым поколеньям
Создателей
космической поры!

Снова вижу
и слышу я снова
Ледохода и шорох и гром,
И пьянит меня воздух сосновый,
И тревожит лесной бурелом.
Вижу я неприметные тропы,
Шалаши у косматых костров.
Слышу всадников
яростный топот
И пронзительный рев табунов.
И когда я гляжу на гремучий,
На ломающий все ледоход,
Поневоле
прошедшее тучей
Над моей головою встает.
И молчу я, рекой озаренный
И забрызганный пенной волной,
А весна
поднимает
знамена
Над таежной моей стороной.

И вот я понял в одночасье,
Но врезал в память навсегда —
Нас окрыляющее счастье,
Успехи нашего труда.
И если вижу я, как птица
С разбега начинает взлет,
Она зовет меня трудиться,
Чтоб я достиг ее высот.
И если слышу, как в истоке
Растет стремительный поток,
Меня пронизывают токи,
Определяющие срок
И новых дел, и новой страсти,
И в них укрытой красоты,
И вновь ко мне приходит счастье
Как исполнение мечты!

ГЕОЛОГИ ПРИРОДУ БЕРЕГУТ

Еще недавно такая фраза могла бы многих озадачить. Люди, главным делом которых всегда было взять как можно больше и скорее от богатств природы, сегодня озабочены их сохранением и приумножением. Во многих геологоразведочных экспедициях и горнодобывающих предприятиях работают подразделения, занятые экологическими проблемами. Одно из таких подразделений создано в Центральной космоаэрогеологической экспедиции Всесоюзного объединения «Аэрогеология» Министерства геологии СССР. Я беседую с его руководителем Аллой Владимировной Мирновой.

— Наше подразделение,— рассказывает А. В. Мирнова,— образовано в 1976 году. Это совпало с проведением эксперимента «Радуга». Тогда впервые в мировой практике с борта космического корабля «Союз-22» была сделана съемка земной поверхности многозональной фотокамерой МКФ-6. Такие снимки используют в геологии для изучения строения земной коры, поисков полезных ископаемых. В лесном хозяйстве по ним изучают состояние и возраст лесов. Экономический эффект применения космических снимков только в этих областях исчисляется миллионами рублей.

Служба наблюдения и контроля за изменением окружающей среды с целью ее охраны — дистанционный мониторинг — опирается на космическую информацию. Космические снимки становятся основой для создания карт загрязнения почвенно-растительного покрова, отдельных водных акваторий и атмосферного воздуха. Дистанционные материалы являются основой работы и нашего коллектива.

— Что же конкретно можно увидеть на космическом снимке?

— Взгляните сюда.— А. В. Мирнова взяла со стола одну из фотографий.— Цвет растительности на снимке — такой же индикатор «здоровья» окружающей среды, как и цвет лица у человека. На основании изменения этого цвета можно судить, насколько загрязнены в данном районе почва, воды и воздух, даже высчитать процентное содержание вредных примесей...

Сравнение последовательного ряда аэро- и космических снимков одной и той же территории, сделанных в разные годы,— суть одного из методов мониторинга. На таких повторных снимках во многих случаях четко прослеживаются изменения природной среды под воздействием деятельности человека. Такой метод позволяет выявить тенденцию и прогнозировать развитие отдельных природно-технических комплексов.

— А чем занимаетесь вы?

— Мы изучаем изменения окружающей среды под влиянием геологической и горнодобывающей деятельности человека в разных природных зонах. И разрабатываем методику использования в этих целях дистанционных материалов. После проверок эта методика применяется во многих предприятиях и организациях упомянутых отраслей.

Дистанционные материалы и методы, на которых базируется наша работа, включают в себя, кроме космических, аэрофотоснимки, данные радиолокационных, тепловых и других видов съемок, результаты аэровизуальных наблюдений.

— С каждым годом антропогенное влияние становится сильнее, не так ли?

— Да. Например, в центральной России среди плодороднейших черноземных земель расположена Курская магнитная аномалия. Земли здесь и по сей день сохраняют значение всероссийской житницы. В то же время район этот до конца века останется важнейшим центром добычи железной руды. Тут, как нигде, тесно переплетаются проблемы поиска, добычи полезных ископаемых и последующей рекультивации земель.

Площади земель, изъятых из сельскохозяйственного использования, по мере увеличения добычи руды будут увеличиваться. Представьте себе карьер диаметром более трех километров! И это только один, Лебединский! А таких здесь три. В будущем они сольются в один суперкарьер диаметром до десяти километров и глубиной более двухсот метров!

— Трудно вообразить такую воронку в сердце нашей земли... Неужели сделать ничего нельзя?

— Огромные чаши карьеров вернуть хлеборобам уже не придется. Но в рекреационных целях их можно и нужно будет использовать. Устроить здесь водохранилище, посадить на берегу лес. Для тысяч людей появится новое место отдыха. И не за тридевять земель, а рядом с городами и поселками, где они работают и живут.

Богатейшие черноземы, снятые во время вскрышных работ, можно использовать и уже используют для бедных, менее плодородных почв. Трудность в том, что не всякие поля пригодны для улучшения. Дистанционные методы помогают выбрать подходящие участки. Кроме чернозема, остаются, конечно, и другие вскрышные породы. Мел, песок, суглинок — неизбежные спутники открытой добычи. Их складируют в оврагах и балках, исправляя тем самым рельеф непригодных для сельского хозяйства территорий, покрывают черноземом и со временем вернут для использования. Конкретные участки для складирования тоже помогают выбрать дистанционные методы.

— А в каких еще местах доводится работать вам и вашим сотрудникам?

— Почти по всей нашей стране, в разных природных зонах. В заболоченной тайге и тундре Западной Сибири и Кольского полуострова, пустынях восточного Прикаспия, сухих степях Крыма, на острове Сахалин, в горах Южной Якутии, в районе Байкала, там, где к озеру подходит БАМ.

Иногда дистанционный метод становится ведущим, как это происходит в Западной Сибири, в районах добычи нефти и газа. Сильная заболоченность и малое число дорог затрудняют там наземные исследования.

Наша работа получила высокую оценку — золотую медаль ВДНХ. Она помогает решению комплексной программы охраны природы и воспроизводству природных ресурсов нашей страны.

Ю. ВАРЛАМОВ

СОЛНЕЧНЫЙ

Николай БЫКОВ

Фото Бориса КУЗЬМИНА

Николай Павлович Новожилов: «Когда-то здесь было чернолесье».

УЛИЦА МАЯКОВСКОГО

Коровы лежали у самой воды тихоструйной Тверцы, ожидая часа вечерней дойки. Голубые стрекозы зависали над влажными мордами коров и вдруг срывались в парном полете, словно опамятовались и бросались вдогонку за водой реки и последним светом дня. Было тут все так же, как и шесть лет назад, когда пришлось проезжать этой же поймой в похожий день небольшого путешествия по Верхневолжью, земле валдайских родников и отроческой Волги: Осташков, Торжок, Калинин и далее вниз на «Ракете» до Ярославля... Уже тогда украдкой от попутчиков зашвырнул мелкие монеты в глубокое разнотравье за Прутней, загадывая вернуться со временем и в лучший колхоз под Торжком «Мир», и в соседний совхоз имени Ленина, и в совхоз имени 50-летия СССР, что буквально на выезде из Калинина. Затевались серьезные работы по экономическому возрождению Нечерноземья, поднятию плодородия старопахотных земель, и тогда же заранее возбуждалось нетерпение заглянуть через годы в нынешнее лето!

Нечерноземье дождалось своего часа, в калининские деревни возвращалась новой приливной волной жизнь, ободренная вниманием, деятельная, что называется, вполне соответствующая современному уровню хозяйственного потенциала государства; она возвращалась вместе с направленными капиталовложениями, новой техникой, невиданными ранее дозами химикалий и мелиоративной перелицовкой лона земли.

Шесть лет — не срок, программа-то долговременная, и все-таки повторные встречи, например, с директорами совхозов П. П. Смирновым и Н. П. Новожиловым обещали определенные ответы на вопросы, кому и как жить в деревне серединной России, кому тут претворять в жизнь Продовольственную программу.

На этот раз короткая поездка лишь подтвердила мысль, впервые сформулированную при мне в литовском колхозе «Рита аушра»: в деревне лучше, чем в городе. Лучше жить, лучше работать,— по крайней мере так должно быть.

Каждый раз, прощаясь с русским летом, подолгу зеленым и заряженным озоном многих гроз, испытываю желание окунуться в травы с головой, вынырнув, проследить вольный солнечный круг от восхода до заката в медных борах. Вот и сейчас потянулись за низким солнцем коровы, они шли торжественно вдоль светлой, невесомой на перекатах Тверцы, и это было напоминанием о непреходящем в потоке быстротекущей жизни, о том, что на земле вечно: поля, растения, скот, жизнь тех, кто кормит города, всех нас... Только-только отцвела таволга, еще сновали пчелы над горячими выплесками кипрея, еще жеребят не отбивали от маток, но лето кончалось. Зеленый мир деревни отгорожен от мира стойких иллюзий насчет житейского благополучия с пропиской только в городе — и тишиной зорь, и песнями поздней иволги, и бесценной ныне толщей хорошо озонированного воздуха, и физическим ощущением великого соучастия в таинствах жизни — той самой, где таблица Менделеева не расфасована по элементам.

«Ах, город село таранит»,— предчувствовал поэт Николай Рубцов. Деревня Жабка по какому-то плану размежевания городской и пригородной земли отошла в пределы древнего Торжка, и ее поименовали улицей Маяковского. Крапива, окоренелый репейник выше наличников, а зрячих окон почти не осталось. Само собой пришло на память: «Сидят папаши. Каждый хитр. Землю попашет, попишет стихи...» Жабка в ранге городской улицы навела на размышления. С них-то и начался разговор в совхозном поселке Славный.

— Как уж мы жалеем, что деревеньку-то одну сковырнули, и не сказать вам,— сокрушался директор торжокского совхоза имени Ленина Николай Павлович Новожилов.

— Из числа неперспективных? Так их в Нечерноземье почти полмиллиона, жалости не хватит...

— Не знаю, не знаю,— плохо слушал меня Николай Павлович.— Там у нас, понимаете, ферма была. И есть. Была плохонькая, но теперь заменили коров, поднялась оплата, пошло молоко... А жилья нет, и ушла жизнь... Переселение на асфальт — факт красивый. Животноводов переселили, люди зажили в городских условиях. Остальные кто куда, а избы под бульдозер, и место заровняли. Поля пораздвинулись. Теперь туда доярок на автобусе возим... Экономика в ажуре, а на душе кошки скребут. Да, решили заново там строиться. Дорогу сначала проведем, дома поставим, коттеджи... У таких ферм много плюсов. Только бы все по науке, и нормальная жизнь рядом, да люди бы непривозные, не с колес...

Такой вот монолог — урок.

Почему сокрушался Николай Павлович, руководитель мощного современного предприятия, об ушедшей из деревеньки жизни? Он объяснил: людям должно быть хорошо, все остальное — лишь средства достижения цели. Очевидно, есть смысл в поэтизации земли: кормилица! Хотя К. А. Тимирязев давно переориентировал: кормит растение. Но мы догадываемся, что оба взгляда на источник благосостояния в конце концов имеют в виду благополучие и хозяйственные возможности земледельца. От его качества, даже от суммы его качеств зависит жизнь земли и растений на земле. Не что делать, а кому? Например, достижения разных сельскохозяйственных наук общеизвестны; и многое когда-то таинственное в земледелии и селекции теперь стало азбучной истиной. Как пахать (и пахать ли вообще?), что и как сеять, в наши дни знают даже неспециалисты. Однако даже при всеобщем знании причин отставания некоторых отраслей сельского хозяйства дела поправляются медленно. Не оттого ли, что главное — жизнь селян, ее оригинальность и наполненность — остается как бы вне забот...

Речь о качествах жителей села и о качестве жизни на селе. Каков их-то уровень? Вот и оба директора калининских совхозов, мои старые знакомцы и собеседники, весь разговор свели к одному: разве не естественно, говоря об интенсив-

КРУГ

ной экономике, позаботиться об интенсификации жизни колхозов и совхозов? Не хлебом единым, в общем. Майский (1982 г.) Пленум ЦК КПСС обратил внимание на качество нашей экономики, на многомиллиардную задолженность многих хозяйств в разных регионах страны. Еще недавно, например, вожаки колхозов настаивали на праве получать кредиты, и это право им было дано; но через пять—десять лет выяснилось, что брать куда легче, чем возвращать. Рекомендаций, что сеять и как пахать, немало, а вот отдача гектара низка. Более того, многие районы, области не в состоянии были освоить все миллиарды рублей, которые государство направило в село за годы девятой и десятой пятилеток. Или такой факт: менее четверти совхозов в области рентабельны, дают прибыль, остальные с трудом сводят концы с концами. Так вот, мне кажется, что в деревне тогда лишь укоренятся коллективы подлинно и всеохватно грамотных и культурных хозяев, когда жить там будет лучше, чем в городе. То, что это именно так, видно на примере совхозов имени 50-летия СССР и имени Ленина Калининской области. За шесть минувших лет жизнь во всех ее социально-культурных проявлениях изменилась к лучшему, и это немедленно сказалось на экономике, на способности развивать производство на научной основе.

УРОК СОЦИОЛОГИИ

Знакомый кабинет директора совхоза имени 50-летия СССР. Это под Калинином. Павел Павлович Смирнов — кандидат сельскохозяйственных наук, Герой Социалистического Труда. Встреча с ним—всегда прикосновение к жизни целеустремленной, насыщенной, результативной. Павел Павлович—носитель идей модернизации сельскохозяйственного производства на промышленной и научной основе. Вторжение современных методов управления и техническая оснащенность, присущие индустриальным моделям,— его конек и тема докторской диссертации, которую предстоит ему на днях защищать. Совхоз он возглавил восемнадцать лет назад (тогда директору не было и тридцати). Опыту Павла Павловича, его преданности селу можно верить.

— Совхоз переживает момент совершеннолетия,— излагал давно продуманное Павел Павлович.— Так что зрелость у коллектива впереди. Мы готовы усилить мощь нашего хозяйства.

Совхоз, как я убедился, в данном случае не только предприятие. Для Смирнова экология не мода, а философия жизнеобитания. Производство тут, то есть земледелие, откорм свиней — это лишь фундамент. Но здесь строят и обживают новое здание в целом. И при этом помнят, что здание это, то есть современное сельскохозяйственное предприятие в отличие от городских объектов созидается на лоне природы. Вторжение в заповедную окружающую среду, где все взаимосвязано, где издревле селян гармония во всем, обязывает селян прежде чем отрезать семь раз отмерить. Стало быть, и все возникшие при индустриальном вторжении в природу хозяйственные и социальные проблемы тут, в совхозе имени 50-летия СССР, единственном в стране обладателе пятиэтажной автоматизированной свинофабрики, решают комплексно, а не методом подергивания то за гриву, то за хвост. Здесь не только пашут, жнут и строят, но и живут в особом мире, заселенном деревьями, разнотравьем, дикими и домашними животными, птицами, рыбами. В этом мире все части единого и живого притерты давным-давно. Важно не только не разрушить гармонию сельского мира природы, но суметь устроиться в нем со всей махиной современного производства зерна, мяса, молока так, чтобы самим стать его приемлемой частью. Вписаться в крутой виток прогресса. Директор убежден, что природа как таковая имеет на селян прямое воздействие — на мироощущение, психику, этику, на стиль работы в цехах (полеводства ли, механизации ли, или животноводства). Пришлых и не признающих над собою власти земли сама же земля, природа, самый образ заново смоделированной деревенской жизни отторгают. Кстати, не в этом ли отторжении земле неугодных кроется одна из главных причин затяжной миграции уроженцев деревни — переселения со знаком «минус»?..

В совхозе под Калинином создали и совершенствуют необычную модель индустриального производства свинины. И тут достигнут впечатляющий экономический эффект. Имея всего полторы тысячи гектаров пригородной земли (леса и речки не в счет), коллектив совхоза производит в год до десяти тысяч тонн мяса, тысячу семьсот тонн молока (средний надой от коровы превысил пять тысяч килограммов — это более чем втрое выше среднеобластного показателя). Все отрасли рентабельны. А свиноводство на рубль затрат отдает почти два. Но меня по-прежнему интересовало, кто и как живет в таком хозяйстве, какие они, нынешние наши кормильцы. Все восемнадцать лет руководство во главе с Павлом Павловичем противостояло такому магниту, как областной центр. Все годы шел отбор людей: искали исподволь, приглашали не просто специалистов или неприкаянных головушек, а готовых жить вне города со всеми прелестями (в кавычках и без) деревенской жизни. Многое поэтому удалось. Слагаемые успеха? Осознанная технологическая дисциплина плюс весомая оплата реального дела. Плюс вошедшая в плоть и сознание модернизация по ходу освоения новых технологий. Такой принцип потребовал людей — специалистов и исполнителей,— способных на самоотдачу. Заволжский — новый поселок городского типа. И главное, не забыта культурная, духовная сторона бытия. Сейчас в совхозе прекрасная самодеятельность. Повальное увлечение массовыми видами спорта. Соревнуются все от мала до велика, дети и родители, начальство и подчиненные. У каждого цеха — свои команды по легкой атлетике, лыжам, волейболу. Приемная директора напоминает выставку спортивного общества, за стеклом — кубки, кубки, кубки. Директор, например, капитан команды волейболистов управления (слово «контора» Павел Павлович с трудом, но изжил: «Конторских все побивали, особенно механизаторы, а с командой управления игры даются нелегко!»).

Кто же они, запевалы жизни в таком вот сельском поселке, как Заволжский? Выяснить это — понять многое. Так вот, Павел Павлович, очевидный лидер по своему характеру и положению в коллективе, имеет убежденных единомышленников: это обаятельный секретарь парткома Анатолий Васильевич Прытков, директор совхозной средней школы Павел Анатольевич Пинский, директор совхозной музыкальной школы Эдуард Иосифович Кучавский, начальник цеха репродукции Николай Иванович Колобков, строитель Владимир Иванович Сысоев, комбайнер и вообще мастер на все руки Виталий Иванович Строганов, наконец, совхозом приглашенный на жительство и работу социолог Юрий Иванович Ланцов.

Конкурсы, маскарады, проводы зимы, общественные смотры, спортивные состязания, диспуты, соперничество в иных областях культуры и отдыха... Очевидно, так действительно можно заинтересовать жизнью в деревне. Конечно, вначале кричащим оставался разрыв в культурных потребностях молодых энтузиастов из высших школ, с одной стороны, и рабочих — с другой. Но так уж на старте порешили, взяли за правило: дирекция, все работники умственного труда не имеют морального права уклоняться от участия в общественной жизни поселка.

— И еще проблема настроения! — заметил Павел Павлович.— Плохо на душе, непорядок в доме — не жди от женщины выработки, как потребуешь работы с отдачей! Но об этом лучше расскажет Юрий Иванович.

Социолог очень редкая фигура на селе, но селу необходимая. Юрий Иванович философ по образованию (кандидат наук), социолог по призванию, мастер спорта по самбо, книгочей и поэт, прекрасно играющий на пианино. Он и лектор, и тренер, и грозный блюститель общественного порядка. Долго не могли понять рабочие, чем занимается «очкарик со свинцовыми бицепсами». Постепенно привыкли к интересам Ланцова, вполне научным, но и практическим одновременно. Пожилой рабочий норовит пофилософствовать с ним, специалисты советуются, как отыскать подход к личности, молодежь и даже детвора имеют свой интерес: «Юрий Иванович! А самбо покажете?..» Ценно и то, что социолог, по существу горожанин, влюблен в пшеничные поля, в речку Тьму и прекрасно ему дышится в окрестных лесах.

— Каждому — свое место в коллективе. Селу теперь нужен не только жнец, но и швец и в дуду игрец. И лишь коллектив личностей проявит себя,— это первые заповеди П. П. Смирнова.

Совхоз имени 50-летия СССР доказал делом, реальными мясом и молоком, многомиллионной прибылью, на что способны здешние приволжские супеси. Рабочие, которые зажили в Заволжском интересно, всерьез и надолго, готовы теперь заняться и рыбой, и пчелами, и спортивными лошадьми... Я к тому, что сам по себе хозрасчет действует, все реже различные инстанции нарушают логику хозяйственной деятельности совхоза. Добрая примета времени. Но правда и в том, что с двигателя хозрасчета еще не сняты ограничители, хотя время его обкатки давно минуло. Лимиты, планирование от достигнутого уровня, формальный контроль со стороны райбанка — все это иногда вступает в противоречие с логикой тех, кто взял на себя производство зерна, мяса, молока, картофеля, овощей. Юрий Иванович Ланцов повернул действительное иной, более неожиданной гранью:

— У нас снижена текучесть до естественных норм. Мы тут не только рублем держим людей, а желанной ритмичностью промышленного производства. И еще тем, что находим коллективу все новые радости жизни. Так вот, есть индивидуумы, которые не лучшим образом используют демократичность и своеобразие творческой жизни нашего большинства. Некоторые отступили за спины товарищей. Не в цеху даже, но именно в общественной жизни. Кое-кто акклиматизировался в благоприятной общественной среде, такие люди довольствуются тем, что есть. И на бо́льшую отдачу не идут — не желают. Приобщить постепенно к общественной жизни инертную часть — резерв, да еще какой!

И еще один резерв — здоровье. Парторганизация, рабочком и дирекция совхоза провозгласили пятилетку здоровья. Обследовали всех и выявили, что многие люди долгие годы работали на износ, особенно часты профессиональные недуги у механизаторов, животноводов. Вывод социолога Ланцова? Вымпелы, премии, поездки на автобусах в театры — сегодня этого мало, мало, мало. За кормильцами нашими ухаживать надо, необходимы профилактории с физиотерапией непосредственно в цехах, ближе к рабочим местам. Помогла бы и смена профессий. («Крестьянин в течение года, посезонно и даже в течение дня неоднократно менял род занятий, виды работ — это положительно приспособительное явление утрачено повсеместно».) К сожалению, и средний вес взрослого жителя Заволжского превышает норму килограммов на двадцать, это ведет ко многим бедам, снижает тонус жизни. А ведь коллектив достаточно молод — средний возраст 38 лет, и все же заболеваний немало.

ТОРЖОКСКАЯ СТЕПЬ

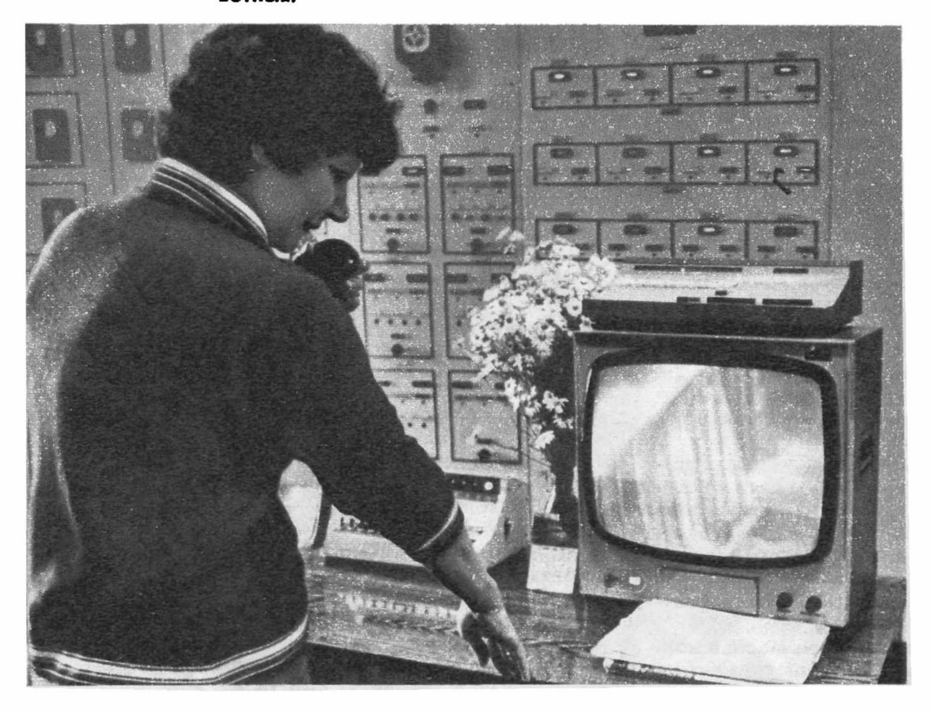
Качество жизни — в наше время это красноречивый критерий в оценке бед и побед того или иного хозяйства. Энерговооруженность, оплата труда суть важные стимулы; однако люди должны *хотеть* жить в деревне или сельском поселке, как они хотят жить в Заволжском. Жизнь — это дом (и лучше, чтобы дом свой был), и семья, и здоровье твоих стариков и детей... Была у того же колхоза «Мир» деревня Орехово — там ни родить, ни похоронить. Четыре человека остались, если шестилетнего ребенка считать. Недавно деревня вместе с фермой и тем самым ребенком к совхозу имени Ленина отошла. Про Орехово говорил директор совхоза Николай Павлович Новожилов: «Проскочим туда, убедитесь... Судьба Орехова нам самим неясна. Очаги жизни, их надо бы сохранить».

В отличие от реформатора Павла Павловича торжокский Николай Павлович ставку делает на земледельческую культуру, на добротное, но все же в известной степени традиционное ведение хозяйства. Павел Павлович, фактический соавтор проекта свинофабрики, за индустриализацию сельских цехов на научной основе, для него слово «крестьянин» звучит патриархально и, кажется, неубедительно. То же слово куда эмоциональнее в устах Николая Павловича! Хотя и он живет не в глубинке и сам пришел на землю «из науки», и осуществил реорганизацию по цеховому принципу, а вот идеи исконно крестьянские не чужд: земля кормит! Все помыслы у него о земле, полях, о

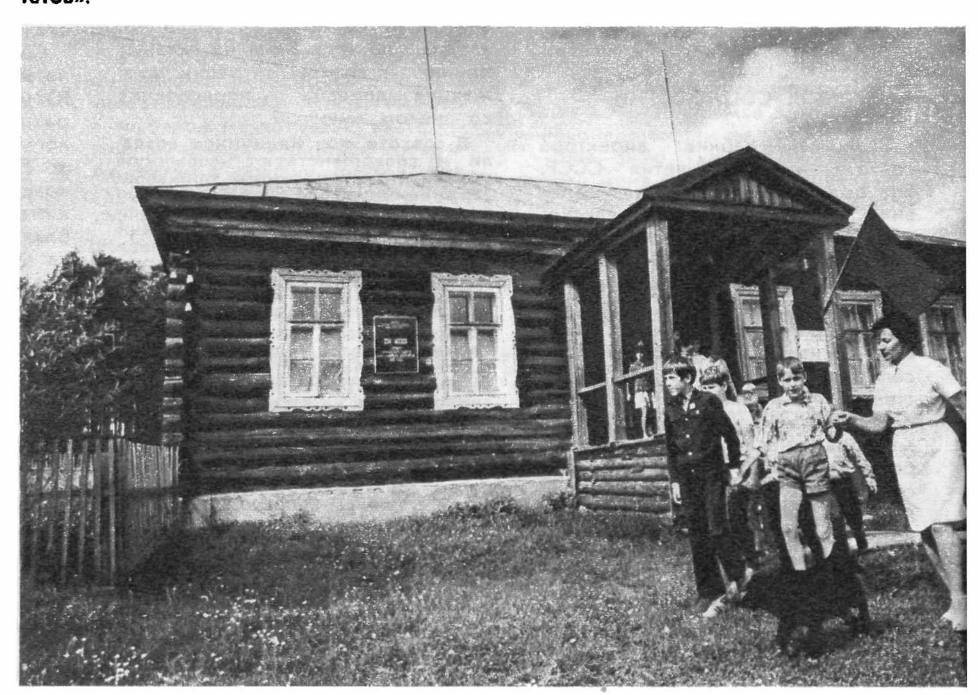

Поселок Славный. На поляне детского сада — третье поколение.

Совхоз имени 50-летия СССР. Оператор Нина Николаевна Смирнова с помощью телесистемы следит за поведением животных.

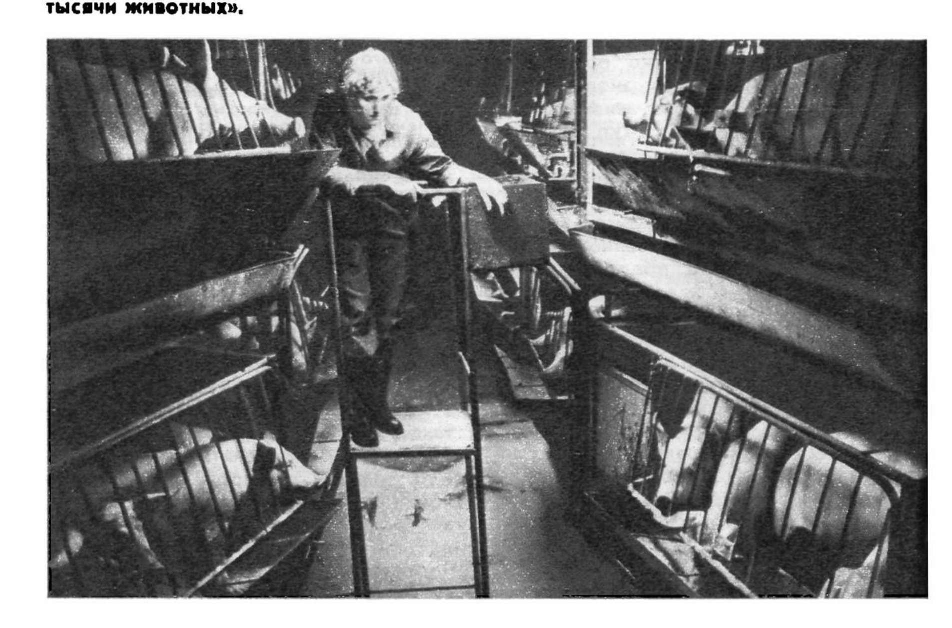
В Новинках есть уникальный музей «Первый в стране Совет крестьянских депутатов».

Начальник цеха совхоза имени 50-летия СССР Николай Иванович Колобков и оператор, делегат XIX съезда ВЛКСМ Татьяна Порандайкина.

Зооинженер Людмила Николаевна Протасова: «Автоматика кормит, поит тысячи животных».

культивировании крестьянских черт в современных характерах тех, кто остался в совхозе, мужицкой любви к земле. «Будет торжокская степь!» — мечтал шесть лет назад Николай Павлович. И он своего добивается не мытьем, так катаньем. Но все-таки я к крестьянскому титулу нынешних селян отношусь как к поэтическому. Какие же они крестьяне, если живут на окладе.

Николай Павлович крутил головой:

— Не отрывайтесь от земли. Проблемы? Я смотрю на них в принципе иначе. Не проблемы у нас тут, а жизнь. Живем, работаем, преодолеваем. В том числе и непонимание наших земных нужд. Вот школу затеяли строить... Очень трудно заполучить проект, средства, строителей... Мечтаю построить льнозавод, чтобы не только выращивать лен, но и самим получать конечную продукцию. Так вот и тут немало препятствий... Это жизнь, а не проблемы, до которых так охоч ваш пишущий брат...

— А то, что вы из года в год веники для коров вязали — не проблема качества руководства? Мог бы такое учудить крестьянин, будь он сегодня вживе и на земле?

— Мы-то не вязали, мы только справки составляли... Вы должны помнить, я скептически отношусь ко всякого рода панацеям, ломке и рекордам в деревне. Просто жили мы тут все эти годы активно, захватывая в круг благих намерений все большее число людей. Чего добились? Стабилизации жизни. Стабильных результатов. Один пример — к разговору о рекордах, инициативах. Первой ласточкой безнарядного движения у нас было звено Евгения Яковлева. Женя и сам давал всем сто очков вперед! Подобранные им ребята самостоятельно занимались травами и сеном, обеспечивали кормом почти весь скот. Вот где сказался приоритет крестьянского отношения к урожаю перед нормой. Но однажды, далеко не в прекрасный день, Яковлев вступил в колхоз «Мир». Ребята наши приуныли: «Как мы без Жени?..» Великий момент, психологический! Я понимал, с Женей ушла личность, ушел лидер, к тому же он унес с собой способность к самоконтролю. И все-таки заело моих парней! Звено решился возглавить Владимир Гусев, товарищ Евгения. И пошло дело, пошло.

Стабильное нормально — цель всей деятельности Николая Павловича. Но это, по его словам, самое проблематичное в нашем сельском хозяйстве. Чтобы из года в год земля, поля работали нормально, необходимы некоторые условия: наличие лидера в хозяйстве, так сказать, идееносителя, затем специалисты по призванию и исполнители, способные к самоконтролю. Самоконтроль, по Новожилову, и есть корневая черта крестьянского в характере современного работника по найму. Она, эта черта, помогает современным хозяевам земли противостоять изменчивой погоде указаний из райучреждений. А вот когда будут, согласно решению майского Пленума ЦК партии, созданы районные агропромышленные объединения, тогда кооперативную семью колхозов, совхозов ни один чиновник голыми руками не возьмет. Так я понял Новожилова, человека хоть и ученого, но иногда по-крестьянски консервативного, осторожного. Одно ясно: Новожилову посчастливилось не выдохнуться, не исчерпать себя в своем упрямстве создать хозяйство согласно дорогой ему мысли. Не секрет, с вожаками сельских коллективов во многих районах продолжается чехарда, а вот Николай Павлович в своем районе единственный, который не ушел и которого не «ушли». Пожалуй, его личная преданность деревне как таковой — фактор, определивший многое.

— Главное, не позволять себе оправданий. Никаких! — настаивает Николай Павлович. — Погоды тут случаются разные, люди тоже разные... Управлять погодой нам не дано, она величина переменная. А вот людей, специалистов своего дела подобрать с годами можно. Мы подбираем даже не отдельных мастеровых людей, а семьи, чтобы отец и мать с хорошей репутацией, чтобы и зять и сноха были работящие, преданные деревенскому образу жизни.

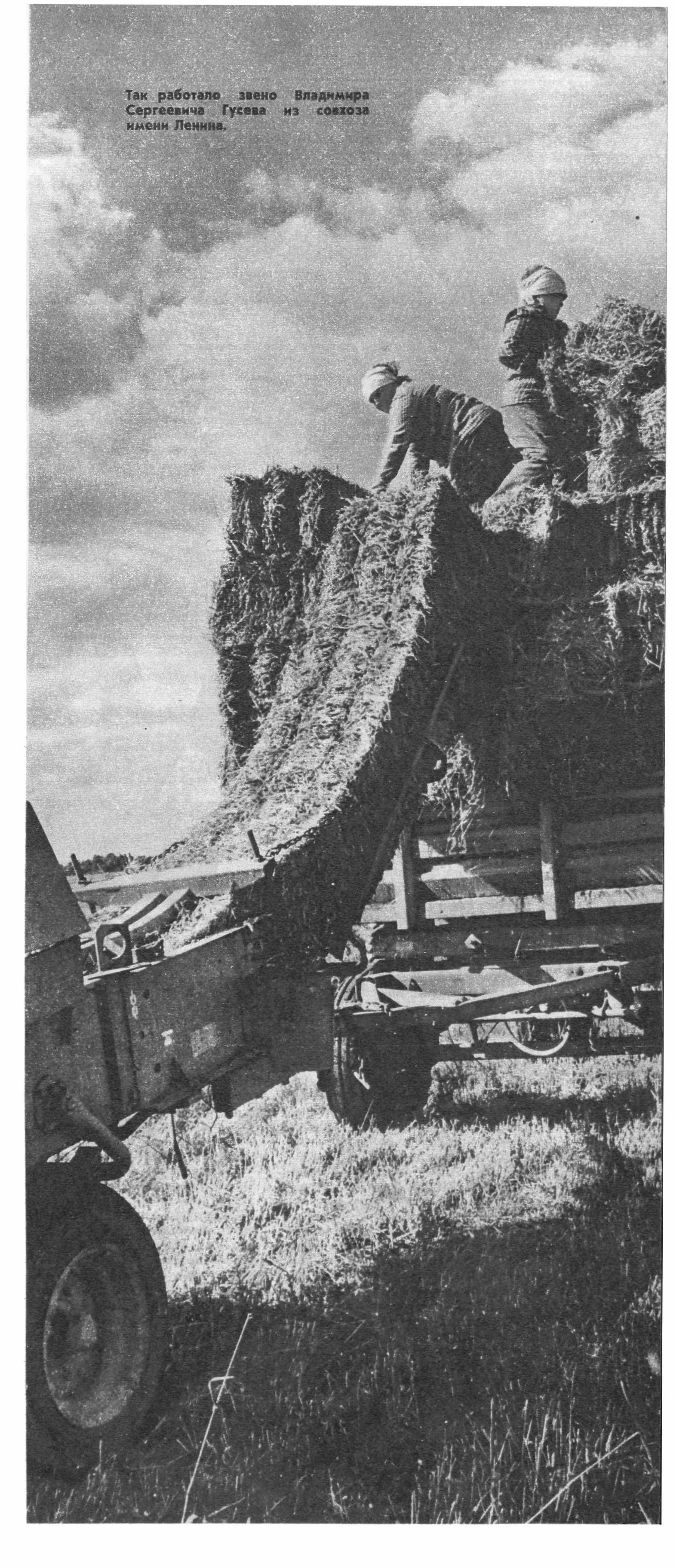
В совхозе имени Ленина рабочих всего четыреста пятьдесят, рентабельность постоянно держится на высоком уровне, близком к семидесяти процентам. Вот вам и нечерноземная земля! Смена скота, смена сортов, смена облика полей — у Новожилова все в движении. Здесь насаждается желанная семейственность. Пример? Разветвленная поросль старой доярки, коммунистки Александры Трофимовны Ивановой: Басовы, Ермолаевы, Прокофьевы — все пошли от нее, от уважаемой труженицы Александры Трофимовны. Далее: Требины, Кокорины, Жуковы... В совхозе живет лучший в округе библиотекарь Татьяна Борисовна Сурина. Здесь живет и до сих пор работает (стаж — сорок лет), можно сказать, историческая личность в районе Михаил Федорович Гаголин, начальник тепличного цеха. В центральном совхозном поселке Славный шумит прекрасный парк — осуществленная мечта деятельного Михаила Федоровича. Начинал в одиночку, а потом...

— На том стоим! — задорно утверждает Николай Павлович. «Нормально» — это относится и к мечте жить лучше, чем в городе. И живут — не только телеэкрану сопереживают. Совхозный Дом культуры ежегодно на первом или втором месте в области. Работает детская музыкальная школа, большой хор, а еще есть уникальная фольклорная группа. Конечно, есть («Будь он неладен») ВИА — довольно шумная отдушина для совсем уж молодых...

В парке Славного возвышается многотонный живописный валун. Подарок ледника. Тракторами на стальном листе приволокли его с омоложенного поля. Среди рябин и туи он как памятник Труду. Секретарь парткома Нина Денисовна объяснила, что мечтает о бронзовых буквах на граните и чтобы эти буквы сложились в слова благодарности совхозному ветерану Михаилу Федоровичу Гаголину, одному из тех, кто остался верен родной земле, так и не бросал ее никогда.

...Мальчишки на велосипедах, как стая скворцов, устремились за околицу Славного, миновали гороховое поле и скрылись в зарослях Орехова, где в разлапистых садах снова вызрели яблоки. И ветви, как в сказке, дрогнули, потянулись к ребятам, самопроизвольно отдавая несладкие плоды.

Вечер того же дня в комфортабельной совхозной гостинице. Радиостанция «Юность» заканчивала передачу по заявкам молодежи: «Послушайте песню «В деревню хочу»... И загрохотало по радио кровельное железо, невидимые озорники подхватили с посвистом одну-единственную внятную фразу: «В деревню хочу!.. В деревню хочу... В деревню!..» Наверное, пели по заявке того, кто, по образному выражению Шукшина, одной ногой стоит на берегу, другой — в лодке.

Так работало звено Владимира Сергеевича Гусева из совхоза имени Ленина.

ВАС ПОМНЯТ, ГЕРОИ!

СССР 60 ЛЕТ

В СЕМЬЕ ЕДИНОЙ

КОНКУРС ЧИТАТЕЛЕЙ

Тихий летний вечер над Днепром. Правый берег, на котором расположился наш небольшой белорусский городок Лоев, крутой, обрывистый. Если посмотреть с откоса вдаль — река как на ладони, серебрится, играет, почти сливаясь с противоположным берегом, ровным и гладким. На том, левом, берегу уже Украина.

Над городком — медвяный запах созревающих яблок и груш, который при легком ветерке смешивается с речной прохладой. И тишина. Если неожиданно не «жикнет» моторка. Мирная тишина... Добытая ценой тысяч человеческих жизней.

За каждый выступ, каждую высоту осенью 1943 года здесь, на правом берегу Днепра, разгорались ожесточенные бои. Лоев и другие населенные пункты нашего района — Крупейки, Мохов, Шитцы — немцы превратили в укрепленные пункты. Я прошел войну от первого до последнего дня, служил в пехоте и артиллерии и знаю, насколько выгодна была позиция фашистов: переправа советских войск просматривалась и простреливалась насквозь. Участники битвы говорят, что тянулся по Днепру сплошной кровавый след, воды не было видно. Ведь только в нашем Лоевском районе захоронено более восьми тысяч воинов и кто знает, сколько солдат ушло на дно.

На этом участке Днепровского плацдарма погибли Герои Советского Союза белорусы П. Акуционок и Б. Цариков, татарин Ш. Аглиулин, таджик Д. Азизов, здесь оборвалась песня узбекского поэта Султана Джураева. Среди погибших — Герой Советского Союза якут Федор Попов.

...81-я стрелковая дивизия форсировала Днепр южнее Лоева, в районе украинского городка Любеч. Третьей роте 467-го полка, где Федор Попов служил автоматчиком, отдан приказ переправиться через Днепр, закрепиться на правом берегу, удержать позицию, пока не подойдут главные силы дивизии.

Ранним утром 2 октября началась переправа. Плыли не на понтонах и лодках, а на том, что попадалось под руку,— бревнах, бочках, чурках, досках. От холодной воды тело наливалось свинцом, намокшая шинель мешала, давили автомат и гранаты. Туман прикрывал и казался спасением.

Вдруг ливневый, шквальный поток огня и металла. Пулеметные очереди и минометный огонь противника разорвали тишину. Нет пути назад, и нет пути вперед. Только бы доплыть...

Рядовой Попов одним из первых ворвался в траншеи противника. Когда кончились патроны и гранаты, вступил в рукопашный бой. Сумел захватить немецкий ручной пулемет и прикрыл огнем переправу. В этом бою он убил 23 фашиста. На следующий день девять раз немцы ходили в атаку на горстку автоматчиков, пытаясь отбросить их назад, в реку. И на этот раз Федор Попов проявил необыкновенное мужество: прорвал фланг обороны противника, внезапным пулеметным огнем скосив пятьдесят гитлеровцев. К вечеру 3 октября дивизия переправилась на правый берег Днепра.

За этот подвиг красноармеец из далекого Батаринского наслега Мегино-Кангаласского района Якутии Федор Кузьмич Попов был удостоен звания Героя Советского Союза. Но не дожил солдат до Победы. Через несколько дней, 10 октября, он погиб в бою за белорусскую деревеньку Глушец.

Герой Советского Союза Ф. К. Попов.

С тех пор прошло почти сорок лет. На белорусской земле бережно хранят память о своем освободителе из далекой Якутии.

«У нас наступили холода до минус 60 градусов,— писали якутские школьники в Лоев.— Новогодний праздник был веселый, нарядили елку, перечитывали ваши поздравления. Вы уже знаете, что в селе Майя открыт дом-музей Попова и памятник герою, что совхоз, где работал Попов, носит его имя и лучшие ученики сидят за его партой. Спасибо за память о якутском солдате, за то, что в музей доставили землю с его могилы. Мы очень рады каждому письму из Белоруссии».

Приезжают в Лоев и целые делегации из Якутии, группы ветеранов труда, победители соревнования, школьники. Четыре якутских девушки—Таня Петрова, Акулина Охлопкова, Оля Ларионова, Люда Заровняева — учились в Лоевском педучилище. Хотя белорусский давался трудновато, в учебе не отставали: было кому помочь. Знакомили девушки со своим искусством новых друзей. Всем нравилось, как они исполняли народные танцы, песни под аккомпанемент национальных инструментов. Когда закончили учебу, вернулись в Якутию. Но и сейчас пишут, что вспоминают Днепр, однокашников, сообщают, что у Оли Ларионовой родилась дочь, которую она назвала белорусским именем Алеся.

Два крупных хозяйства — колхоз «Ленинский стяг» и совхоз имени Героя Советского Союза Ф. К. Попова — заключили договор о социалистическом соревновании и учредили премии имени якутского солдата. Ежегодно обмениваются делегациями, опытом. Конечно же, расстояние немалое... Шутка ли, надо перелететь почти через всю страну!

— Для нас встречи с земляками Ф. Попова стали доброй традицией,— говорит главный бухгалтер колхоза «Ленинский стяг» А. А. Довыдовская, недавно вернувшаяся из Якутии.— Годовые итоги мы подводим зимой, тогда и встречаем якутских гостей. Торжественно, на собрании, вручаем премии имени Ф. Попова лучшим из лучших. Комбайнер Н. Самойленко, механизатор В. Давыдовский, инженер-электрик В. Синило стали в этом году лауреатами.

А когда мы ездили в Якутию, встречали нас с открытой душой, как родных. Хозяйство свое показали, молочную ферму, маслозавод, поля, засеянные ячменем, овсом, картофелем. Мы же сами колхозники и понимаем, как растить урожай на этих трудных землях. А сенокос? Чуть-чуть трава поднялась, уже коси. Промедлил— и почернела, слегла травка от холода. Где взять корма? Дойное стадо немаленькое, как-никак 1200 коров. Да коней около четырех тысяч. Забот хватает.

Живут хорошо, в деревянных домах, а сейчас крупнопанельные стали строить, на 12 квартир. Старые юрты теперь как музейные экспонаты.

Что особенно бросается в глаза? Молодежи в совхозе много. Почти четыреста комсомольцев. Все специалисты с высшим образованием: едут на учебу за счет хозяйства, а потом возвращаются. Взаимные поездки друг к другу очень полезны. Вот, например, мы вместе с экономистом М. Хмельницкой изучали, как якуты ведут журнально-ордерную форму учета. Хотя мы тоже перешли на эту форму, но опыта у наших друзей побольше.

Колхоз дал нам самое почетное задание — вручить премии имени Ф. Попова его землякам: дояру П. Шарину, звеньевому-картофелеводу Н. Романову, статисту-пенсионеру С. Тарабухину.

Потом был традиционный праздник «Ысыах» — праздник весны и подготовки к летней страде. На стадионе в поселке Майя, центре Мегино-Кангаласского района, собрались на «Ысыах» и стар и млад. Почти все в национальных костюмах. Водили хороводы, танцевали и пели народные песни. И обязательные спортивные состязания, национальная борьба, прыжки, соревнования конников.

...Федя Попов тоже любил спорт. Мальчишкой занимался вольной борьбой хапсагай, прыжками, плаванием, бегом. И, конечно же, охотой: считается, тот не якут, кто не может попасть белке в глаз. Потом, на Днепре, особенно пригодились Федору его спортивная закалка, сметка и ловкость таежного охотника.

Бережно, по крупицам собирали красные следопыты сведения о воинах, защищавших белорусскую землю. В Лоевской и Деражичской восьмилетних школах создали они музеи народной славы. Здесь альбомы, присланные якутскими пионерами, рассказывающие о довоенной жизни Ф. Попова (с 1944 года школа, где учился Федор, носит его имя), письма-воспоминания земляков и однополчан. Строчка за строчкой писалась биография солдата. Нелегкое детство, всего пять лет учебы в школе, которую пришлось оставить из-за болезни родителей. Но тем не менее, научившись грамоте, шестнадцатилетний колхозник передает свои знания землякам. Упорный характер: за одну зиму выучил русский язык. В девятнадцать лет стал бригадиром полеводческой бригады колхоза «Октябрь». Уходя на фронт, передал бригаду старшему брату. Провожали Федора всем селением. До сих пор стоит трехметровый столб из лиственницы, который он врыл в память об этом дне.

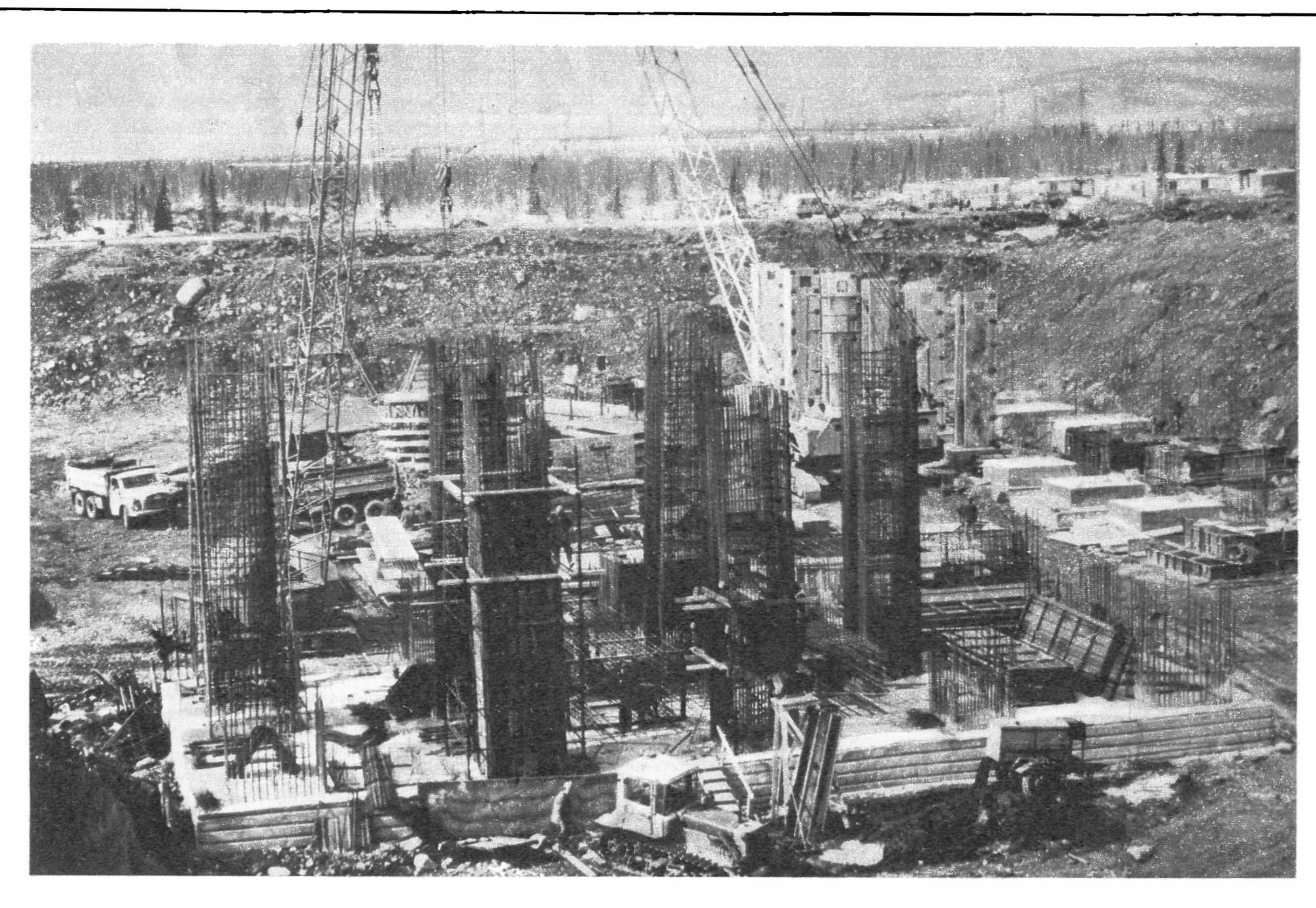
...Над раздольным Днепром, на высоком холме в братской могиле похоронен автоматчик якут Ф. К. Попов. Только здесь, в деревне Деражичи, белорусская земля приняла больше 1200 солдат и офицеров, погибших при форсировании Днепра. Назовем же поименно тех Героев Советского Союза, прах которых покоится рядом с прахом Ф. Попова: А. Декомбаев, А. Евдокимов, Н. Еремушкин, Н. Михайлов, И. Перехода, В. Пичугов, Б. Самсонов, И. Ургеншибаев. Узбек, русские, украинец, якут, казах отдали свои жизни за белорусских мальчишек-рыбаков и якутскую девочку Алесю, за голубые поля цветущего льна и тугой вызревший колос, за мирный наш сегодняшний день.

Весной, когда разливается Днепр, вода подходит близко к холму, где, словно в почетном карауле, рядом с каштанами застыли островерхие елочки, привезенные из далекой якутской тайги. Прижились они на белорусской земле.

И. ЕРМАКОВ,
педагог, краевед

Лоев,
Гомельской обл.

ПРОГРАММА «ПОДРЯД»

Не каждый год в Хибинах бывает лето... Вот и нынче: только в конце июля робко распустилась сирень, а в первых числах августа ветер со свистом гнал по улицам поземку, уже белил первым снегом сопки и рудники... И северяне торопятся: все жарче, горячее на строительных площадках объединения «Апатит». Задача, поставленная перед коллективом орденоносного треста «Апатитстрой», не из легких: если крупнейшая в Европе АНОФ-2 — апатито-нефелиновая обогатительная фабрика строилась двенадцать лет, то на эту, которая равна ей, отведено всего восемь лет.

Потому строители и взяли на вооружение самый прогрессивный метод ведения работ — сквозной поточный бригадный подряд и соединили его с поузловым проектированием и планированием. Успех дела определяется тут укрупненной хозрасчетной бригадой, такой, например, как комплексная бригада заслуженного строителя РСФСР Михаила Калацкого. Она несколько лет назад вслед за В. П. Сериковым одной из первых в стране перешла на бригадный подряд, строила жилые дома, Дворец культуры, которым гордится каждый житель Апатитов, сельскохозяйственные объекты и всегда добивалась успеха. А теперь фронт ее работ пролегает здесь, на площадках среди валунов.

Задача бригады — вместе со смежниками, механизаторами и монтажниками построить корпус грохочения — один из шести главных всей фабрики. Обязанности между участниками его сооружения строго определены и расписаны по месяцам на весь год вперед — точно так же, как заранее известны не только стоимость строительно-монтажных работ, но и величина будущей заработной платы и возможной премии. Заключен также договор о социалистическом соревновании по принципу «Рабочей эстафеты». В нем участвуют не только строители, но и рабочие стройиндустрии и транспортники, обеспечивающие поставку материалов и оборудования,— ведь подряд сквозной!

Как же идут тут дела?

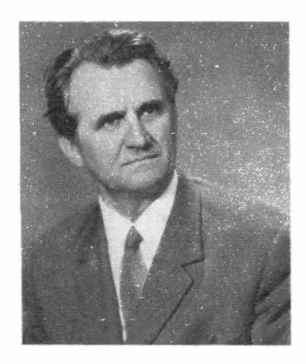
Что касается бригады Калацкого, то, по утвержденному графику, первый этап работ она должна была завершить 26 августа. Но она задала себе жесткий план — ко Дню строителя, 8 августа. В тот день, когда я приехала, на календаре стояла цифра «4». Именно четвертого августа бригада монтажников Ч. Здановича подписала первый акт о приемке фундаментов под монтаж металлоконструкций.

На пусковом комплексе фабрики много объектов. Для каждого из них понадобилась глубокая инженерно-техническая подготовка, в которой участвовали сотрудники нескольких институтов, и прежде всего Мурманский филиал Центра НОТ Минтяжстроя СССР. Разработана на основе перспективного планирования долгосрочная программа «Подряд». Она только в начале своего осуществления, но уже сейчас ее инициаторы мечтают заложить данные в ЭВМ с тем, чтобы ускорить, облегчить и упростить составление весьма объемной документации и отчетности и заставить машину просчитывать зарплату и премии по каждому объекту и по каждой бригаде.

На днях в Апатитах состоялась Всесоюзная научно-практическая конференция по изучению опыта внедрения мурманскими строителями сквозного поточного бригадного подряда — этой высшей формы низового хозрасчета.

Г. КУЛИКОВСКАЯ

Приметы эти вековые

Николай ЖУРАВЛЕВ

●

По стерне белесой, колкой
Легкой поступью иду
И, как нитку за иголкой,
Внучку за руку веду.
По стерне пробился клевер —
Расписной в разводах лист.
Показал ей юг и север,
Объяснил, откуда свист.
Для нее и осень праздник:
Что ни шаг, то сто чудес...
И ко мне вопросов разных
Целый ворох, до небес!
Все смелей шагает внучка
В солнечном сиянье дня...
И не я ее за ручку —
А она ведет меня.

РУССКАЯ РЕЧЬ

У русской речи есть такая власть,
Такая есть магическая сила,
Что и народу не дала пропасть:
Не раз его от смерти оградила.
Могучая, как в майском небе
гром,
Певучая, как лес, река и поле;
Не покорить и атомным огнем
И никому ее не приневолить.
Ее дыханье слышим мы всегда,
Живем мы в океане русской речи.
Она и есть живая та вода,
Которая от всех недугов лечит.

ВЕЧНОЕ

Вдоль всех дорог твоих, Россия,
Береза, липа и сосна —
Приметы эти вековые
От предков по наследству нам.
Теперь бетонные дороги,
Как стрелы, мчатся по прямой.
Мы их обсаживаем строго
Березой, липой и сосной!

ВЕРТУШИНКА

Наверно, неизвестная река,
Географы ее едва ли знают,
Тонка, звонка, чуть больше
ручейка,
Но воды в ней и в зной
не высыхают.
И по ее просторным берегам
Спешат леса, как будто караваны,
И заливные стелются луга,
И голубые росные туманы.
Река скользит по гальке и песку,
И светится на солнышке,
как льдинка.
И так петляет на своем веку,
Что названа народом —
Вертушинка!

●

Ах, какие хлеба — колос к колосу,
В человеческий рост высота;
Даль и ширь — не дотянешься
голосом —
Среднерусских полей красота!
Ни дорог, ни селений близко,
Самолет только в небе парит
Да высокая грань обелиска
Средь хлебов, как застава, стоит...
Вижу: в золоте солнца палящего
В вечной дружбе с хлебами
сплелись
Серебро самолета летящего
И звезда обелиска вдали.

И клятву верности сдержали

К 170-ЛЕТИЮ СО ДНЯ БОРОДИНСКОЙ БИТВЫ

Александр БАСМАНОВ

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

С батареи Раевского, как назвали потом центральный люнет (то есть земляную насыпь на восемнадцать орудий и с открытым въездом с тыла), открывается, пожалуй, самая прелестная панорама окрестности — будто с легкого, невысокого, бреющего полета. Видать верст на пятнадцать в округе: в рыже-зеленую шашку падающие или взмывающие волною поля, извив Колочи, запрятанной в ивняке и кустарнике, дымчатые, до горизонта, пятна леса.

Чуть в низине, за Колочью — сахарный блик церкви Рождества, с чьей колокольни наши наблюдатели спервоначалу вели наблюдение за дислокацией и перемещением неприятеля, с другой стороны, если повернуться вполоборота,— кирпично-красный, несколько тяжеловатый Спасо-Бородинский монастырь, основанный вдовой генерала-храбреца, лично возглавившего контратаку солдат Ревельского и Муромского полков, Александра Алексеевича Тучкова на месте его гибели, прямо на Багратионовых флешах, где было так жарко, что кто-то из историков назвал то утро здесь не боем, а убоем, взаимным уничтожением.

За стеною — монастырская гостиница, в которой останавливался Толстой, когда сочинял «Войну и мир»: как вспоминал сам — исходил все, запоминал, записывал, зарисовывал. Толстой был большой спорщик, он имел свой непосредственный и прямой взгляд на мир, людей и время. Он имел его и на кампанию 1812 года и потому спорил со всеми — философами, военными специалистами, самим Кутузовым, хоть и сильно любил его.

В донесении от 23 августа главнокомандующий русскими войсками так оценивал местность сражения: «Позиция, в которой я остановился при деревне Бородине в 12-ти верстах вперед Можайска, одна из наилучших, которую только на плоских местах найти можно. Слабое место сей позиции, которое находится с левого фланга, постараюсь я исправить искусством».

Толстой же перечил ему, говоря в своем романе-истории, что русские не отыскивали лучшей позиции, а, напротив, в отступлении прошли много позиций, которые были лучше бородинской, прошли их, теряя, ибо сама суть, идея народного сражения еще не назрела, и что Бородинское поле ничем не отличается от другого русского поля, на которое, гадая, можно указать булавкою на карте.

Теперь, спустя сто семьдесят лет с того великого дня, мы, потомки, имея в опыте нации после 1812 года не одну страшную войну, можем свидетельствовать очевидную неправоту Толстого (быть может, сознательную, так как мысль национальная являлась для него важнейшей) — военного тактика, ибо именно искусно и тщательно избранная Кутузовым позиция — а от нее полностью зависели выбор направления главного удара, расположение и группировка войск — великолепно защищала основные пути, ведущие к Москве, и резко ограничивала возможности Наполеона в маневре, таким образом вынуждая неприятеля принять сражение на невыгодной для себя местности и применить удар на узком участке фронта (противник сам признавал: «Расположение русских определило собою расположение французов»), и полную правоту гениального писателя как художника и философа, ибо русские всегда доказывали, что могут драться в любом, самом невыгодном для себя положении (Брестская крепость, блокада Ленинграда), держать и даже побеждать свирепого врага.

Вот и у Бородина, после взятия французами Шевардинского редута, мы отогнули дугой, назад свое левое, и так пострадавшее, скверно защищенное крыло (по Кутузову, с самого начала «слабое место сей позиции»), и принимали на него удар неприятельской армии, имея таким образом силы вдвое слабейшие, то есть дрались «в таких условиях, в которых не только немыслимо было драться десять часов и сделать сражение нерешительным, но немыслимо было удержать в продолжение трех часов армию от совершенного разгрома и бегства».

Тут, по Толстому, ключ ко всякой войне в России и ко всякой победе русских: война становится успешной, когда она делается народной, победа происходит оттого, что встает народ:

«— Нынче не то что солдат, а и мужичков видал! Мужичков и тех гонят,— сказал с грустной улыбкой солдат, стоявший за телегой и, обращаясь к Пьеру.— Нынче не разбирают... Всем народом навалиться хотят...»

Так было всегда: на Бородине, на Куликовом поле, на Чудском озере, когда железных рыцарей топили баграми под лед, под Москвою, Сталинградом, на Курской дуге.

В шесть часов поутру 9 мая 1812 года Наполеон в сопровождении императрицы Марии-Луизы выехал из дворца Сен-Клу и отправился к великой армии, которая уже шла разными дорогами через германские страны, устремляясь к Польше и постепенно собираясь на Висле и Немане. Шестнадцатого числа император был уже в Дрездене, где среди ошеломляющей пышности своего двора нашел вассалов — королей и великих герцогов, его приветствовавших: они стояли коридором, почтительно склонив обнаженные головы, он же, как и всегда, был в своей фетровой треугольной шляпе.

Наполеон держался в великолепном настроении: шутил, брал королей за ухо, дразнил их, а достойнейших похлопывал по спине — уверенность этого человека в тот час не знала предела: «Предположите, что Москва взята, Россия повержена, царь помирился или погиб при каком-нибудь дворцовом заговоре, и скажите мне, разве невозможен тогда доступ к Гангу, а Ганга достаточно коснуться французской шпагой».

С Москвою отношения были скверные уже с 1810 года: начинался свирепый кризис, лионские ткачи голодали, а британские шелка сжигались, моря для империи оставались на запоре, русский же царь предложил и вовсе мрачный сюрприз — взвинтил пошлины на всю мануфактуру, что шла в его страну. Это означало почти развал континентальной блокады, а так как ее следовало завершить во что бы то ни стало, следовало приструнить и Москву. Великая армия в Москве — это значит: покорность Александра, победа над Англией, конец безработице, упрочение мировой империи.

Александр тоже думал о неизбежности войны, поскольку Тильзитский мир оборачивался лишь разговорами, поскольку бонапартовы солдаты стояли наготове в Германии, поскольку сам Бонапарт одним росчерком пера аннексировал целые государства. Но Россия была слаба, военных сил в руках узурпатора держалось много больше, перед ним виделся враг, которого он уже бил.

Из Дрездена коляска понесла Наполеона в Познань, из Познани через Кенигсберг — к Литве. Редко какой поход начинался для него так весело: все оглашалось музыкой и песнями. Окруженный маршалами и огромной свитой, оглушаемый приветственными криками обгоняемых им полков, предшествуемый всей кавалерией, он шел прямой дорогой, нигде не встречая и признаков сопротивления.

На наполеоновых пушках стояли разные клейма, в зависимости от фабрик, городов и стран Европы, где они отливались; на всех русских одно — единорог. Все проходит, остается память. Но и память тускнеет с годами, стираются клейма времени: не видишь выражения глаз, забываешь жест, интонацию, фасон сюртука, самою материю реальности — выявляется лишь образ, радужное пятно маяка.

Образ двенадцатого года — смешение разрозненных частей исчезнувшего духа и ушедшей плоти: полупрозрачной белизны севрского фарфора и пропотевшей крестьянской паневы, толстой голубоватой бумаги и изысканных виньет «Северной пчелы», полевой гортанной песни, благовеста, французских каламбуров, непролазной грязи весенних дорог, золотом шитых воротников, вощеных паркетов, пропасти между салоном и избой, авантюризма, благородства и самоотверженности, квасной тюри и яичных бисквитов, крови и порохового дыма.

В Эрмитаже хранятся необычные трофеи, попавшие туда после Ватерлоо, когда история поставила точку в конце одной из своих глав: принадлежавшая Бонапарту шпага и его туфля — одна из тех, в которых он короновался в 1805 году. Глядя на эти предметы, на эти осколки, оставшиеся от некогда могущественного повелителя, начинаешь вдруг замечать, что стопа у него была узкой, а рука — маленькой. Именно ею он направил войско, с восторгом ожидавшее сигнала, вброд, через Неман, на Восток, который затем это войско в себе растворил, размешал, растер, оставил в своей земле (убитыми, умершими от ран, голода, болезней, холода) двести тысяч французов, итальянцев, немцев. Точка же отката и гибели их, да, впрочем, и всей армии, системы и империи, как знаем мы со школьной скамьи,— Бородино: странная победа, записанная среди Маренго, Фридланда, Аустерлица — побед Наполеона — на цоколе его могилы в Париже.

В те дни древняя столица была покрыта колокольной музыкой — будто звенящим хрустальным куполом.

Вряд ли, однако, помогали делу августовские молитвы, только, может, присмирели светские балагуры, а гонители французского языка взяли решительный перевес в обществе: кто высыпал из табакерки марсельский табак и стал нюхать кавказский, кто сжег десяток парижских брошюр, кто отказался от лафита и принялся за кислые щи, видя в этом очищение отечества от скверны; Растопчин же, барин, первопрестольной Москвы главнокомандующий, и после битвы утверждал, что «француз не тяжеле снопа ржаного».

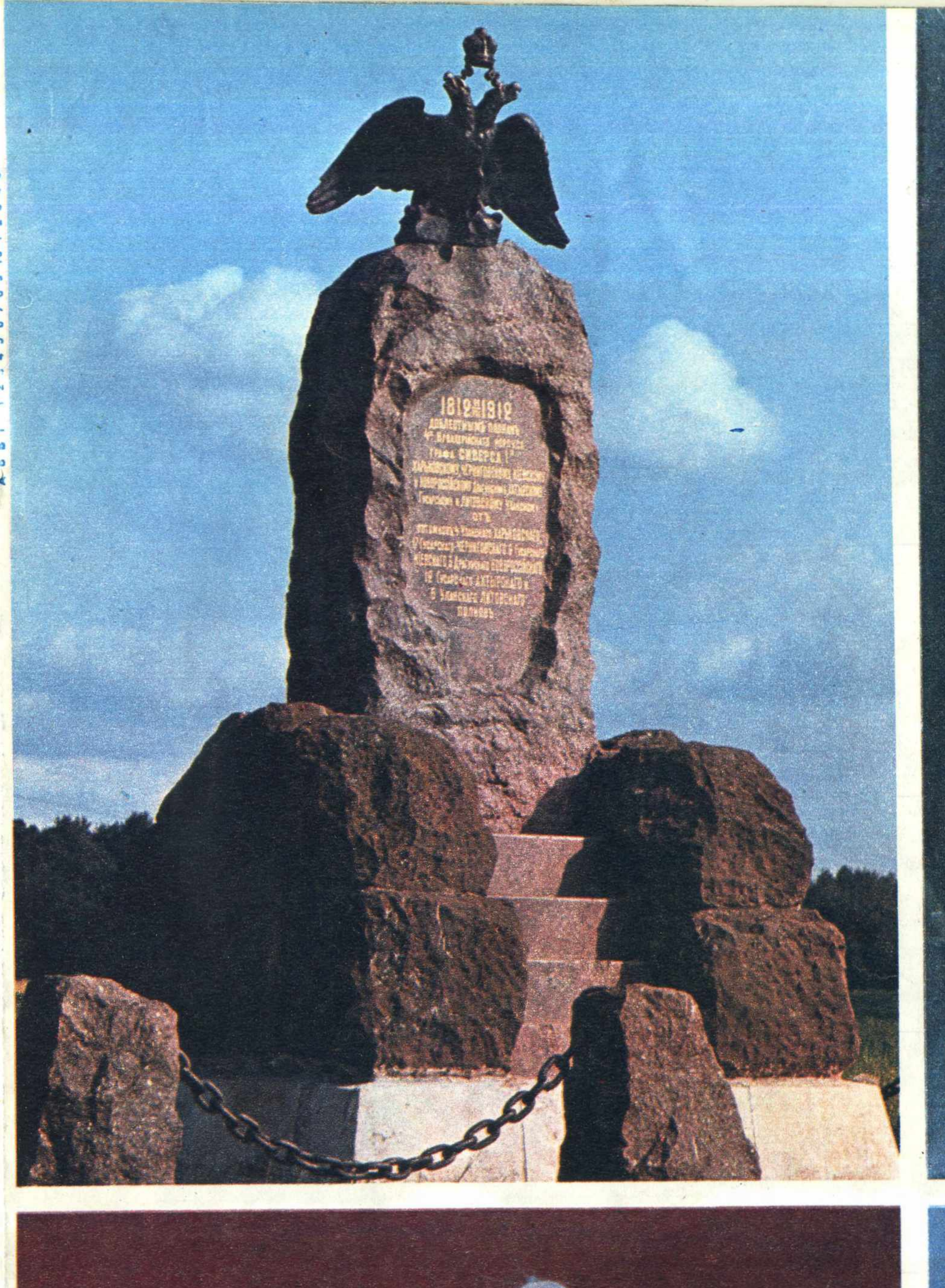
В армии в те дни было не до сжигания чувствительных романов мадам Жанлис и не до лафиту (24-го числа выдали солдатам водки), и если уж приводить теперь подлинную цитату того часа, то это будет: «Гром не грянет — мужик не перекрестится» — пословица, сложенная именно у Бородина.

Воображение современников и потомков всегда притягивалось к Бородинскому полю, с его пятьюдесятью семью тысячами трупов, которые долгие месяцы никто не убирал, к месту одного из самых страшных побоищ, какие только были до тех пор в истории земли.

Удивительно, но и сегодня историки продолжают спорить о причинах разрешения битвы: о пропорции между активностью и пассивностью Кутузова, о странном поведении императора французов, и одни говорят, что, понимая губительную для Наполеона отдаленность на тысячи верст от базы и невозможность длительной войны во враждебной, громадной стране, русский главнокомандующий считал по глубочайшему убеждению капитальный бой ненужным (как в свое время и Аустерлицкий) стратегически, но неизбежным политически, другие же — что сражение планировалось им заранее, инициативно и что основная цель состояла не только в том, чтоб обескровить противника, но, самое главное, не допустить к Москве. Одни говорят, что Бонапарт был не тот, что возглавлял походы республиканцев, но человек состарившийся (хоть ему исполнилось только сорок три года) и сильно боль-

Памятник 4-му кавалерийскому корпусу генерала К. К. Сиверса * Портрет М. И. Кутузова. Неизвестный художник. Начало XIX века * Солдатский кивер русской армии 1812 года * Матвей Иванович Платов. Неизвестный художник. Начало XIX века.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Знаменитый редут Раевского * Памятник М. И. Кутузову.

1812 1912

ной (давал уже себя знать рак, сведший его потом в могилу), другие — что император, гениальнейший полководец эпохи, проявил, наоборот, колоссальную энергию и умение необычайно ловко управлять войсками в ходе боя.

Ничто не причина, думал в свое время Толстой. Да и сам Наполеон признавался на острове Св. Елены: из пятидесяти данных сражений именно под Москвой великая армия проявила наибольшую доблесть, но добилась наименьшего успеха. «Неужели, дядюшка, вы предполагаете разбить Буонапарте?» — неосторожно спросил старика его племянник перед самым отъездом к войскам. «Разбить? Нет,— просто отвечал Кутузов,— но обмануть — да, рассчитываю».

Кутузов был гроссмейстер стратегии. Еще за неделю он ждал «неприятеля на генеральное сражение у Можайска», только там, а не где-нибудь в другом месте. Кроме того, для ученика Суворова слова «комплект» и «резерв» являли важнейший смысл, залог успеха. «Если полки мои в комплекте,— указывал фельдмаршал, подтягивая рекрутские депо к фронту,— то, ей-богу, никого не боюсь!» — и еще: «Тот генерал, который сохранит резерв, не побежден».

Все три дня перед боем он не выходил из коляски — осматривал позицию действительно неплохую: длиной в пять верст от Доронина и Шевардина через Бородино до Малого Села; фланги ее не могли быть обойдены, так как прикрывались: справа рекой Москвою, слева — лесами, овраги же, находившиеся с фронта, мешали неприятелю свободно маневрировать. Хорошо сработали и инженеры: высоту Курганную венчал люнет на восемнадцать орудий, на правом фланге у деревни Маслово устроили несколько редутов, на левом — три мощные флеши. Войска главнокомандующий поставил так: правое крыло — армия Барклая (за ним казачьи корпуса Платова), левое — солдаты Багратиона и полки Карпова, всего — 72 тысячи пехоты, 17 тысяч кавалерии, 14 — артиллерии, то есть 103 тысячи при 640 орудиях плюс ополчение.

Часть этих тысяч людей и этих сотен орудий сшиблась и опробована была кровью с частью 86 тысяч пехоты, 28 тысяч кавалерии, 16 тысяч артиллерии, то есть с частью 130 тысяч воинов и 587 орудий Наполеона августа 24 числа 1812 года поутру у Шевардинского редута, наиболее выдвинутого вперед.

Редут пытались взять с ходу лучшие — Даву, Мюрат и Ней и, несмотря на свое троекратное численное превосходство, рубились до темноты, и лишь под ночь эту позицию, ставшую уже ненужной, разрушенной, отдаленной от основного фронта, русские после тяжелого огневого и штыкового боя сдали, причем французы с удивлением рассказывали, что канониры не бежали, хотя имели эту возможность, когда атакующие ворвались на редут,— и были переколоты на месте. Удивила их и собственная цена: за маленький холм — шесть тысяч убитыми и ранеными.

За Шевардино в тот день стояли солдаты генерал-лейтенанта Горчакова, бойца смелого и хитрого, самолично пребывавшего непосредственно в пекле, когда на малочисленную позицию пошли тридцать пять тысяч пехоты и конницы, поддерживаемые 180 орудиями. Минута потребовалась Горчакову, чтоб решить приказ батальону Одесского полка ударить поход и кричать «ура!», не трогаясь с места: враг в нерешительности стопорит движение атаки, а с фланга тем временем поспевают на подмогу наши кирасиры.

На следующем рассвете Наполеон сел на лошадь и почти не слезал с нее десять часов кряду. Свои его так и запомнили: рыжие, заляпанные грязью лосины, серый сюртук, подзорная труба у глаз. В трубу он видел: все было неподвижно, Кутузов стоял в прежнем порядке. Армию император уложил теперь на ночлег рано, но сам, несмотря на физическое и умственное напряжение и усталость, не сомкнул глаз всю ночь: волновался, постоянно выходил из шатра смотреть, горят ли огни в русском лагере. Огни горели, случайным выстрелом бухнула в отдалении пушка.

В половине шестого был дан приказ двинуться, и вице-король Италии Богарне первым бросил свой корпус, согласно диспозиции, на деревню Бородино: с обеих сторон раздался такой оглушительный и уже непрекращающийся грохот артиллерии, что даже люди, побывавшие под Эйлау и под Ваграмом, Йеной и Ауэрштедтом, ничего подобного не слыхали.

Известно: утро явилось прохладным и ясным. Известно: с взблеском первого луча солнца Наполеон весело воскликнул: «Вот солнце Аустерлица!»

Один русский офицер вспоминал: «Он был подле батареи на Горках, немного левее столбовой дороги. Желая лично удостовериться в справедливости донесений, князь Кутузов взъехал на пригорок, осыпаемый гранатами и обломками их, летавшими во все направления. На волоске была жизнь того, на ком лежала надежда России».

Кто-то из музыкантов, наблюдая однажды за застольным пением старых казаков, был очарован лидером, который вел это пенье рукою, но не дирижировал в строгом смысле, а именно вел, как бы стелил голоса, свершая свои плавные движения не вертикально (по правилам грамоты), но горизонтально, раскачиваясь всем корпусом, и если чувствовал разбег, единение, гармонию, то и вовсе отпускал музыку, доверяя самой песне. Нечто похожее созидал при Бородине и Кутузов. Он не диктовал своим генералам действия, согласно диспозиции и заранее разработанной партитуре боя, но, пристально вслушиваясь, помогал справиться с ним, полностью отдаваясь как своему собственному опыту, интуиции, чутью, так опыту и чутью каждого генерала и солдата.

Это высшее знание Кутузовым и всяким рядовым в тот день некой тайны отмечал Толстой, и тем не менее когда Пьер в своем нелепом белом цилиндре, не помня себя от страха, перескакивая через какие-то окровавленные куски, посреди свиста картечи и ядер, то сбегал по грудам тел с батареи Раевского, когда ее брал француз, то возвращался назад, как на единственное убежище от всех ужасов, окружавших его, когда наши ее отбивали, ему все казалось: убитые и раненые «ловят его за ноги», и он думал в кошмаре: «Нет, теперь они оставят это, теперь они ужаснутся того, что они сделали!» Но никто не останавливался.

«Артиллерия должна жертвовать собою; пусть возьмут вас с орудиями, но последний картечный выстрел выпустите в упор, и батарея, которая таким образом будет взята, нанесет неприятелю вред, вполне искупающий потерю орудий»,— учил Александр Кутайсов, двадцативосьмилетний генерал-майор, вместе со знаменитым Ермоловым поведший с батареи батальон Уфимского полка в штыковую атаку и наповал в той атаке убитый: по свидетельству знатоков, военные дарования Кутайсова подавали необычайно большие надежды.

Батарея была центр сражения и ключ ко всей русской позиции, и владели этим ключом, помимо пехотного корпуса генерал-лейтенанта Николая Николаевича Раевского, еще четыре полка Паскевича и часть дивизии Васильчикова. Солдаты держали здесь до последнего шквальный огонь и три атаки, конечную из которых составили тридцать четыре кавалерийских полка и бонапартова Молодая гвардия, на чьи штыки бросился оставшийся на кургане практически в одиночестве генерал Лихачев.

Батарея была центром сражения, но не единственным пеклом и состязалась по количеству убитых и убиваемых в остервенелой мясорубке и с Семеновским оврагом и с выдержавшими за день восемь атак Багратионовыми флешами, вокруг которых не фигурально, а действительно «ядрам пролетать мешала гора кровавых тел». На флешах и за флеши дрались воины Багратиона и под началом Шаховского, Тучкова, Мекленбургского, Неверовского, Дуки, Багговута, Сиверса, Дорохова, Воронцова, Бутурлина, Коновницына. То был цвет русского офицерства (за каждым — подвиг), его элита, как бы кровью побратавшаяся в бою с рядовым и дравшаяся вместе с ним с отчаянной храбростью. В самой гуще виделся и непревзойденный смельчак, «гений огневой и сабельной стычки», князь Петр Иванович Багратион. «Браво! Браво!» — зычно кричал он своим под градом картечи атакующим солдатам: через минуту после этого восклицания генерал получил смертельную рану осколком ядра. Но на флешах неприятель оставил тридцать тысяч трупов, и флеши назвали оттого «могилою французской пехоты».

К Наполеону стекались противоречивые донесения. Так, ему уже в ранние утренние часы доложили, что один из его лучших генералов, Плозон, ворвался со своим полком в деревню Бородино, выбил оттуда русских, но, преследуя их, наткнулся на егерей противника, которые начисто истребили большую часть полка, убив самого Плозона. Затем примчался адъютант с известием, что наступление маршала Даву развивается успешно, но за ним другой сообщил, что дивизия Компана попала под адский огонь, сам Компан ранен, его офицеры перебиты, а у Даву, поспешившего на помощь, убило ядром лошадь, и маршал сильно контужен.

Не успел император выслушать и отдать новые приказания, как ему доложили, что Нея, занявшего флеши, выбила дивизия Неверовского и потери велики. Семеновский овраг переходил из рук в руки, и казалось, этим переменам не будет конца и обе армии здесь положат все, что имеют: Ней и Мюрат просили гвардию. В ответ Наполеон дал лишь дивизию, заявив, что он не хочет уничтожить свою гвардию в восьмистах лье от Парижа. Была середина дня. Казаки Платова и Уварова ударили по правому французскому флангу.

Тем временем на Семеновских флешах продолжалось смертоубийство: на крохотном пятачке и почти в упор друг против друга гремело больше семисот орудий, и когда русские и французы вступали посередке в рукопашный бой, эта сцепившаяся масса с той и другой стороны обстреливалась без разбора.

День клонился к вечеру, Багратион пал, оба Тучкова были убиты, корпус Раевского почти истреблен, русские солдаты падали, но бегства не наблюдалось. Все, кто находился в тот час рядом с императором, не узнавали его: он не отвечал на вопросы, на которые никто, кроме него, не мог ответить, он находился в полнейшей апатии, он не отдавал приказаний, он лишь упорно и почти бессмысленно повторял: «Им еще хочется, дайте им еще».

Некогда эти места принадлежали сестре поэта и героя войны Дениса Давыдова. Мальчиком он собирал здесь цветы. Рядом лежали еще две помещичьих усадьбы, а также государственные земли, на которых казенные крестьяне Горок и Шевардина пасли скот, косили травы и сеяли пшеницу. Теперь их покрывало более пятидесяти тысяч трупов в синих французских, зеленых и красных русских мундирах, стоял низко сырой туман и терпко пахло кислой селитрой и кровью. Такую картину, расположившись сегодня на кургане Раевского, наблюдая за движением веселых облаков и вдыхая ароматы трав, скошенного сена, трудно себе представить. Но она была, эта картина.

Как, не правда ли, странно, что русские войны (в отличие от войн в других странах) прошли на полях? Тех самых, трудовых, что дают нам хлеб и жизнь. И даже нынче на Бородинском поле, где каждый год, как и двести лет назад, косят, сеют, пашут, снимают урожай, нет-нет плуг иногда подцепит и вывернет проржавелую кавалерийскую подкову, картечину (металлический, изъеденный землей шарик величиной с голубиное яйцо), осколок ядра или снаряда. Последний — от последней уже войны, оставившей здесь новые меты и шрамы: проросшие теперь травкою траншеи, бетонные доты, братские могилы наших солдат, убитых в сорок первом году.

Тогда, в операции «Тайфун», по Можайскому шоссе наступали клином три дивизии: моторизованная СС «Райх», танковая и пехотная, а закрыли плацдарм Бородинского поля несколько стрелковых полков и батальон ребят-курсантов, продержавшихся в жесточайшем бою почти неделю.

Было это в октябре, через сто двадцать девять лет и один месяц после славной баталии 1812 года; шли затяжные дожди, и памятники кирасирам, драгунам, кавалергардам (красный, черный гранит и полированный мрамор, орлы и кресты) стояли мокры, с прилипшими кое-где янтарными листами.

Большинство памятников установили к столетию битвы с Наполеоном: каждый полк своим героям-однополчанам — Волынский пехотный, лейб-гвардии Егерский, лейб-гвардии Измайловский, лейб-гвардии Финляндский, Конной артиллерии — всего около сорока обелисков, и почти каждый с бронзовым орлом, ибо орел — это символ чести, верности, победы.

И верность и честь проверяются делом. Существует документальное свидетельство, что один багратионовский офицер, получив смертельную рану в живот, сказал, что с ним все кончено и он завидует своим солдатам, которым еще *предстоит счастье умереть* за родину. Существует и другое свидетельство: генерал Лихачев, тот самый, что бросился с батареи Раевского на штыки французов, умер не сразу, а, продырявленный как решето колотыми ранами, был отнесен к палатке Наполеона, который восхитился отвагой генерала и захотел вернуть ему оружие. «Я клялся этой шпагою на верность,— прохрипел Лихачев,— и не могу принять ее теперь из рук врага».

Таких фактов десятки, и потому, по словам Толстого, не один Наполеон «испытывал то похожее на сновиденье чувство, что страшный размах руки падает бессильно, но все генералы, все участвовавшие и не участвовавшие солдаты французской армии, после всех опытов прежних сражений (где после вдесятеро меньших усилий неприятель бежал), испытывали одинаковое чувство ужаса перед тем врагом, который, потеряв *половину* войска, стоял так же грозно в конце, как и в начале сражения».

То был миг полного слияния всех в одного и каждого со своею землей, которую защищали, как душу. Ведь без души человек и даже целый народ — нуль, пустота. Именно за эту прописную, но вечную истину «...и умереть мы обещали, и клятву верности сдержали мы в Бородинский бой».

Их предки стояли здесь насмерть...
*** Памятник Конной артиллерии.**

Нужно устранить все, что делает процесс внедрения нового трудным, медленным, болезненным.

Л. И БРЕЖНЕВ.
Из Отчетного доклада ЦК КПСС XXVI съезду партии.

О. ПЕТРИЧЕНКО

ТЕРНИИ

Не приходилось ли вам на досуге листать журнал «Изобретатель и рационализатор»? До чего же бесконечно богата земля наша бесценными самородками талантов! Читаешь и диву даешься — неостепененные, безвестные порой мастера изобретают вещи, которые не то что легендарному Левше, современному премудрому НИИ не под силу.

Вы грузили когда-нибудь, скажем, в безденежные студенческие годы, цемент? Работа адова. И поневоле задумаешься: каково же приходится тем, для кого это занятие не случайный приработок, а прямая служебная обязанность?

Так вот, нашелся во Владивостоке пенсионер товарищ П. Д. Дзюба, который сумел значительно облегчить эту работу. И людям стало хорошо, и экономия составила рубль три копейки на каждую тонну перекачиваемого цемента. Напомню, что за год их по стране миллионы перекачивают.

А картофельным крахмалом в хозяйстве пользуетесь? Ответ знаю: редко, потому как дефицит... А вот Т. Л. Клесник нашел способ его устранить — сконструировал аппарат для измельчения картофеля. От прочих отличается тем, что позволяет каждую картофелину превращать в этот дефицитный продукт почти полностью — на 98 процентов. В то время как на сотнях ныне действующих предприятий выход продукции составляет всего 77 процентов, а следовательно, на ветер ежегодно выбрасываются многие тысячи рублей. Не по стране, а на каждом заводе.

Узнаешь такое, и сердце радуется: да этим гениям — Дзюбе и Клеснику — памятник при жизни надо ставить, холить, беречь и лелеять их повсеместно.

Увы, когда знакомишься с изобретательскими проблемами ближе, начинаешь понимать, что излишние восторги здесь неуместны. Взять тех же Дзюбу и Клесника — не орденами и заслуженной славой отмечен их труд, а бесконечной нервотрепкой, к сотворению которой немало усилий приложили ответственные товарищи из Центрального научно-исследовательского и проектно-экспериментального института организации, механизации и технической помощи строительству и Всесоюзного научно-исследовательского института крахмалопродуктов. Тактику они избрали страусову: углядев опасность престижу, затолкали свою голову в песок отписок и делают вид, что ничего не случилось. Официально отвергнув ценность изобретений, они, по сути, похоронили их для массового внедрения.

Что же новаторы? А ничего, прав-то у них мало. Изобретают дальше, утешаясь тем, что единичные образцы их творчества, внедренные усилиями местных организаций, приносят хоть малую, но реальную пользу обществу.

Столь пространное вступление я позволил себе, после того как познакомился с известным всей стране изобретателем, в творческой судьбе которого, увы, терниев тоже куда больше, чем наград.

«ФАМИЛЬНОЕ» КЛЕЙМО

...Его рабочее место я угадал сразу, хотя никогда прежде не бывал в этом цехе да и самого Михаила Афанасьевича Зайцева видел разве что на газетных снимках. Угадал, когда усмотрел симпатичного, словно вырезанного из какого-то детского журнала зайца, уютно устроившегося на корпусе небольшого фрезерного станка. Заяц — личное клеймо, которым отмечает свои опытные инструменты ленинградский мастер М. А. Зайцев.

Михаил Афанасьевич смеется:

— Он родом из Тореза. Выступал я там в школе передового опыта и для подкрепления теории практикой помог своим инструментом одному товарищу недельное задание за смену выполнить. Ну, ребята и придумали подарок — сделали мне из специальной стали «фамильное» клеймо.

В силу специфики своего сугубо индивидуального производства мастер использует его не часто. И тем не менее всего за несколько лет русаки проторили тропку в Югославию, Францию, ФРГ и даже, говорят, перемахнули через Атлантику — в США.

А начинается их путь отсюда — из крохотной комнатки, одна стена которой — царство всевозможных металлических поделок, а другая — белоснежное поле раздумий: лист бумаги на кульмане.

Меня определяют поближе к металлу и, извинившись,— в цехе есть срочные дела, оставляют, предварительно озадачив странноватой просьбой: каким угодно способом вывернуть вставленный на моих глазах с помощью обычной отвертки в отверстие конусообразный эксцентрик (нечто вроде винта, только абсолютно гладкий, без резьбы). «Чтобы не скучно было ждать», — поясняет Михаил Афанасьевич, и в глазах его снова мелькает веселая, насмешливая искорка. Она становится понятной минут через десять, когда, утирая со лба пот и перепробовав все более или менее подходящие к случаю инструменты, я в отчаянии хватаюсь за молоток и, приспособив к отвертке рычаг, с грохотом обрушиваюсь на него, пытаясь уже не вывернуть, а просто-напросто высадить проклятый эксцентрик. Но он сидит как влитой, и я начинаю подозревать обман — сверхпрочный клей, хитроумный паз или какую иную каверзу.

Вернувшийся Зайцев смеется уже в открытую и вновь, не торопясь, демонстрирует мне «фокус»: ни клея, ни паза я, естественно, не обнаруживаю. «Да вы не огорчайтесь, — утешает он. — В чем тут дело с точки зрения физики, я и сам не знаю. Все дело в том, как заворачивать...»

И он показывает мне, как именно это надо делать. До чего же все просто! «Самотормозящийся эксцентрик» — так изобретатель назвал свое новое детище — еще не запатентован. И посему поделиться секретом пока не могу, а могу лишь поделиться своим впечатлением: представьте, что машина времени перенесла вас в глубь веков и вы встретились с изобретателем гвоздя или автором самого первого шурупа. Кажется, куда как немудреные и привычные вещи, а ведь цивилизация на них держится. Новый элемент крепления, предложенный Зайцевым, не уступает им в простоте, но значительно превосходит надежностью.

— Кстати, гвоздь мне тоже приходилось усовершенствовать,— вспоминает Михаил Афанасьевич.— Однажды столярничал по дому и загубил очень нужную доску — треснула. Отчего, думаю? Присмотрелся — гвоздь-то стандартно круглый, а значит, раздвигает волокна, деформирует поверхность. А что, если попробовать сделать его плоским. Попробовал — так он в новом виде мне настоящий фейерверк неожиданностей преподнес: мало того, что доску не колет (волокна теперь режутся, это понятно), так еще и в капитальную кирпичную стену запросто входит, нагрузки, несмотря на уменьшенный вес, выдерживает куда более значительные. В патенте, правда, отказали, сославшись на то, что подобное было запатентовано в Германии еще две сотни лет назад. Но сами размышления над этими неожиданными свойствами пригодились — гвоздик этот я малость доработал и использовал в своей новой фрезе.

Честно говоря, отправляясь к Михаилу Афанасьевичу, я хотел в какой-то мере разобраться с давно волновавшей меня загадкой происхождения таких вот самородков, как он. Ведь образования у него, как выяснилось, всего восемь классов, к тому же довоенного еще чекана. Потом народное ополчение, четыре фашистских концлагеря, годы послевоенной разрухи—на экзамене жизни ему выпал суровый билет.

Михаил Афанасьевич Зайцев.

...Я бывал раньше на занятиях клуба изобретателей, где каждого желающего независимо от образования и возраста берутся научить изобретать что угодно. Если очень упрощенно, то главное там — абсолютно раскрепостить свою психику. Например, поставив какую-то цель, группа занимающихся по очереди высказывает самые порой абсурдные предложения о способах ее достижения. Последующее коллективное обсуждение разных вариантов помогает отобрать наиболее ценное и здравое из всего предложенного, а в итоге получить искомое.

Казалось бы, игра. Но не случайно она вошла в практику работы исследовательских отделов ведущих фирм мира. Вошла как серьезный, рекомендованный психологами метод стимуляции творческой активности. И даже соответствующее интригующее название получила: «брейнсторминг» — мозговой штурм.

То, что делает Зайцев, чем-то напоминает этот штурм. Только свои вершины он всегда покоряет в одиночку, пристрастно отбирая из тысяч, десятков тысяч вариантов единственно верный. Отбирает, сообразуясь со своей смекалкой, опытом, чувством прекрасного. Сам он, кстати, ни в какие таинства творческого процесса не верит, будучи убежден, что изобретать, создавать нечто новое доступно каждому, было бы желание. Сокрушается искренне: «Жаль, очень жаль, что подобных клубов, школ, где бы учили, как за это дело надо браться, очень мало. Вот говорят, что престиж рабочих профессий среди молодежи падает — отчего? Скучно им быть просто исполнителями чужой воли, чужих, порой несовершенных замыслов. Но ведь все ребята — изобретатели, фантазеры от природы! Вот бы эти качества и развивать — в школьных технических кружках, в ПТУ, как это прекрасно делает мой коллега А. М. Иванов из ПТУ № 33 при объединении «Светлана». У него хлопцы в пятнадцать-шестнадцать лет уже и патенты имеют, и медали ВДНХ, и трудятся над такими проектами, до которых мне бы, например, сроду не додуматься».

Тут Михаил Афанасьевич, замечу, малость скромничает. Представляя мне Зайцева, знакомый инженер не без иронии заметил: «По образованию он Архимед, по характеру — Фома неверующий...» За иронией чувствовалась некоторая зависть, но рекомендация была довольно точной: Архимед, как и Зайцев, прекрасно обходился без вузовского диплома, а неверующим изобретателю положено быть «по штату», ибо истина, если вдуматься, рождается отнюдь не в споре — в сомнении; споры начинаются после.

Не помню, кому принадлежит высказывание о том, что все действительно принципиально важные открытия совершаются лишь тогда, когда находится человек, не знающий, что совершить их в принципе невозможно. Вот так и Зайцев смело берется усовершенствовать то, за что с точки зрения здравого смысла и браться не стоит — слишком велик шанс затратить усилия впустую. Так, в частности, было с его ставшим впоследствии знаменитым устройством для зажима деталей в токарном станке.

Ломали голову над этой проблемой давно. Как отдельные энтузиасты, так и соответствующие КБ. А максимально эффективное устройство придумал Зайцев. Простое в изготовлении, дешевое и остроумное: отныне деталь закреплялась-открепплялась с помощью самого станка. На вспомогательные операции уходили теперь считанные секунды, что положительно сказалось и на производительности и на самочувствии людей.

Столь же неожиданным по изяществу и простоте был его вариант копирного устройства. Вариант, потому что имеющий то же назначение и давно зарекомендовавший себя гидросуппорт не устраивал Михаила Афанасьевича своей громоздкостью (ему необходима масса вспомогательного оборудования) и, как следствие, весьма обременительной себестоимостью. Предложенный новатором автокопир отличался завидной дешевизной, гарантировал несравненно лучшее качество и позволял даже начинающим токарям выполнять заказы высшего класса точности.

ЗНАМЕНИТАЯ ФРЕЗА

Подобных находок в арсенале мастера, что алмазов в Гранови-

той палате. Только по стоимости они подороже любых алмазов будут. И, чтобы вы не подумали, что сравнение это ради красного словца, за уши притянуто, приведу одну цифру: только последнее его изобретение — ставшая всемирно известной фреза — уже принесло государству пять миллионов рублей экономии.

Об этой фрезе я впервые услышал в Дрездене — городе-побратиме Ленинграда. Гостил там с рабочей делегацией и помню, как в обстоятельном разговоре о пользе и перспективах дальнейшего развития взаимного сотрудничества заинтересовал меня рассказ одного немецкого товарища о необыкновенных свойствах инструмента «геноссе Зайцева», виденного им на выставке достижений новаторов СССР и ГДР. Поразила и потому запомнилась фраза: даже по немецким, весьма жестким нормативам фреза на некоторых сложных операциях повышала производительность труда почти в 15 раз. Пришлось даже переспросить переводчицу: не ошиблась ли? Оказалось, точно.

Сомнения мои были обоснованы тем, что фреза — вещь сама по себе куда менее мудреная, нежели велосипед, изобретение коего, как известно, считается занятием несерьезным. А уж изучена, микронно просчитана она досконально, причем лучшие умы мировой станкостроительной индустрии перепробовали, кажется, все на свете ради столь же порой микронных выигрышей в скорости и долговечности. Игра, впрочем, всегда стоила свеч, поскольку фрезерный станок — один из столпов, на которых держится вся промышленность, и даже крохотный шаг вперед давал прибыль в чистом золоте.

Тем более невероятным кажется не шаг — прыжок в будущее, совершенный ленинградским новатором. Чтобы не утомлять читателя перечнем многих достоинств его детища, замечу только, что там, где лучшая из прежних фрез держалась от силы пять минут, его, Зайцева, куда более простая и легкая, работает сутки!

Со стороны это попахивает мистикой. Слава богу, не при лучине живем — есть Всесоюзный научно-исследовательский инструментальный институт со своими докторами и кандидатами наук, есть масса иных родственных учреждений, занимающихся той же тематикой, есть, наконец, солидные фирмы за рубежом. А успеха добился простой рабочий.

Так Зайцев стал миллионером. Разумеется, выражаясь фигурально. Хотя, честно говоря, собираясь к нему в гости, я ожидал увидеть если не «мерседес» у подъезда, то какие-то иные достаточно заметные признаки повышенного материального благосостояния. Как-никак человек не простое рацпредложение подал, а заметно ускорил движение всей колесницы технического прогресса. Кстати, есть даже такая весьма авторитетная и достаточно редкая медаль — «Техника — колесница прогресса», учрежденная Центральным советом ВОИР и журналом «Изобретатель и рационализатор». Уникальность ее определяется статусом, согласно которому награждаться ею могут лишь люди, предложившие «...смелые технические решения, направленные на кардинальные изменения технологии и являющиеся предвестниками техники будущего». Всего десять раз присуждалась она: генеральному конструктору по авиадвигателям академику Н. Д. Кузнецову, конструктору стрелкового оружия М. Т. Калашникову и другим столь же известным, отмеченным высокими степенями и званиями людям. Одиннадцатым стал простой ленинградский рабочий М. А. Зайцев.

Однако медаль медалью, а насчет денег я все-таки спросил. Не из праздного любопытства. Из любознательности. Михаил Афанасьевич — сотрудник Всесоюзного проектно-конструкторского института технологии электротехнического производства. Институт заслуженный, занимается разработкой оборудования и технологических процессов для промышленного производства современных электромоторов и, что немаловажно, очень хорошо относится к Михаилу Афанасьевичу. Ему предоставлен кабинет, возможность пользоваться любым оборудованием, свободное расписание — одним словом, созданы все условия для творчества, не замутненного никакими неурядицами. Правда, Зайцев себя не балует: на работе появляется в 7.15. Вдохновение у Михаила Афанасьевича дисциплинированное, на работу всегда ходит вместе с ним, и все задания института он выполняет в срок и с должным качеством.

Правда, полной идиллии не получается. Хотя бы потому, что интересы Зайцева нередко выходят за рамки чисто электротехнического производства. Как, скажем, в случае с этой фрезой. Ведь, если положа руку на сердце, то ВПТИэлектро от этого изобретения мирового уровня ни холодно, ни жарко: не его профиль. Ну, а поскольку институт выпуском фрез, естественно, не занимается, то и Зайцеву в материальном смысле в данной ситуации должно быть скорее холодно, чем тепло.

Так я размышлял. И немножко надеялся, что в чем-то ошибся. Выяснилось, что ошибся в акцентах: Зайцева волновали парадоксы иного масштаба:

— По расчетам экономистов, реальная прибыль от использования каждой моей фрезы — 64 рубля 67 копеек. Потребность во фрезах исчисляется миллионами, а выпущено на сегодняшний день чуть более ста тысяч штук. Наш Сестрорецкий инструментальный завод имени Воскова мог бы значительно увеличить их производство, но, увы, дефицитнейший твердый сплав по-прежнему распыляется по другим заводам на выпуск... фрез устаревшей конструкции. Где же логика?..

И у меня, и у тысяч других новаторов секрет один — своя, продуманная до мелочей оснастка. Но почему только своя, разве ее в тайне держим? Наоборот, предлагаем: берите все, кому не лень, пользуйтесь. Однако станкостроители почему-то не спешат. И даже такая статистика их не убеждает: если стоимость станка принять за сто процентов, то в США, например, к нему оснастки делается на сто пятьдесят процентов, в ЧССР — на сто процентов. А у нас? У нас всего на... пять процентов. Вот где резерв немереный, несчитанный! Ведь если собрать все лучшее, что по стране светлые головы понадумали, да приложить эти выдумки к выпускаемым станкам...

Тут Михаил Афанасьевич даже руками развел и тяжело вздохнул.

Ну хорошо, изобрел он свою фрезу, совершил техническую революцию, получил восемь медалей ВДНХ. А дальше-то что? А ничего. Стал Зайцев путешественником. Купил чемодан повыносливее и пошел колесить по стране, демонстрируя, показывая и объясняя. Все виды транспорта, кроме собачьих упряжек и верблюжьих горбов, перепробовал, объехал все более или менее заметные предприятия страны, посетил свыше ста (!) городов. Не корысти ради. Потому как не шабашник он и для оформления причитающегося ему вознаграждения законных средств ни одно предприятие не имеет. Например, постороннему художнику за роспись заводской столовой платить может смело, не опасаясь никаких ревизий, а вот изобретателю, сэкономившему деньги на строительство десятка таких столовых, не смеет, нет такой статьи в бюджете. Так что путешествует Зайцев из чистого энтузиазма. Тем не менее даже доволен — что ни город, то открытие. К нему, как к заезжей знаменитости, собираются на разговор, на консультацию местные умельцы, и нередко мэтр сам превращается в завороженного ученика, а чемодан его к концу командировки становится чем-то вроде сейфа, до отказа заполненного чертежами, рукописными идеями стоимостью в десятки тысяч рублей.

КТО ОБЖИГАЕТ ГОРШКИ

А еще старается он не пропустить ни единой возможности побывать в местных ПТУ, встретиться с ребятами. Ходит по группам, показывает, что умеет, всячески подчеркивая очевидную простоту своих изобретений, и единственно в чем настойчиво убеждает, так это в том, что не боги горшки обжигают.

Лично я считаю, что все-таки немножко боги. И негоже богам столь щедро тратить свое драгоценное время на дела второстепенные, когда первостепенных выше Эвереста. Ведь, по сути, каждый плодотворно действующий изобретатель для страны то же, что золотоносная жила. Что бывает за покушение на сей благородный металл, знает каждый. А кто стоит на страже интересов, времени изобретателя? Никто. Сам придумывай, сам внедряй, сам (нередко через суд) выбивай себе вознаграждение. Есть, конечно, ВОИР, но при всем уважении к этой организации следует признать, что прав у нее не более чем у прошлогоднего календаря: рекомендовать она может, а вот контролировать, спрашивать с кого-то ответа, увы, нет. И не имеется никакого Всесоюзного центра, который анализировал бы, суммировал все лучшее, что создается новаторами страны, и настоятельно, если надо, силой закона, внедрял бы эти новшества, благо выгода государству тут очевидная.

Ведь и поныне нужные индустрии изобретения остаются нереализованными в массовом масштабе. Как исправить это нелепое, убыточное для нашей экономики положение? Зайцев сокрушенно качает головой и вдруг улыбается.

— Нужно еще одно изобретение: гибрид ЭВМ с бульдозером. Чтобы ЭВМ отбирала наиболее ценные предложения, а бульдозер прокладывал дорогу среди ведомственных валунов и бюрократических надолб.

Ну, а ежели серьезно, то давно идут разговоры о создании своего рода внедренческих фирм, которые имели бы право самостоятельно заключать договоры с любым предприятием для решения любых, актуальных для него проблем. Фирмы эти, понятно, должны располагать какими-то производственными мощностями для выполнения заказов, а главное — иметь право без проволочек и нелепых, надуманных ограничений привлекать к делу любых специалистов, мастеров, сведущих в данной проблеме. Получать деньги такая фирма будет не за вал, а за конкретный результат, но и деньги привлеченным товарищам будет платить не за степени, звания и былые заслуги, а за столь же конкретный вклад в данную работу. Идея сама по себе весьма здравая, но, жаль, никак не может вырваться на простор из зарослей всевозможных увязок и согласований. Так что самый реальный вариант на сегодня то, что уже сделано в нашем городе.

Да, ленинградцы достаточно убедительно продемонстрировали, как при желании можно уже сейчас, не дожидаясь грядущих перемен, помочь своим талантливым землякам. Отобрав лучшие приспособления, инструменты, представленные на выставке «Новаторы Ленинграда-76» на ВДНХ СССР, они сумели наладить их централизованное изготовление. Только в течение первого этапа, длившегося два года, 30 предприятий поставили 42 тысячи единиц продукции 27 наименований. Заметьте — 30 предприятий... Принадлежа разным министерствам, отраслям, они тем не менее скоординировали свои усилия, доказав, помимо всего прочего, что не так уж страшен ведомственный черт, как его малюют.

Опробовали в городе на Неве и другой путь. На Кировском заводе и еще четырех предприятиях успешно действуют творческие лаборатории новаторов, коллективно занимающихся не только сотворением нового, но и его активным внедрением.

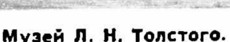
Одним словом, несмотря на все трудности, ленинградцы настойчиво пытаются развязать узел проблем, мешающих творчеству. Заботы эти окупаются во сто крат: за последнее время выросло не только число новаторов, но и качество, актуальность их изобретений. Не случайно местный центр научно-технической информации по запросам других городов только за последние три года отправил свыше 120 тысяч комплектов чертежей по разработкам ленинградцев.

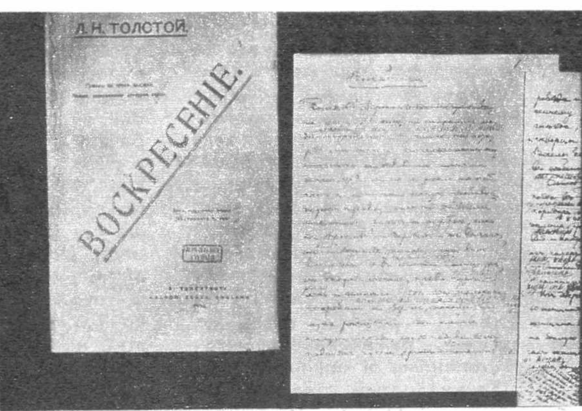
Среди них немало предложенных Михаилом Афанасьевичем Зайцевым. Недавно за очередное усовершенствование ВДНХ СССР наградила его очередной золотой медалью. Позвонил, поздравил, а он меня огорошил: «Знаете, а ведь мою фрезу, пожалуй, перехвалили, можно сделать еще лучше. Вот сейчас я придумал крепление, это да... Помните эксцентрик, который вы пытались вывернуть?»

Еще бы не помнить...

РАБОЧИХ НАУК

Музей Л. Н. Толстого.

Автограф Л. Н. Толстого.

Л. Н. Толстой и А. М. Олсуфьева за роялем.
Рис. Т. Л. Толстой.

Фото Г. Копосова

ЮБИЛЕЙ В ХАМОВНИКАХ

●

Сто лет назад безвестный судебный пристав Лебедев поставил свое имя под распиской в получении семнадцати рублей «за совершение ввода во владение Графа Льва Николаевича Толстова домом с землею 1-го участка Хамовнической части». Мог ли он думать, что век спустя пожелтевший лист гербовой бумаги с его подписью окажется в витрине выставки, открытой в музее-усадьбе писателя? Да и сам дом—простой, старинный, построенный еще в 1808 году и счастливо переживший пожар двенадцатого года,—мог ли рассчитывать на юбилейные торжества, если бы не был в 1882 году куплен Толстым?

Немногочисленные, но со вкусом подобранные экспонаты выставки к 100-летию усадьбы в Хамовниках вводят нас в атмосферу тех дней. Толстой, только что испытавший глубочайший мировоззренческий кризис, вынужден заниматься устройством семьи в Москве: дочь намерена учиться живописи, сын — поступить в университет, младшие дети — в гимназию... «Прошел месяц — самый мучительный в моей жизни. Переезд в Москву»,— записывает он в дневнике. Хамовнический дом, окруженный большим садом, стоящий вдали от аристократических особняков, «среди фабрик» и достаточно уединенно, в известной мере отвечает вкусам Толстого. Но он мал, нуждается в перестройке. Со свойственной ему энергией Толстой приступает к делу: приглашает архитектора, нанимает рабочих. Мы видим на выставке счета каменщика, плотника, маляра, узнаем, сколько уплачено «за стеклы Петровскому»...

«Если бы ты меня здесь видела, то ты верно бы сказала, что я в некотором отношении исправился»,— писал в это время Толстой Софье Андреевне в Ясную Поляну. То есть «исправился» на ее взгляд: оставив на время идейные искания, занялся делами семьи,— здесь звучит отголосок глубокого семейного конфликта. «Вчера ходил на Сухареву башню, купил Тане ширмы... вчера я пошел покупать критон и лампы...» И наконец:

«Вообще дом выходит очень хорош. А уж покой — чудо. Мне выходить не хочется из флигеля — так тихо, хорошо, деревья шумят».

Такой мажорной нотой начинается жизнь Толстых в новом доме. К обеду собираются в столовой члены семьи и непременные гости: на выставке мы видим визитные карточки Афанасия Афанасьевича Шеншина (который для нас и для Толстого всегда был Фетом), Александра Николаевича Скрябина, профессора Московской консерватории М. М. Ипполитова-Иванова, Райнера Мария Рильке. В столовой Паоло Трубецкой лепит бюст Толстого. По соседству, в спальне, Софья Андреевна днем правит корректуры или проверяет счета, еще жив младший, Ванечка,— он играет в детской, а старшие занимаются в классной. На верхней площадке парадной лестницы молодые любители живописи под предводительством Татьяны Львовны рисуют мраморного Антиноя или ведут кого-нибудь из «именитых» гостей в комнату Татьяны Львовны — расписываться мелом на суконной скатерти, где автограф потом будет вышит шелком рядом с факсимиле Репина, Касаткина, Антокольского, Танеева... Блещет мебель большой гостиной, стены украшены полотнами Репина, Серова, Ге...

Но эту идиллию большого графского дома нарушает сам Толстой, который пишет в дневнике 1885 года: «Нынче. Думал о своем несчастном семействе... Хоть бы они-то поняли, что их праздная, трудами других поддерживаемая жизнь, только одно может иметь оправдание: то, что употребить свой досуг на то, чтобы одуматься, чтоб думать. Они же старательно наполняют этот досуг суетой, так что им еще меньше времени одуматься, чем задавленным работой».

Все чаще во время приемов Толстой не выходит к гостям. Он шьет сапоги в своей рабочей комнате. Пара штиблет, сшитых Толстым для Фета, и сейчас стоит здесь в качестве музейного экспоната. Фет выдал Толстому шутливое свидетельство: «Сие дано 1885-го года января 15-го дня в том, что настоящая пара ботинок на толстых подошвах, невысоких каблуках и с округлыми носками сшита по заказу моему для меня же автором «Войны и мира» графом Львом Николаевичем Толстым, каковую он и принес ко мне вечером 8-го января сего года и получил за нее с меня 6 рублей...» Но Толстой здесь шутки не усматривал. В его дневнике мы встречаем лаконичную запись: «Фет пришел заказывать сапоги». Образ жизни семьи все больше тяготит Толстого. По вечерам он вместе со всеми слушает игру на рояле Рахманинова, Аренского или Игумнова. По словам Сергея Львовича, он «не встречал в своей жизни никого, кто бы так сильно чувствовал музыку, как... отец». Но днем, когда в отсутствие посторонних Толстой сам играл на рояле, кто знает, не рождался ли в нем замысел «Крейцеровой сонаты»? Одна из посетительниц вспоминает: «Я видела его также играющим на рояле со скрипкою «Крейцерову сонату». Лицо его, несколько приближенное к нотам, было строго и светло-серьезно». Такое оно и на выставленном рисунке Т. Л. Толстой.

И представленный на выставке первый автограф в Хамовниках — набросок неоконченного рассказа — звучит для Толстого полемично: «Жил в селе человек праведный, звать его Николай». Толстой не считал и не мог считать праведной свою жизнь в московском доме, где нельзя было избежать суетности, светской болтовни, ненужного и тягостного общения. И недаром устроители выставки помещают на стенде отрывок из чернового варианта «Смерти Ивана Ильича», написанный характерным «тесным» почерком Толстого:

«Нельзя, и нельзя, и нельзя так жить, как я жил, как я еще живу и как мы все живем».

Читая эти строки, вспоминаешь, что в стенах хамовнического дома обдумывались или писались «Воскресение», «Смерть Ивана Ильича», «Крейцерова соната», «Власть тьмы», «Живой труп», «Хаджи Мурат», где беспощадный реализм Толстого достигает вершин.

На выставке представлены прижизненные издания многих произведений писателя. А рядом — письмо А. Г. Достоевской, к которой С. А. Толстая обратилась за советом по издательским делам. Как известно, Софья Андреевна сама предприняла издание сочинений мужа, «Контора изданiя» находилась в том самом флигеле, где сейчас развернута экспозиция выставки. Об отношении Толстого к этой ее деятельности можно судить по наброску «завещания» (из дневника 1895 года): «Право на издание моих сочинений прежних: десяти томов и азбуки — прошу моих наследников передать обществу, т. е. отказаться от авторского права... То, что сочинения мои продавались эти последние 10 лет, было самым тяжелым для меня...»

В 1901 году Толстой уезжает на постоянное жительство в Ясную Поляну. Окончен хамовнический период. Незадолго до отъезда, в феврале, Синод официально отлучает его от церкви. «Святейший синод отлучил Толстого от церкви,— писал В. И. Ленин.— Тем лучше. Этот подвиг зачтется ему...» На стенде мы видим телеграмму Короленко, присланную в эти дни из Полтавы, в поддержку Толстого от имени многих его почитателей. Хронологически это последний экспонат выставки, относящейся к почти двадцатилетнему периоду московской жизни Толстого.

Скромная по размерам, разместившаяся всего в двух залах юбилейная выставка в Хамовниках дополняет основную экспозицию музея, помогая многочисленным посетителям понять удивительное явление мировой культуры, именуемое Львом Толстым.

М. ГРИНЕВА

ЕФРОСИНЬЯ ВИКЕНТЬЕВНА И ЕЕ ЛЮБИМАЯ ПОДРУГА НЮРА

Любовь ЮНИНА

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Нахмурившись, капитан милиции Кузьмичева глядела в окно и ровным счетом ничего там не видела, ибо взгляд ее был устремлен не на окружающее, а в самое себя.

Ефросинья Викентьевна находилась в дурном расположении духа, что было совершенно ей несвойственно. В силу этого она не нравилась себе, что тоже ей было несвойственно. И в данный момент она пыталась разобраться в причинах нарушения своего душевного равновесия. Судя по всему, причин было две.

Во-первых, рано утром с аэродрома позвонила Нюра Ланская, сообщила, что вернулась из экспедиции, где неожиданно вышла замуж. Возвращению любимой подруги Ефросинья Викентьевна обрадовалась. А вот известие о замужестве ее удивило и, пожалуй, обидело. Они дружили двадцать пять лет, и все эти годы Нюра никогда не принимала важных решений, не обсудив их предварительно с Ефросиньей Викентьевной.

Второй причиной дурного расположения духа нашей героини был гражданин Усиков, которого должны были сейчас доставить в кабинет Ефросиньи Викентьевны на допрос.

Дело, которое распутывала сейчас капитан милиции следователь Кузьмичева, было большое, сложное. Усиков, грузчик с мясокомбината, являлся в нем лишь маленьким винтиком, с помощью которого другими людьми делались большие аферы.

Представители некоторых торговых организаций давали грузчикам деньги за то, чтоб те выбирали для них туши получше. Все обвиняемые свою вину признали. Один Усиков все отрицал, хотя напарники его утверждали, что он тоже брал взятки. Однако прямых доказательств не было, и капитан Кузьмичева уже склонялась к мысли, что Усикова оговаривают.

И вот вчера Ефросинья Викентьевна узнала, что Усиков в последние годы сделал шесть вкладов на общую сумму в двенадцать тысяч рублей. И один вклад сделала его жена. Но у нее денег было меньше — шестьсот двадцать пять рублей.

В дверь постучали. Ефросинья Викентьевна медленно отвела взор от окна и, вздохнув, приказала:

— Входите!

Конвоир ввел Усикова, тот как-то кривенько поклонился, шагнул к столу.

— Садитесь, Усиков,— сказала Ефросинья Викентьевна.

Капитан милиции внимательно посмотрела на него, он спокойно выдержал ее взгляд.

Еще в институте она уверовала в то, что следователь должен быть лишен эмоций, верить фактам, подчиняться только логике. За десять лет работы в следственном отделе она сдержанность сделала чертой характера, а целесообразность — мировоззрением.

Ровным голосом она спросила:

— Так что, Усиков, по-прежнему будете утверждать, что денег не брали?

— Не видел я никаких денег,— угрюмо пробормотал Усиков.

— Ваши напарники продолжают настаивать на том, что брали...

— Клевета! Поверьте, гражданин следователь.— Усиков прижал руки к груди. Они у него были тяжелые, рабочие.— В жизни чужой копейки не брал. Вы же обыск делали, видели, как живу... Беднота...

— Ну, уж! Какая же беднота! Холодильник, телевизор, пианино.— Ефросинья Викентьевна посмотрела на Усикова и вдруг заметила, что он как-то неуловимо изменился. Взгляд его потеплел, бледные губы тронула улыбка. Еще вчера она поверила бы этой улыбке, но сегодня его улыбка вызывала в ней неприязнь. Подумать только, ведь он чуть было не обвел вокруг пальца ее, капитана Кузьмичеву, про которую коллеги говорили, что у нее чутье, как у собаки.

— Детишки у меня очень музыкальные,— торопясь, говорил совершенно новый для Ефросиньи Викентьевны Усиков.— Дочку в четыре года в музыкальную школу приняли. Сейчас ей шесть, а она уже песенки сочиняет, композитором будет. А пианино жена на свою страховку купила. Срок вышел — получила деньги, и мы и порешили: заведем для ребятишек пианино. Это можно проверить, гражданин следователь.

Тут Усиков запнулся, видимо, сообразив, что совершенно излишне делиться со следователем радостью по поводу способностей своих детей. Глаза его потухли, и перед капитаном Кузьмичевой снова сидел человек с серым, неприятным, плохо выбритым лицом.

«Мерзавец,— зло подумала Ефросинья Викентьевна,— и покупку пианино документами обезопасил... А я, дура, развесила уши».

— Так,— сказала Ефросинья Викентьевна.— Историю с покупкой пианино оставим пока в покое. Вклады в сберегательную кассу вы когда-нибудь делали?

— Какие вклады с зарплаты...— Голос его звучал натянуто.

— А может, вспомните?

В глазах Усикова мелькнула тревога.

— Нет, и вспоминать нечего...

Капитан Кузьмичева, брезгливо поджав губы, открыла папку, вытащила листок бумаги. Она понимала, что листок этот, где написано, сколько денег имеется у гражданина Усикова, не является прямым доказательством его вины: скажет, на облигации выиграл. Поди докажи!

— У вас на шести сберегательных книжках лежит двенадцать тысяч рублей. Откуда такие деньги?— спросила Ефросинья Викентьевна и увидела, как от лица Усикова медленно отливает кровь. Мертвенно-белым стал лоб, потом нос, щеки... У него задрожали губы, и он стал торопливо облизывать их.

— Материны это деньги,— сказал, наконец, Усиков хрипло.— Наследство...

Ефросинья Викентьевна чуть заметно приподняла брови.

— Минуту назад вы утверждали, что нет у вас денег. Зачем же было скрывать, раз они наследство.

— Боялся, не поверите. Ведь во взятках обвиняете, а тут такой капитал... Боялся без вины виноватым стать... Деньги эти давно у меня... Мать в деревне померла... Дом, хозяйство остались... Да и деньги у нее были, всю жизнь копила.

— Когда скончалась ваша мать?— спросила Ефросинья Викентьевна, не веря ни единому его слову.

— В шестьдесят первом...

— А почему вы первый вклад сделали в семидесятом, потом в семьдесят первом, семьдесят втором и так далее? Словом, начали вносить деньги с тех пор, как пришли работать на мясокомбинат?..

Усиков молчал.

— Где же вы раньше-то деньги держали?

— Сначала дома хранил... Потом облигации купил, думал выиграть...

— Не выиграли?

— Почему же? Выигрывал понемногу. Потом продал облигации...

— Все?

Усиков кивнул.

— А что же деньги не все сразу положили?

Усиков низко опустил голову.

— Тут такое дело... Знакомая одна попросила взаймы. Дом она покупала. Процент хороший пообещала. А отдавала она частями. Вот и носил в кассу частями.

— Кто же эта знакомая, которой вы такую сумму доверили?

— Деревенская наша. Она за матерью моей ходила. Умерла она в прошлом году.

— Долг-то успела отдать?

— Нет... То есть долг-то отдала, а проценты не успела...

— Не повезло вам. А почему книжек дома не оказалось?

Усиков не ответил.

— Прямо детектив у вас, Усиков, с этим наследством,— сказала Ефросинья Викентьевна.

Усиков встрепенулся:

— Да вы проверьте, проверьте! Все чистая правда... Как на духу!

Ефросинья Викентьевна промолчала. «Проверьте,— подумала она устало,— где, интересно, теперь найти доказательства, кому и что он давал столько лет назад».

Протокол допроса Усиков читал долго, медленно шевеля губами, время от времени возражая против каких-то ничего не значащих формулировок. Капитан Кузьмичева не спорила, исправляла. Наконец, Усиков подписал протокол, и конвоир увел его.

Ефросинья Викентьевна Кузьмичева не признавала полутонов, округлостей, не любила слов «не знаю». Она признавала или «да», или «нет», среднего для нее не существовало. Ефросинья Викентьевна была очень уверенным в себе человеком, и эта уверенность помогала ей всегда считать себя правой.

Но история с Усиковым несколько выбила ее из колеи, она чуть было не поступила неправильно. Об Усикове она думала, когда уходила со службы, когда ждала троллейбус. Но когда она ехала домой, мысли ее приняли другое направление.

Ефросинья Викентьевна стала думать о своем муже Аркадии, который сегодня свалил на нее обязанность брать из детского сада их пятилетнего сына Викентия, а точнее, Вику. Уважительная причина у мужа была: научный руководитель его диссертации профессор Сергейчук назначил ему встречу в четыре часа. Старик был несколько болтлив, и не исключалось, что продержит он Аркадия долго.

Но и уважительная причина вызывала неудовольствие Ефросиньи Викентьевны, она была человеком педантичным. Раз решили, что она отводит Вику в сад, а Аркадий забирает, значит, изволь строить график своей жизни в соответствии со своими обязанностями...

Вика, унаследовавший от матери ее педантизм, спросил:

— А почему папа не пришел?

— У папы консультация с профессором.

— Непорядок!

— Согласна! Знаешь, новость? Нюра приехала.

— Ура!— коротко сказал Вика.— Это жизнь, когда Нюра в Москве!

Ефросинья Викентьевна не любила панибратства, ей не нравилось, что сын называет подругу запросто, по имени, но сделать с этим ничего не могла. Нюра не желала, чтоб ее называли тетей, а уж обращения к себе по имени-отчеству и вовсе не терпела.

Вика обожал Нюру, она была добрая, веселая, позволяла делать то, что не разрешали родители.

— Мама,— спросил Вика,— а пингвина она мне привезла?

— Какого еще пингвина?— удивилась Ефросинья Викентьевна.

— Она мне обещала привезти пингвина,— заявил твердо Вика.

— Это уж разбирайтесь сами.

Вместе с сыном Ефросинья Викентьевна зашла в ближайший от дома гастроном и закупила кое-какую снедь для приема любимой подруги и ее новоявленного супруга. Воспоминания о Нюрином замужестве снова омрачили настроение Ефросиньи Викентьевны.

Когда они пришли, оказалось, что Аркадий был уже дома.

— Быстренько ты, однако!— ядовито заметила Ефросинья Викентьевна.

— Милая моя Ефросинья свет Викентьевна, не гляди на меня, как на кошку, слизнувшую сливки,— сказал он, посмеиваясь и целуя ее в щеку.

— Хватит целоваться,— басом проговорил Вика,— лучше развяжите мне шарф.

— О мой правильный сын!— закричал Аркадий.— Если б не мой веселый нрав, засушили бы вы мою живую душу!

Ефросинья Викентьевна стала смеяться, глядя на своего мужа, невысокого, чуть рыжеватого, круглолицего. Он был неизменно весел, улыбчив, чуть легкомыслен.

— Неправильный ты человек,— вздохнула Ефросинья Викентьевна.

В эту минуту раздался звонок. Дверь отворили, и в переднюю шагнула Нюра, загорелая, синеглазая, в какой-то невообразимо модной лохматой шапке. В руках у нее был большой бархатный пингвин.

Вика сразу потерял солидность, завизжал, бросился к ней, она схватила его в охапку, закружилась с ним, задевая все вокруг. Они кружились, визжали, целовались, с вешалки падали шляпы, метались по передней сапоги и туфли.

Тайфун в виде Нюры Ланской ворвался в квартиру Кузьмичевых.

— Ой, как я соскучилась!— стонала Нюра.— Ой, как я рада! Ой-ой! — Обессилев, она наконец остановилась.— Вика-Вика, а где же матушка?

Вика скатился с нее вместе с пингвином. Нюра некоторое время разглядывала подругу, потом приблизилась, поцеловала, потерлась щекой о щеку.

— Ой! — вдруг вскрикнула Нюра.— Слона-то и не приметили!— Она протянула руку назад.— Это Костя, мой дорогой муж! Не ругайтесь, что без вашего благословения. Боялась упустить. Что ни говори, а старая дева. Костенька, знакомься. Это Аркадий, а это сама Ефросинья Викентьевна, моя крестная мать.

Высокий, широкоплечий человек возник как-то ниоткуда, словно Нюра поколдовала, и он материализовался. Он стоял, улыбался, и Ефросинья Викентьевна вдруг неизвестно почему решила, что подруга сделала правильный выбор. Потом она поняла, почему Костя сразу понравился ей: он смотрел открыто, прямо в глаза.

— Здравствуйте,— сказал он,— такой я и представлял вас, Ефросинья Викентьевна...

Дружба Ефросиньи Кузьмичевой, в девичестве Еленушкиной, и Элеоноры Ланской началась с первого класса, четверть века назад. Их посадили за одну парту. Все десять лет они просидели вместе. Если Нюры не было дома, значит, она находилась у Ефросиньи. Если Ефросинья отсутствовала, значит, следовало искать ее у Ланской. Верховодила Ефросинья. Она была решительней, категоричней подруги, которая легко впадала как в восторг, так и в отчаяние и без серьезного повода могла залиться слезами.

Нюра была сирота, и ее воспитывала тетка, рассеянная дама в старинном пенсне, которое, как она утверждала, носил еще ее отец, бывший, как и она, профессором математики. В буквальном смысле слова воспитанием племянницы тетка занималась мало, она позволяла ей жить, как той нравилось. Но дважды она решительно вмешивалась в Нюрину жизнь, и та поняла, что предоставленная ей свобода призрачна.

Первый раз это произошло, когда Ефросинья и Нюра решили стать кинозвездами. Узнав об этом, тетка решительно сказала племяннице:

— Чушь! Ты совершенно бездарна!

В ответ Нюра с большим чувством прочитала ей басню Крылова «Ворона и лисица». А потом они с Ефросиньей разыграли сцену из «Грозы».

— Кошмарно!— сказала тетка.— Единственное, что у тебя есть артистичного, это имя — Элеонора Ланская. Только этого мало! И потом какая ты Элеонора! Ты же Нюрка!— И тетка презрительно махнула рукой. Никак не могла она простить племяннице, что та переменила свое имя по требованию подруги.

— При чем тут имя, тетя Тома!— рассердилась Нюра.— Все в школе говорят, что мы с Ефросиньей таланты и самородки.

— Вот как! Самородки? Это Ефросинья Викентьевна-то самородок?— Она сняла пенсне и стала глядеть на Ефросинью: — Нос как нос, уши как уши. И глаза узкие. Ты хоть стоять-то прямо умеешь?

Ефросинья, как могла, выпрямила спину, но все равно стройной фигуры не получилось.

— Крючок!— сердито сказала тетя Тома.— Вот как надо стоять! Глядите на меня, самородки и таланты!

Она выпрямилась, и фигура ее обрела очертания Марии Ермоловой на известной картине.

— Если б не мое увлечение математикой, я бы, может, стала второй Ермоловой.

— А говоришь!— сварливо сказала Нюра.— Может быть, у меня твои гены. И я осуществляю твою несбывшуюся мечту.

— Хорошо,— неожиданно согласилась тетка.— Если вы не доверяете мне, то, может быть, позволите высказать свои соображения по этому поводу народной артистке Алле Константиновне Тарасовой?

— Откуда ты ее знаешь?

— Мало ли откуда.

...Растерянные и униженные, девушки шли по улице Горького.

— Думаешь, мы правда бездарные?— спросила Ефросинья.— Просто тетка подговорила ее.

— Что ты говоришь!— вскричала Нюра.— Народную артистку. И потом, тетя Тома не способна на это.

Ефросинья неопределенно хмыкнула. Она не была идеалисткой, как любимая подруга.

— Что же будем делать?— спросила Нюра.— Видно, тетку не переспоришь. Поступлю в университет...

Они завернули на Моховую и несколько минут шли молча, размышляя о своей незадавшейся судьбе. Вдруг Нюра остановилась.

— Смотри! Геологоразведочный институт. Давай поступим! Тоже интересная профессия. Уеду в горы, свалюсь в пропасть. То-то тетка поплачет, что наступила на горло моей песне...

— Я в геологоразведочный не сдам,— уныло сказала Ефросинья.— Я химию не люблю. И математику тоже не люблю.

Когда девушки дошли до своей Молчановки, они твердо знали, что самые лучшие профессии — это профессии геолога и следователя. Так получилось, что одна из них стала геологом, другая — следователем.

Второй раз тетка наступила на горло Нюриной песне, когда племянница в конце первого курса сообщила, что выходит замуж.

— Замуж!— фыркнула тетка.— Не рановато?

— Я люблю его! Я, тетя Тома, больше жизни люблю его. Мы уже все решили: жить будем у нас. Купим новую мебель...

Тетка сняла пенсне, долго протирала кусочком замши стекла.

— Новую мебель,— сказала она задумчиво.— Ну что ж, приводи жениха, погляжу... Места у нас в доме хватит. Только вот зачем новую мебель? Чем плоха эта?

Огромная теткина квартира была обставлена старинной мебелью из красного дерева, мореного дуба, карельской березы, доставшейся ей от отца и деда.

— Ой, тетя Тома! — всплеснула руками Нюра.— Это же такая рухлядь!

— Да? Это он сказал?

Простодушная Нюра призналась, что в отсутствие тетки приводила жениха в гости, квартиру он одобрил, а про мебель сказал, что это рухлядь.

Тогда, в начале шестидесятых годов, в моде были низкие полированные гарнитуры, всякие софы, диваны, и теткина громоздкая мебель действительно не смотрелась. Но тетке не понравился практицизм жениха, а после знакомства не понравился и сам жених.

— Вот что, девочка,— сказала она племяннице после того, как жених, прощаясь, поцеловал тетке руку и вышел из квартиры.— Если уж он тебе дороже жизни, выходи за него замуж. Только жить будем врозь. Я сниму вам квартиру, а там посмотрим.

Нюре было все равно: снимать квартиру или жить в шалаше. Она была влюблена. Но жениху оказалось не все равно. Он был старше Нюры на десять лет, разведен, платил алименты и кое-что понимал в жизни. Ему хотелось устроиться основательно, по-хозяйски, надолго, тем более что Нюра ему действительно нравилась. Он попытался объясниться с теткой по телефону, намекнув, что в случае чего они с Нюрой через суд могут поделить квартиру. Тетка сказала: «Пожалуйста»,— не поленилась, сходила в домоуправление и принесла Нюре выписку из лицевого счета.

— Это еще зачем?— удивилась Нюра.

— Юра намеревается подать в суд на раздел квартиры. Я не возражаю.

Нюра после этого с женихом порвала, но что-то в ней тогда надломилось. Не то чтобы она сделалась мужененавистницей, просто стала слишком подозрительно относиться к парням, которые пытались за ней ухаживать.

Главной страстью в ее жизни стала геология. Еще в институтские годы, на практике, экспедиция, в которой она работала, открыла крупное месторождение. Через три года после окончания института она защитила диссертацию...

Примерно каждые полгода Нюра проводила в экспедициях. Жила в палатках, таскала тяжеленные рюкзаки, чернела от ветров и зноя.

Зато, возвращаясь домой, Нюра наверстывала упущенное. Покупала сверхмодные тряпки, пропадала в парикмахерских, бегала по театрам, выставкам, гостям. Этот ее светский образ жизни почему-то чрезвычайно нравился тетке.

— Я иногда жалею, что ты не пошла на сцену,— говорила она.— Ты элегантна, а у тебя такая грубая профессия.

— Что ты, тетя Тома! Наоборот, я так благодарна тебе, что ты подговорила Аллу Константиновну.

— Я не подговаривала,— оскорблялась тетка.— У тебя в самом деле не было ни капли таланта...

...—Такой я себе и представлял вас, Ефросинья Викентьевна,— повторил Костя.

— Снимайте наконец пальто. Аркадий, помоги,— скомандовала Ефросинья Викентьевна.— А ты, Нюра, что копаешься?

Нюра подошла к зеркалу и каким-то неуверенным жестом сняла свою лохматую шляпу. Вместо обычной густой пепельной копны на голове ее торчали черные, с вороньим отливом короткие прядки.

Ефросинья Викентьевна с опаской поглядела на нее.

— Слушай, Нюра,— спросила она,— неужели любовь напрочь лишает человека разума?

Она перевела взгляд на Костю и обнаружила, что Нюрина прическа тоже его озадачила.

— Да нет, ничего,— неуверенно пробормотал он.— А что, Нюра, это теперь всегда так будет?

— Не знаю,— загадочно ответила Нюра, разглаживая жалкую челочку,— у Нади было плохое настроение, она что-то напутала с краской и не уверена, что это удастся отмыть.— Она прыснула.

— Не горюй, Нюра,— сказал Костя.— Отрастут. Дело в том, Ефросинья Викентьевна, что мы в тайге попали в довольно скверную ситуацию, и Нюра там здорово поседела.

Ефросинья Викентьевна озадаченно посмотрела на Нюру.

— Поседела? Отчего?

— Длинная история! — Нюра улыбнулась.— Потом расскажу. Вика, где гитара? Я новую песню привезла.

— Не успела переступить порог — и за гитару! У костров не напелась?

— Гитару пришлось бросить.

— Вот как?— решительно не нравилась сегодня Ефросинье Викентьевне ее любимая подруга.— Хватит, идите все в комнату. А я буду ужин готовить. Можете включить телевизор. Вы ведь в тайге совсем одичали.

— Это точно,— кивнула Нюра.— Но телевизор пусть Костя смотрит. Он человек серый, ему полезно просвещаться. А я девушка интеллигентная, умственная, мне больше нравится селедку чистить.

— Селедки нет,— сказала Ефросинья Викентьевна.— Но ты не расстраивайся. Для интеллигентной девушки дело найдется. Еще со вчерашнего дня целая мойка грязной посуды.

Они вошли в кухню. Нюра сняла с крючка фартук.

— Ничего себе посудки поднакопили... Меня ждали?

Она отвернула кран.

— У Аркадия сегодня консультация с профессором, готовился.

— А ты, конечно, его обязанность выполнять не стала.

— Не стала. Ты совершенно права. У меня своих хватает.

Ефросинья Викентьевна любила свой дом и каждую свободную минуту уделяла его благоустройству. В кухне не было ничего лишнего, но зато было все необходимое. И это необходимое было разложено, расставлено, развешено с максимальной целесообразностью.

Быстро и ловко Ефросинья Викентьевна почистила картошку, залила ее горячей водой и поставила кастрюльку на сверкавшую чистотой плиту. Так же быстро и ловко она порезала колбасу, сыр, наложила из кастрюли в миску квашеной капусты.

— Как тебе понравился Костя?— спросила Нюра.

— Понравился. Пожалуй, я понимаю, отчего ты так торопливо выскочила замуж. Хотя, вообще-то не ожидала я этого от тебя.

— Я сама от себя не ожидала.

— Вы, конечно, не расписались еще?

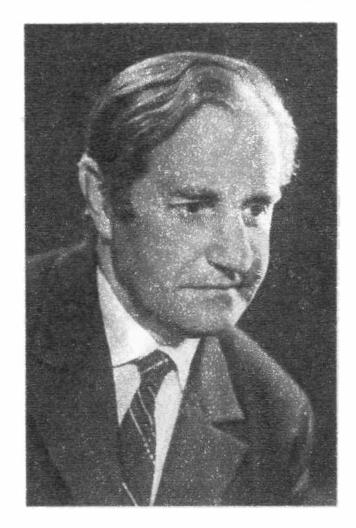
— Формалистка ты, Ефросинья Викентьевна. В тайге загсов пока не открывают...

Перебрасываясь с Нюрой этими короткими фразами, Ефросинья Викентьевна думала о том, что же приключилось на этот раз с ее любимой подругой в тайге, отчего она поседела и почему бросила гитару, с которой никогда не расставалась. Но вопросов она не задавала, потому что понимала, что рассказ будет долгий и начинать его мимоходом на кухне не следует. Она пожаловалась Нюре на затянувшееся дело по мясокомбинату, рассказала, как чуть было не опростоволосилась с Усиковым.

Тем временем в кухню пришел Костя, молча примостился в углу на круглой красной табуретке. Нюра изредка оглядывалась на него, и тогда они улыбались друг другу. И Ефросинья Викентьевна немножко позавидовала им, потому что они с Аркадием уже давно так не улыбались друг другу. «Может быть, мы уже не любим друг друга,— подумала Ефросинья Викентьевна,— или нас засосал быт?»

Она пошла в комнату, вынула из шкафа туго накрахмаленную скатерть, стала стелить ее на стол. Из полуоткрытой двери спальни доносился голос Аркадия.

Ефросинья Викентьевна, улыбаясь, осторожно прикрыла дверь в спальню и пошла на кухню.

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И. И. АКУЛОВА

НЕОБХОДИМЫЕ ЛЮДИ

Иван Акулов родился и вырос в удивительном, неожиданном среди сурового уральского горнозаводского края уголке — в селе Урусове на реке Туре, возле старого ярмарочного центра хлеборобных земель Ирбита. Могучая тайга, бескрайние пахотные земли, не знающие тесноты сибирские просторы с детства окружали будущего писателя. В романе «Касьян Остудный» (1972—1978) Иван Акулов, воскрешая в памяти впечатления детства, с редкой пластичностью и богатством воссоздал панораму жизни тружеников этой хлебной житницы мастеровитого батюшки-Урала. Исходящие к осени смолой кедровники, колосящиеся в июле нивы, выпечки хлебов и ритуал обеда в крестьянских семьях — все это и еще многое ожило и в неспешном, эпическом повествовании «Касьяна Остудного», и в другом романе писателя — «Крещение» (1975), удостоенном Государственной премии РСФСР.

Но самое главное — ожили, запомнились читателю герои, которых хочется, употребляя название рассказа И. Акулова «Необходимые люди», назвать именно этим словом. Необходимые, надежные и в труде и в ратном поединке, устойчивые в своей верности Родине, навыкам труженической жизни, мужеству люди. Не случайно само село в романе «Касьян Остудный» автор назвал Устоино, а один из главных героев «Крещения», боец Камской дивизии, уралец, носит фамилию Охватов... Этот герой, сражающийся под Мценском и Сухиничами в октябре—ноябре 1941 года, защищающий подступы к Воронежу летом 1942 года,— сам И. Акулов прошел в годы войны путь солдата и командира от Мценска до Кенигсберга,— наделен редкой стойкостью, находчивостью, у него поистине «охватистый» русский ум. Не враз отрешился он (и талантливый прозаик прекрасно показал это в «Крещении», рисуя панораму боев суровой осени 1941 года) от прежней оседлой мирной жизни. Но когда этот перелом свершился, «в душу его пришло то же оседлое спокойствие, отвага и терпение — это и можно назвать состоянием высокого духа»...

В романе «В вечном долгу» (1968), посвященном послевоенной деревне, рассказах «Нечаянное счастье», «Пастухи», «Пчелы», наконец, в многоплановой эпопее «Касьян Остудный» о деревне в канун коллективизации писатель снова и снова знакомит читателя с героями, выражающими народный идеал счастья.

Есть люди перекати-поле, звонкие и пустые, как бубенчики, полагающие, что венец жизни — праздное безделье, рваческие «наскоки». К такой психологии — писатель называет этот тип людей «неработь» — не приложить ничего: ни новую технику, ни культуру. Но есть характеры вроде трех плотников в «Необходимых людях», крестьян вроде Аркадия Оглоблина в «Касьяне Остудном», которые полны чувства рабочего достоинства, дорожат качеством труда, самим званием своим работника на земле.

Ивану Акулову дороги в родном народе самые драгоценные нравственные качества — мужество патриотов, крестьянский дар сеятелей и хранителей родной пашни, устойчивость в любой буре, и он стремится оградить народный характер от размывания, «выщелачивания» эгоизмом, соблазнами тунеядства, оградить от всего, что способно сделать этот характер зыбким, неустойчивым, равнодушным к общему делу. И книги, созданные Иваном Акуловым,— залог новых успехов писателя.

В. ЧАЛМАЕВ

— Картошка готова,— объявила Нюра.

— Тащите все на стол,— приказала Ефросинья Викентьевна.— Вика никак спать не хочет. Говорит, что перевозбужден.

Она принесла из холодильника бутылку шампанского, и Нюра довольным взглядом окинула стол.

— Шампанское — это хорошо! Вообще все красивенько устроила. Смотри, смотри, Костя, любуйся! Только у Ефросиньи это увидишь. Я-то хозяйка никудышная!

— Ты про рыбу забыла?— спросил Костя.

— Ой,— вскрикнула Нюра,— вот дуреха!— Она убежала в переднюю, принесла оттуда довольно объемистый пакет, развернула его и вывалила содержимое на стол. Тут была рыба вяленая, соленая, копченая.

— Ну, что ты за бестолочь,— рассердилась Ефросинья Викентьевна.— Все нарушила!

— Ерунда! Так даже красивее.

— Собирай все и неси на кухню. Я сейчас порежу...

Юный Викентий убоялся наконец серого волчка и уснул, Аркадий, щурясь, вышел из темной комнаты, и все сели за стол.

— Ну теперь рассказывай, что случилось,— сказала Ефросинья Викентьевна, когда выпили первую рюмку и утолили первый голод.

Нюра вытащила из пачки сигарету, закурила. Помолчала.

— Нет, Ефросинья. Так сейчас хорошо мне, что ничего не хочется вспоминать...

— Как хочешь,— ответила Ефросинья Викентьевна, нахмурившись. Больше всех людей на свете любила она свою подругу Нюру. (Родители, сын, муж не в счет, к ним любовь иная.) Больше всех она ее любила и беды ее переживала горше, чем свои. С того первого дня знакомства всегда чувствовала себя Ефросинья Викентьевна старше, мудрее, опытнее и поэтому считала себя за Нюру в ответе.

— А за что этому грузчику давали взятки?— спросил вдруг Костя.

— Какие взятки?— не сразу поняла Ефросинья Викентьевна.— Ах, это вы об Усикове?

Ефросинья Викентьевна стала объяснять. Но Костя оказался бестолков и никак не мог понять, какая разница торговой организации, хорошую ей дадут тушу или похуже.

— Очень большая,— сказала Ефросинья Викентьевна.— Если туша упитанная, из нее можно вырезок наделать, антрекотов — это же дороже стоит, а отчитаться так, как будто продали все, как мясо, по два рубля за килограмм.

— Как все это сложно,— заметил Костя,— я бы ни за что не додумался.

— И слава богу!— Аркадий засмеялся.— Пока я не женился на несравненной Ефросинье Викентьевне, я тоже идеалистически смотрел на жизнь. Но так как я неисправимый оптимист, то я склонен рассматривать дачу денег Усикову скорее как чаевые, нежели взятку.

— Сразу чувствуется, что ты общался сегодня с профессором Сергейчуком — та же витиеватость речи,— заметила Ефросинья Викентьевна.

— Дался тебе мой Сергейчук! Старик великолепен! Когда он начинает говорить, я чувствую, как из меня вытекают все мои с трудом скопленные мыслишки.— Он снова рассмеялся.

Ефросинья Викентьевна ласково улыбнулась ему через стол, Аркадий в ответ подмигнул ей. Ефросинья Викентьевна огорчилась, она вспомнила, как улыбались друг другу на кухне Нюра с Костей.

— Чаевые из собственного кармана платят,— сердито сказала Ефросинья Викентьевна.

— И они из собственного,— возразил Костя.

— А в собственном — деньги ворованные! Если бы грузчики не выбирали туши, им и жульничать было б не с чем.

Нюра в спор не вступала. Она знала, что с Ефросиньей спорить бесполезно.

— А почему вы уверены, что этот ваш Усиков брал деньги?— спросил Костя.

— Может, правда, не брал, ты ведь, Ефросинья Викентьевна, женщина суровая, во всем плохое ищешь,— сказал Аркадий.

— За руку его, точно, не поймали. Но другие грузчики говорят, что брал. Вот у тебя, Нюра, сколько денег на книжке лежит?— Ефросинья Викентьевна сердилась на мужа.

— У меня?— удивилась Нюра.— У меня и книжки-то нет. Ты же знаешь, что я мотовка.

— А у тети Томы?

— Тетка тоже мотовка. Но у нее деньги есть. Три с половиной тысячи.

— Миллионеры! А у Усикова двенадцать тысяч.

Костя присвистнул:

— Капитал! И как он объясняет это?

— Говорит, наследство!

— А почему ты не веришь в наследство? Ведь если б тетя Тома не была мотовкой, у нее, знаешь, сколько бы денег было?

— Зачем он тогда их прятал?

— А может, от жены скрывал,— сказал Аркадий.

— От жены?— озадаченно спросила Ефросинья Викентьевна. Ее неприятно поразило, что такая мысль пришла в голову не кому-нибудь, а ее мужу Аркадию. Работа научила ее мыслить не только логически, но и ассоциативно. Если человек ищет дурное в отношении мужа и жены, значит, у него есть какие-то на то причины. Какие причины у Аркадия? Почему он не улыбнулся ей сегодня за столом в ответ на ее улыбку? И вообще, почему он последнее время так беспричинно весел?

Нюра начала собираться домой.

— Приходи завтра,— сказала она,— а сейчас у меня глаза слипаются. Ночь-то не спали.

Гости ушли, и Аркадий стал убирать со стола. Все домашние обязанности между супругами Кузьмичевыми были поделены с первого дня их совместной жизни. Решил так, естественно, не Аркадий, а его молодая, рационалистически мыслящая жена Ефросинья. Она готовила, он мыл посуду. Она стирала, он носил белье в прачечную. Продукты, покупка которых не требовала особого ума, такие, как хлеб, молоко, масло, крупа, приобретал Аркадий. Продукты, покупая которые следует подумать, как их применить, покупала Ефросинья Викентьевна. Уборкой квартиры занимался Аркадий.

Когда родился Вика, Ефросинья перераспределила обязанности. Она возила сына в сад, обстирывала его, кормила. А так как она часто задерживалась на работе, то муж забирал мальчика, играл с ним, укладывал спать. У Аркадия был покладистый характер, он любил свою жену Ефросинью Викентьевну и не роптал, что по сравнению с другими современными мужчинами дома он загружен много больше.

Пока Аркадий мыл посуду, Ефросинья Викентьевна разобрала постели, приняла душ, закрутила волосы на бигуди. Обычно в такие минуты она думала о завтрашнем дне, о том, как он сложится, и строила планы предстоящих допросов. Работу она себе выбрала нелегкую, скорее мужскую, поэтому в то время, когда другие женщины думали, какое они завтра наденут платье или каким обедом угостят любимого муженька, Ефросинья Викентьевна думала о преступниках, которых ей надо было изобличить.

Но сегодня мысли Ефросиньи Викентьевны текли совсем в другом направлении. Она не думала о коварном Усикове, о предстоящем завтра довольно неприятном разговоре с начальством. Как ни странно, она думала о своем муже Аркадии, который мыл на кухне грязную посуду и при этом распевал колыбельную песню.

Ефросинья Викентьевна вошла в спальню, легла в постель, погасила свет. Обычно она засыпала, едва положив голову на подушку. Но сегодня сон не шел к ней.

Аркадий перестал петь, направился в ванную. Зажурчала вода, Аркадий снова запел. Потом все смолкло.

Аркадий вошел в комнату, подошел к постели, лег. Вздохнул.

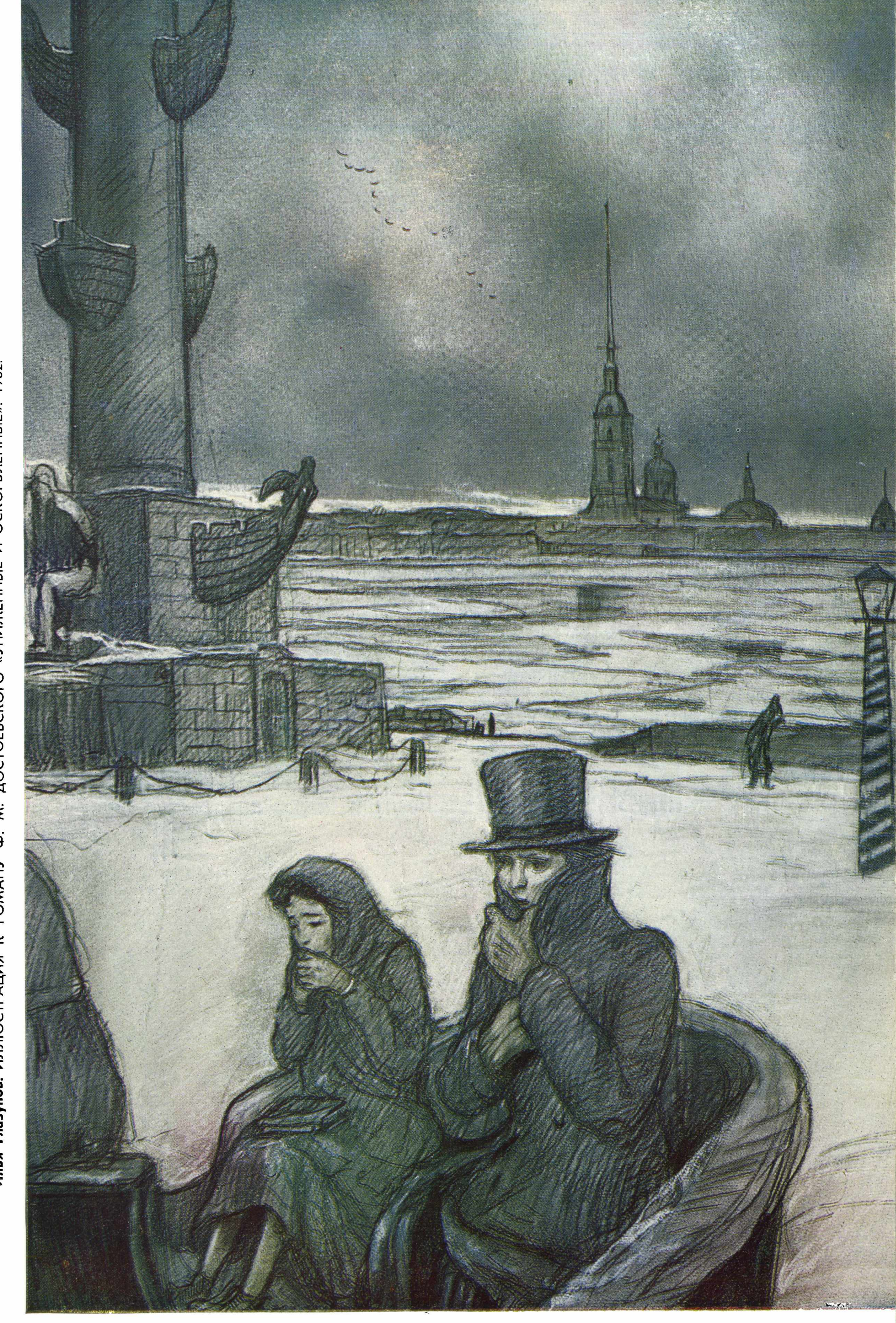
— Аркадий,— спросила Ефросинья Викентьевна.— Как ты думаешь, ты любишь меня?

Аркадий усмехнулся в темноте.

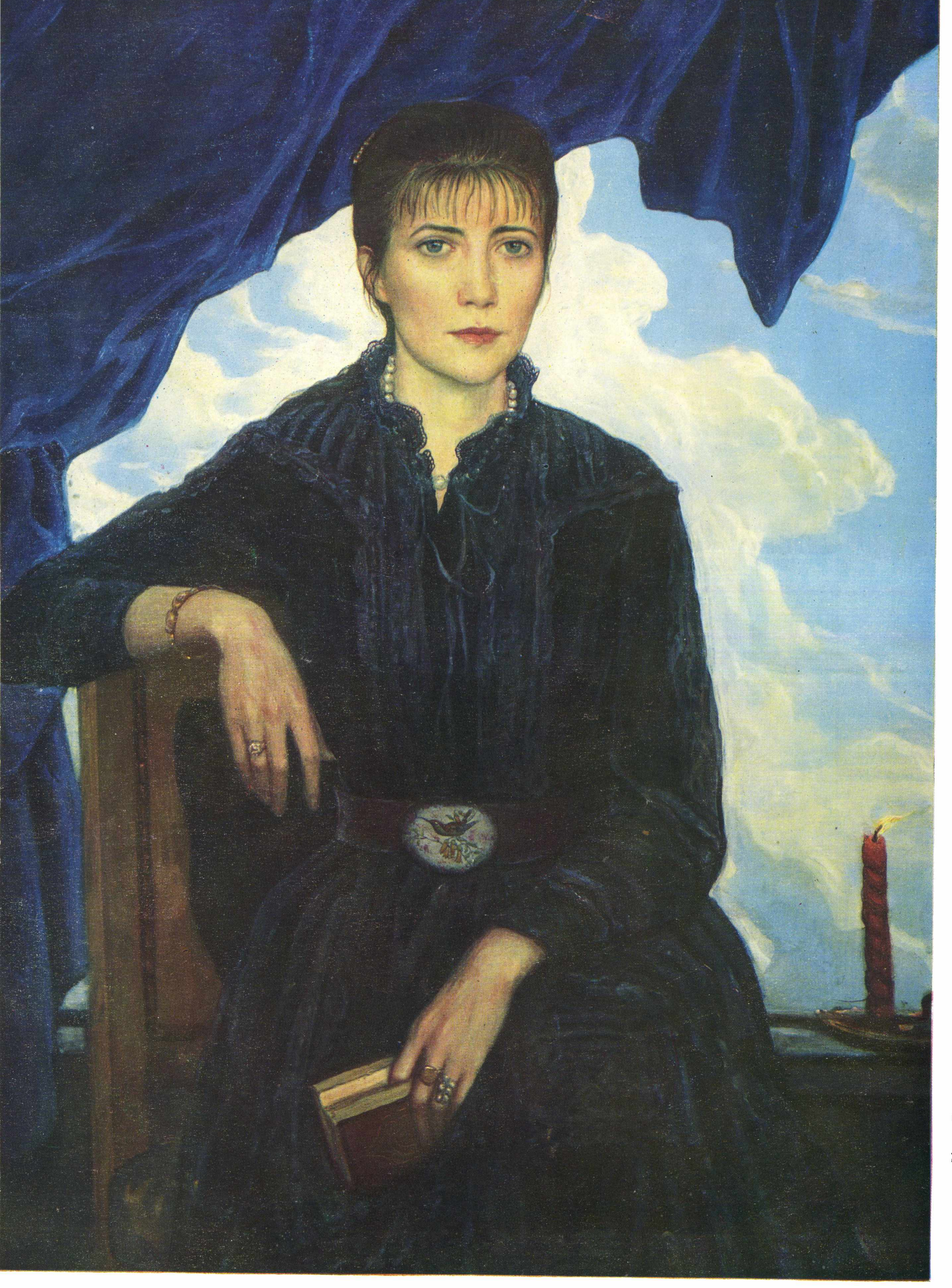
— Тебе не кажется, Ефросинья свет Викентьевна, что Нюркино замужество как-то странно подействовало на тебя? А? Спи ты, дуреха моя!

«Уклончивый ответ»,— подумала Ефросинья Викентьевна, засыпая.

Окончание следует.

Илья Глазунов. ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РОМАНУ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ». 1982.

Илья Глазунов. НИНА. 1981.

Не приходя в сознание

Виктор ПРОНИН

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

НАЕЗД

Представьте себе небольшой подмосковный городок, открытую платформу электрички, круглые часы с тяжелыми стрелками, железнодорожный переезд, полосатый шлагбаум с красными мигающими лампочками. В сотне метров — шоссе. На обочине стоят высокие сосны, их верхушки освещены закатным солнцем. Пахнет оттаявшей землей, дымом весенних костров, из лесу доносится запах подсыхающей хвои.

Рабочий день кончился, дорога опустела. Жители городка, истосковавшиеся по яркому небу, жаркому солнцу, в предчувствии близкого лета прогуливаются по улочкам, сгребают в костры обнажившийся после снега мусор, укрепляют флаги к завтрашнему Первомаю. На станции, вокруг платформы, предпраздничная чистота. Все подметено, вычищено, собраны скопившиеся за зиму консервные банки, битые бутылки, окурки, оберточная бумага.

Часы показывают ровно восемь. Платформа залита солнцем — дни уже длинные, вечера светлые. Вот-вот должна подойти электричка. Ожидающие шелестят газетами, разглядывают друг друга, смотрят в просвет между деревьями, где через минуту-вторую покажется зеленый квадрат первого вагона. Все потихоньку наслаждаются теплом, солнцем, приятными надеждами на лето — в последних известиях уже сообщают о погоде на побережьях Крыма и Кавказа. Из-за высоких стволов сосен слышится гул электрички. Опытные пассажиры почувствовали ее приближение по перезвону, дребезжанию проводов над рельсами.

Такие вот моменты бывают нечасто и потому запоминаются, хотя вроде бы и не происходит ничего необычного. Мелкие брызги солнца из-за верхушек сосен, запах дыма, ощущение приближающегося праздника. Много ли надо... Через минуту остановится у платформы электричка, распахнутся десятки ее дверей, и ты войдешь, выберешь место у окна и, ощущая на лице солнечные лучи, понесешься мимо леса, оттаявших полей, понесешься к своему дому, к близким людям, к празднику. В будущее. А впрочем, мы только и делаем, что несемся в будущее, с грустью сознавая, что и в прошлом нам было не так уж плохо...

Электричка подойдет через минуту. Пока есть время, бросим взгляд на дорогу.

По самому краю обочины, по влажной еще земле, медленно идет семейство. Впереди отец катит коляску с малышом, ему около двух с половиной лет, чуть поотстав, идет мать с сыном постарше — этому около пяти. Они только вышли из лесу и еще не успели свернуть на узкую дорожку за кустарником. Все немного усталые, разморенные лесом, прогулкой, чистым воздухом. В руках у женщины детское ведерко с сосновыми шишками, малыш держит в руке красный воздушный шарик, для него завтрашний праздник уже наступил.

Вдоль шоссе тянется пологий, но широкий кювет. Перекатывать через него коляску неудобно да и не к чему: машин на дороге нет, обочина широкая, просторная.

До перехода на пешеходную дорожку остается пройти около десяти метров. Но семейству не суждено пройти эти метры. Не успеют.

Подходит к платформе поезд. Станция незначительная, остановки короткие, все торопятся проскочить в вагоны, пока двери не захлопнулись. Время вечернее, следующая электричка будет минут через двадцать. Можно, конечно, и на платформе в такую погоду посидеть, но как-то привыкли мы бежать, даже когда не торопимся. Бежим к замешкавшемуся троллейбусу, по ступенькам метро, задыхаясь, вскакиваем в автобус, даже зная прекрасно, что впереди, кроме долгого вечера в четырех стенах, нас ничего не ждет.

И так мало остается дней, которые бы хотелось повторить, прожить заново. Нам некогда, мы пробегаем мимо них. А когда нет времени, нечего и вспомнить. В памяти остаются дни, прожитые неторопливо, замедленно, когда мы видели форму облака, выражение лица попутчика, слышали его слова, да и в самого себя заглянуть оставалось время...

Электричка еще стоит. Из-за поворота дороги показывается машина. Светлые «Жигули». Скорость — за семьдесят километров в час. Идет, как положено, по правой стороне. Осадка значительная, машина загружена. Родителям с детишками остается пройти пять метров, чтобы свернуть на дорожку. Машина делает правый поворот. Приехавшие на электричке люди невольно останавливаются. Большая скорость «Жигулей», надсадный рев мотора, даже шуршание шин об асфальт хорошо слышны в тишине. «Жигули» все круче, круче берут вправо, но набранная скорость не позволяет вписаться в поворот, и машину прижимает к осевой линии. Вот она пересекает ее, но не может удержаться на дороге, ее отбрасывает к левому краю. Машина несется прямо на отца, который спокойно катит коляску, не видя, что происходит за его спиной. До поворота ему остается метра три, не больше.

Первой обернулась мать. Что-то заставило ее обернуться. Она едва успела оттолкнуть сына в кювет, в кустарник.

— Коля! Машина! — крикнула она, но оставшихся секунд было недостаточно. Николай обернулся, дернул коляску на себя, сам отшатнулся. И все-таки машина зацепила коляску. Она опрокинулась в кювет, малыш выпал. Когда подбежавшая мать подняла сына на руки, у того из носа и ушей текла кровь. Его еще не осматривали врачи, не фотографировали в рентгеновских лучах, еще не было вскрытия, а оно будет, но уже можно сказать: травма оказалась смертельной.

Со стороны платформы, от стоянки такси, из лесу торопятся люди. Мать пытается привести сына в себя или хотя бы увидеть в нем признаки жизни.

— Он жив... Кажется, жив... Конечно, он жив...— повторяет она, убеждая не то себя, не то какие-то высшие силы.

Отец бросается к машине, распахивает переднюю дверцу и пытается выволочь водителя наружу. Но толстый коротышка, уцепившись в руль, упершись ногами в рычаги машины, всеми силами старается остаться в ней, понимая, что снаружи его ничто хорошее не ожидает. А вокруг уже толпа — охающая, сочувствующая, причитающая толпа, которая ничем помочь не может. Разве что добрым советом, но никакой совет не спасет мальчонку.

— Коля! Он живой! — кричит мать, поднимая сынишку. Николай, бросив водителя, подбегает к ней.

И в тот момент, когда общее внимание переключилось на малыша, неожиданно распахиваются четыре дверцы машины, и из нее в обе стороны начинают выпрыгивать мужчины и женщины. Всем показалось, что их было больше, чем могли вместить «Жигули». Что, вы думаете, они делают? Пытаются вытащить машину из кювета? Нет. Помогают матери спасти ребенка? Тоже нет. Хотя бы соболезнуют, сочувствуют? Ничуть не бывало. Разбегаются. Все, включая коротконогого водителя. С топотом, ломая сучья кустарника,

несутся к лесу. Он рядом, скрыться можно без труда, тем более что преследовать беглецов никто не собирался, не до того было. Женщинам, вернее, девушкам, которые выскочили с левой стороны машины, пришлось пробежать мимо матери с окровавленным ребенком, проявить сноровку, чтобы, не дай бог, не столкнуться, не испачкаться. Удалось. Прошмыгнули.

Прошло совсем немного времени, несколько минут. Часы на платформе показывали пять минут девятого. Электричка едва успела отойти, еще виден последний вагон, слышен перезвон проводов, пахнет, как и пять минут назад, хвоей, дымком и предстоящим летом, но для некоторых мир изменился настолько, что уже никогда не будет для них таким беззаботным, счастливым, каким был пять минут назад.

Капает на землю кровь, тяжело топают убегающие люди. И когда они остановились и взглянули друг другу в глаза, между ними были уже совершенно иные отношения. Если раньше их связывали симпатия, привязанность, взаимная заинтересованность, то теперь — только сговор. От сговора им уже никуда не деться. Вот увидите.

СГОВОР

Эта история явно детективная. Но договоримся сразу — никаких тайн не будет. В конце концов, главное все-таки не в том, чтобы продержать читателя в неведении до последней страницы, а потом показать пальцем на неприметного человека и сказать: вот он, преступник.

Конечно, это увлекательно, при таком повествовании каждый сам может вообразить себя следователем. Но не менее интересно, зная преступника с самого начала, проследить за его поступками, посмотреть, к чему он стремится, какими путями надеется уйти от наказания. Тем более что в данном происшествии оказались замешанными люди, которых хотя и нельзя заподозрить в преступной изощренности, но зато их поведение любопытно как некий предел самой очевидной и безнадежной лжи во спасение. Да и спасали-то понятия скорее придуманные, нежели присущие им на самом деле — честь и достоинство. Надо же, потребовалось это печальное событие, чтобы люди вспомнили о существовании понятий, до того вызывавших у них лишь скуку и раздражение. Бывает.

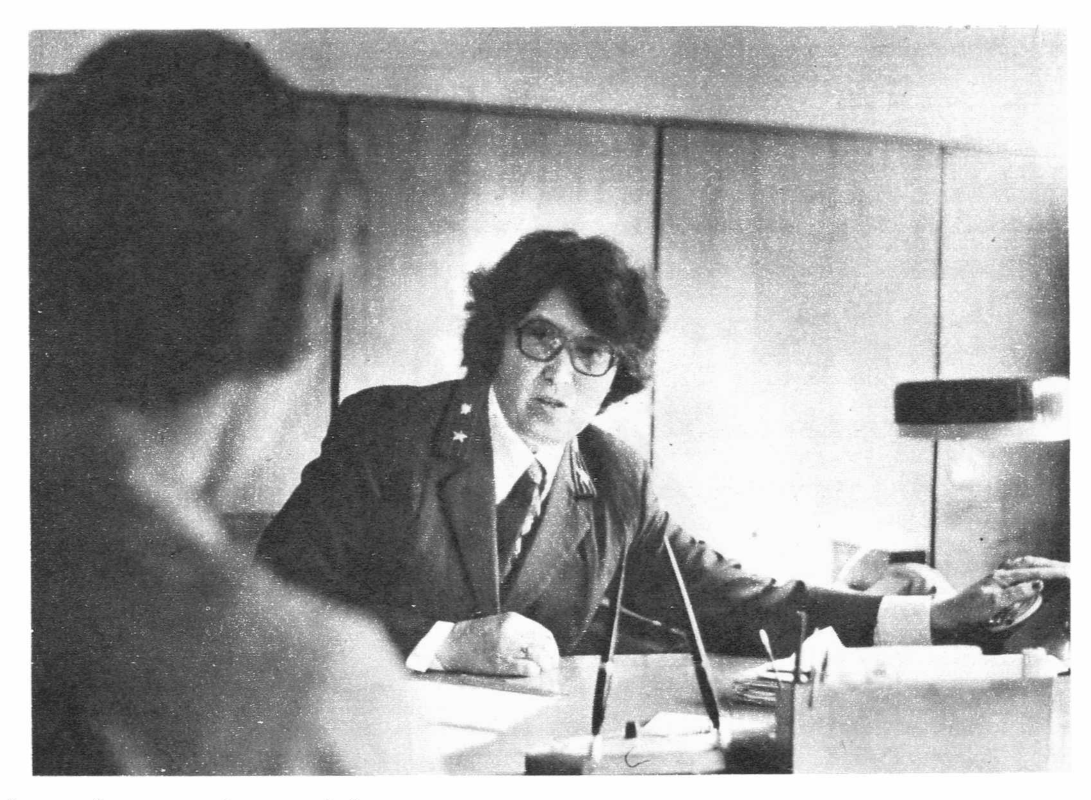
Вот они бегут по лесу. Бегут молча, опасаясь подать голос, чтобы не услышала погоня. А погони-то и нет вовсе. Чувства нахлынули самые разные. И ужас перед случившимся,— тут кто угодно содрогнется. И надежда, что все обойдется, что есть прямой виновник, ему и отвечать. И радость удавшегося побега — надо же, скрылись, никто в спину не дышит. Все-таки случилось нечто из ряда вон — привычное, хотя и безбедное существование слегка поднадоело. О, девушкам теперь будет о чем поговорить, будет что вспомнить, как же, такое приключение пережили! («Помните, как мы по лесу бежали! Кошмар! Думаю — бедные мои туфли! Прощайте, родные! А им хоть бы хны!»)

У мужчин чувства были более просты, практичны — влипли. Так некстати, неожиданно, по-дурацки влипли на ровном месте. И Хлыстов и Батихин, обогнав постанывающих девиц, молча кляли себя на чем свет стоит за то, что соблазнились этой поездкой, этими красотками, машиной, выпивкой. Но тоже не могли не ощутить облегчения — есть главный и единственный виновник. Дядьков. Ему и отвечать. Ему и гореть синим пламенем. И черт с ним. Чем сможем — поможем, а там пусть сам вертится.

Упершись спинами в теплые стволы сосен, Хлыстов и Батихин поджидали девушек. Те выглядели обессилевшими и подурневшими. От роскошных причесок не осталось и следа. Запутавшиеся в волосах иглы, сучки, перепачканные туфли, размазанная косметика... Хороши!

— Говорила же Борьке — не садись пьяный за руль! — повторяла Татьяна.— Ведь говорила же! Обойдется, обойдется... Обошлось!

В глазах у этой длинноволосой девицы можно было заметить не только испуг, растерянность, но и восторг пережитого приключения.

Тамара Васильевна Глазова. Сейчас она — старший помощник прокурора.

Фото Э. Эттингера

— Заткнись,— сказал подошедший Дядьков. Он был толст, хотя и молод — немногим более тридцати. Но укоренившиеся в нем повелительные нотки как бы скрашивали полноту, во всяком случае, заставляли забыть о ней.— Ты поняла? Вообще заткнись. Навсегда. С нами ничего не произошло. Ясно? Ничего.

— Что будем делать? — спросил Хлыстов.

— Погоди, дай отдышаться... Перестань реветь! — прикрикнул Дядьков на Аллу.— Ничего не случилось, поняла?! — Он сел, откинув голову и упершись ладонями в землю.— Так... Саша,— повернулся он к Батихину.— Машина осталась на месте. И ключ зажигания... Не успел я его выхватить. Этот тип так навалился... Думал, если вытащит из машины — синяками не отделаюсь.

— Видели,— нервно усмехнулся Батихин.

— Так вот, все смотрели на водителя, на малыша, на его отца... Тебя никто не заметил. Иди к машине. Понял? Садись за руль, заводи мотор, выезжай и сматывайся.

— Куда?

— К себе домой. Там и встретимся.

— Не получится.

— Что ты предлагаешь? Отвечать-то мне. Мне и решать. Ты чем рискуешь? Ну, не дадут тебе увести машину, ну и что? Валяй. А теперь вы,— Дядьков повернулся к хныкающим девицам,— запомните: вы нас не знаете. В машине вас не было. Никакого происшествия вы не видели. Гуляли по лесу, дышали воздухом...

— Ничего себе дышали!

— Запомните, повторяю еще раз. Меня вы не знаете и никогда не видели. Что касается машины — ее угнали. Да, кто-то угнал машину, совершил наезд и скрылся. Вы об этом узнали от соседей, подружек, от кого угодно. Остальное — моя забота. Обойдется. Этот вечерок мы еще повторим. Все. Катитесь отсюда! — Дядьков, не поднимаясь с земли, из-под светлых бровей посмотрел на девушек.

— Смываться надо,— сказал Хлыстов, когда они остались одни.— От тебя несет за три версты.

— Тоже верно. Если усекут, что я выпил... Тогда вообще — сливай воду. Да пока разберутся что к чему, пройдет несколько дней. Тогда и объявлюсь. Мотай к моим домой, предупреди. Скажи, что я поехал к родне. К какой родне — неизвестно. На случай, если кто спросит.— Дядьков поднялся, отряхнул руки от листьев, елочных иголок, одернул одежду.— Хлопотно будет. Ох, хлопотно. Но ничего, переморгаем. Оботремся. Не впервой. Да и вины-то нашей здесь нету.

— Это в каком смысле? — спросил Хлыстов.

— Подберем смысл. Главное — чтоб вины не было. Если еще Батихин машину угонит... Эх! — крякнул Дядьков.— Если бы ему удалось!

Сговор состоялся. И сразу сместились многие понятия. Теперь его участники полагали за честь держаться уговора, всячески выгораживать друг друга, поскольку оправдание одного снимало вину с остальных. И они не жалели усилий, чтобы оправдать Дядькова. Но если еще можно было говорить об их невиновности сразу после наезда, то с каждой новой ложью они словно брали на себя часть вины Дядькова.

СВИДЕТЕЛИ

Как всегда в подобных случаях, среди общей растерянности и беспомощности находится человек, который почему-то все знает, все помнит и, не задумываясь, берет на себя руководство. Здесь таким человеком оказалась женщина весьма серьезного возраста — под шестьдесят, как потом выяснилось. Ее звали Вера Павловна Воробьева. Она шла позади Железновых и видела все от начала до конца. Причем не только видела, но прекрасно запомнила самые, казалось бы, незначительные детали происшествия.

— Что вы стоите! — крикнула она отцу.— Недалеко остановка такси. Бегите немедленно туда, хватайте машину! Нужно срочно везти ребенка в больницу. Здесь вы ему ничем не поможете. Без вас управимся.

Николай бросился к стоянке такси у железнодорожной платформы.

— Не держите ребенка горизонтально,— сказала Вера Павловна матери.— Он может захлебнуться кровью. Поднимите ему головку. Вот так. И тихонько идите к поликлинике. Вон она, крыша, виднеется. Муж догонит вас на машине, все-таки будет быстрее.

Надежда Железнова не медля побежала по тропинке. В это время от стоянки уже отъезжала машина. Николай догнал их через несколько минут. Малыша осторожно внесли в такси.

— Подберите их вещи,— приказала Вера Павловна, и никто не осмелился возразить. Больше того, всем стало легче. Кто-то поднял лежащую в сторонке коляску, подобрали воздушный шарик — надо же, он остался невредимым. Женщина собрала даже шишки и сложила их в детское ведерко.

Простые и скорбные действия заставили собравшихся примолкнуть. Собирали и складывали в кучу все, что осталось от ребенка. И в тишине вдруг услышали, как тихо, словно таясь, воровски заработал мотор. Обернулись. В «Жигулях» сидел не очень трезвого вида парень и вертел руль, пытаясь выехать из кювета. Обычно в таких случаях людей что-то останавливает, не торопятся они вмешаться. В самом деле, если человек заводит мотор, значит, так и нужно, не наше дело задавать вопросы, решать, правильно ли он поступает, кто он такой, какова его цель.

Батихин раскачивал машину, то делая рывок вперед, то давая задний ход, стараясь выбраться из пологого, но довольно глубокого кювета. Он бы, наверное, уехал, если бы не решительность Воробьевой, которая и здесь совершенно твердо знала: этого допустить нельзя.

— Вы куда?! — закричала она.— Сейчас же вылезайте из машины! Вы кто такой? Хотите угнать машину?! Нельзя! Будет следствие! Важно, где она стоит, в каком положении рычаги управления! Вы же все испортите!

От такого напора Батихин слегка растерялся.

— Хочу помочь отвезти мальчика в больницу! — брякнул он первое, что пришло в голову.

— Вылезайте,— приказала Воробьева.— Ребенок уже в больнице.

Батихин захлопнул изнутри дверцу, поднял стекла и снова завел мотор, пытаясь выехать на дорогу. Там возмущенная толпа была ему не страшна.

— Окружайте машину! — крикнула Вера Павловна.— Не давайте ему выехать. Если он скроется, никто ничего не докажет.— Она легла на капот и заколотила кулаками по стеклу. Кто-то даже схватил коляску, чтобы разбить ветровое стекло и вытащить Батихина наружу. Но лучше всех поступил прибежавший от стоянки водитель такси. Увидев, что стекло на передней дверце осталось чуть приопущенным, он просунул руку внутрь и выдернул ключ зажигания. Мотор сразу заглох.

Через несколько минут подъехала милиция.

Подведем первые итоги. Павлик Железнов в больнице. Все меры врачей привести малыша в сознание безуспешны. Отцу, Николаю Железнову, стало плохо, ему тоже оказывают помощь. Свидетельница Вера Павловна Воробьева, оставив милиции свой адрес, понесла в больницу коляску и ведерко с шишками. Даже воздушный шарик прихватила. Батихин вместе с машиной доставлен в милицию. Дядьков в бегах. Три дня он будет ждать, пока алкогольные пары покинут его тело. И тогда трезвый, как стеклышко, явится на службу — в кабинет начальника автотранспортного предприятия. Расторопным человеком оказался Борис Иванович Дядьков. Правда, его наставления приятелям оказались слишком поспешными. Слепленная впопыхах версия лопнула после первых же допросов. Единственное, чего Дядьков добился, это задержал на несколько дней следствие.

Кто еще? Три девицы в нарядных платьях и туфельках на высоких каблучках нехожеными зарослями пробираются к городку. Наталья Кузькина, Алла Ковалева, Татьяна Мельник. Они вышли на окраину, потопали ножками об асфальт, обивая с туфелек глину и прошлогоднюю листву. Дальше пошли так, будто вместе с грязью стряхнули случившиеся с ними неприятности. Пошли не торопясь, этаким легким, прогулочным шагом, показывая, как им легко и весело, как им хорошо друг с другом и какие прекрасные праздники ожидают их в ближайшем будущем. И насколько далеки они от каких бы то ни было дорожных происшествий. Проводили подругу Аллу на электричку, постояли на платформе, опасливо косясь в сторону опустевшего уже поворота дороги.

К тому времени стемнело. Машина стояла во дворе милиции. Батихин был задержан. Хлыстов отсыпался, Дядьков в надежном месте, вдали от посторонних глаз, пил кефир, принимал душ, дышал свежим воздухом — изгонял нежелательные алкогольные шлаки.

Павлик плакал, не приходя в сознание.

В пустом, пропахшем лекарствами больничном вестибюле прикорнули на клеенчатых стульях его родители — Николай и Надежда Железновы. Старшего сына отвели к соседям. Их квартира была пуста. Ничего, кроме беды, не было в ней этой ночью.

СЛЕДОВАТЕЛЬ

Такова была картина этого дорожно-транспортного происшествия, когда следователь Мытищинской районной прокуратуры Московской области Тамара Васильевна Глазова получила задание во всем разобраться. Надо сказать, что дело попало к ней не сразу, некоторое время происшествием занималась милиция. Но когда Павлик Железнов умер, дело передали прокуратуре.

Следствие по наездам не бывает слишком долгим, запутанным. Когда известна машина, нетрудно установить ее владельца, пассажиров. В подобных случаях задача следователя нередко сводится к установлению степени вины того или иного участника. Если же виновник пытается скрыться с места происшествия, это уже ЧП. В действие вступает служба госавтоинспекции, и побег вполне справедливо толкуется как усугубляющее вину обстоятельство.

Здесь же в самом начале все оказалось куда сложнее. Прежде всего, печальный итог — погиб человек. Разбежались пассажиры, скрылся даже водитель. Как бы там ни было, Тамара Васильевна с подобным столкнулась впервые. Бросить машину, бросить умирающего ребенка, спрятаться в лесу... Как говорится, ни в какие ворота! Казалось бы, какой смысл? Разве что в машине ехали преступники после ограбления кассы, квартиры и для них было важнее всего удрать. Но нет, в машине не нашли ничего, кроме выпивки. Количество снеди говорило о том, что намечалось удалое веселье на лоне природы.

Потом все стало на свои места, следователь нашел объяснение и странному поведению пассажиров светлых «Жигулей» да и самому факту наезда. Но Глазову до сих пор удивляет, как быстро пассажиры приняли единое решение и как долго за него держались.

— Были все основания предположить,— говорит Глазова,— что в машине тем апрельским вечером собрались люди примерно одного пошиба. Этим и объяснялось их единство в начале следствия. Очевидно, были случаи, которые подготовили их к тому, чтобы в тот вечер вести себя столь опытно. Впрочем, лучше сказать — столь цинично. Такое бывает нечасто. Хотя как подойти... Для Дядькова было бы гораздо разумнее, грамотнее со всех точек зрения остаться в машине. Во всяком случае, в обвинительном заключении поменьше было бы нарушенных статей уголовного кодекса.

Глазова придвигает толстый том уголовного дела, перебирает справки, показания, характеристики, протоколы очных ставок, допросов.

— Все-таки странная это работа — следователь,— улыбается Глазова.— Нам признаются в мыслях, желаниях, в которых человек, может быть, и перед самим собой не до конца откровенен. В подлости признаются. К врачам идут со своими болячками, к нам — со своими. Правда, здесь чаще оказываются не по своей воле. А в остальном очень похоже получается. И, наверно, поэтому в манере разговора и врача и следователя можно уловить одни и те же нотки — несколько жестковатые. На допросах, бывает, человек, говорит с бравадой, со смешком по отношению к себе, к положению, в котором оказался, раскаяние тоже не всегда искреннее и откровенное. А мы... мы вынуждены отвечать жестковатостью, иронией, пытаемся остроту разговора как-то смягчить шуткой, улыбкой. Ведь в душу человека лезем.

Да, видно, эта профессия не из тех, которой может заниматься каждый желающий. Слишком много условий ставит она, слишком много требований предъявляет. И суть не в готовности жертвовать свободными часами, дело не в усердии или некоей психологической цепкости, позволяющей чуть ли не силком вытягивать необходимые сведения из подозреваемого, свидетеля, соучастника. И логическое мышление, умение строить красивые версии тоже не стоит на первом месте среди качеств, необходимых хорошему следователю. Что же нужно прежде всего, что главное?

Глазова отвечает так:

— Наш объект — человек. И необходимо желание работать с ним. Мне приходилось видеть следователей, которые ненавидят свою работу, потому что им неинтересно встречаться с новыми людьми. Они их утомляют, раздражают... Таким надо менять профессию.

Да, нужна какая-то ненасытность в познавании человека. Ведь у каждого своя система ценностей, за стремлением человека к тем или иным вещам, за его привязанностью к способам, которыми он достигает своих целей, за жертвами, которые он готов принести для их достижения, стоит характер, личность. Твердо знать, способен ли человек на данный поступок, или же он для него совершенно неприемлем, может ли он пойти на крайние меры, знать, какие меры для него крайние,— вот ключ для решения многих загадок, с которыми обычно сталкивается следователь.

Очевидно, все эти качества не сделают человека хорошим следователем. Нужно еще нечто неуловимое, что трудно назвать одним словом, что дает тебе все радости, тревоги, восторги, необходимые для жизни. И обостренное чувство справедливости, и азарт поиска, и жажда схватки, и постоянная готовность к схватке — все это тоже нужно.

Тамара Васильевна Глазова — хороший следователь. Об этом говорят ее товарищи, начальство, об этом с большей или меньшей охотой говорят и те, кто ее усилиями оказался в местах не столь отдаленных. Об этом может сказать и она сама. Не вижу здесь ничего плохого. Если человек знает себе цену и всегда готов подтвердить профессиональное мастерство,— это прекрасно. У Тамары Васильевны получаются дела, в которых путаются другие, она охотно берется за раскрытие сложных, неоднозначных преступлений, распутывает преступления почти безнадежные, слывет специалистом по так называемым «глухим» делам — запоротым слабыми, неумелыми, неопытными следователями.

Есть очень простой способ определить, нравится ли работа человеку. Это хорошо видно по его настроению на работе. Если он подавлен, угрюм, раздражителен, если криклив или, наоборот, замкнут — все ясно. Эта работа не для него. Тамара Васильевна всегда оживлена, охотно смеется, готова пошутить. Люди, по каким бы надобностям ни попадали к ней в кабинет, не могут не откликнуться на ее открытость, непосредственность. Подозревая человека в преступлении, она прямо ему об этом говорит, если, конечно, позволяют обстоятельства дела. И сразу определяется позиция в разговоре, в следствии. За этим уже свой стиль работы.

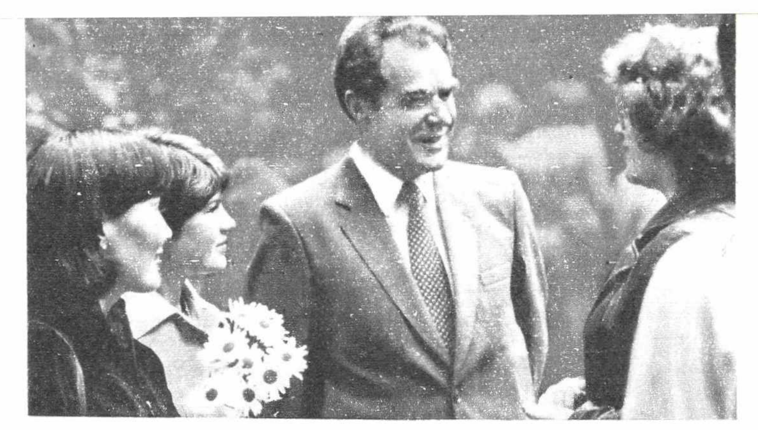
Четверть века, двадцать пять лет, работает Глазова следователем. Сама говорит: работа тяжелая, для семейного человека часто непосильная. Тут и полуночные звонки, и выезды спозаранку, да и не выбросишь из головы, не оставишь в кабинете вместе с материалами уголовного дела сомнения, догадки, надежды. Все это несешь с собой, и близкие понимают, видят, что ты их не слышишь, что ты еще там. Все ли смогут найти в себе достаточно любви и долготерпения, чтобы выносить это из года в год?

Пусть это не покажется притянутым за уши шаблоном, но Тамара Васильевна решила стать следователем еще в детские годы, когда училась в школе. На выбор повлияло печальное происшествие — была убита ее родственница, старая бабуля, которая никому не причиняла огорчений. Приехала, как водится, оперативная группа, привезли собаку, фотограф ходил по двору, за забором и с таинственным видом щелкал аппаратом. Казалось, он фотографирует не поворот тропинки, не реку, а самого преступника, невидимого для всех, кроме него. Потом начались осмотры, допросы, вызовы свидетелей и прочие следственные действия, в которых сейчас она считается первоклассным специалистом. И давнее убийство беззащитной старушки произвело на нее, девочку, столь сильное впечатление, вызвало такое страстное желание справедливого возмездия, что оно не угасло, не истощилось до сих пор.

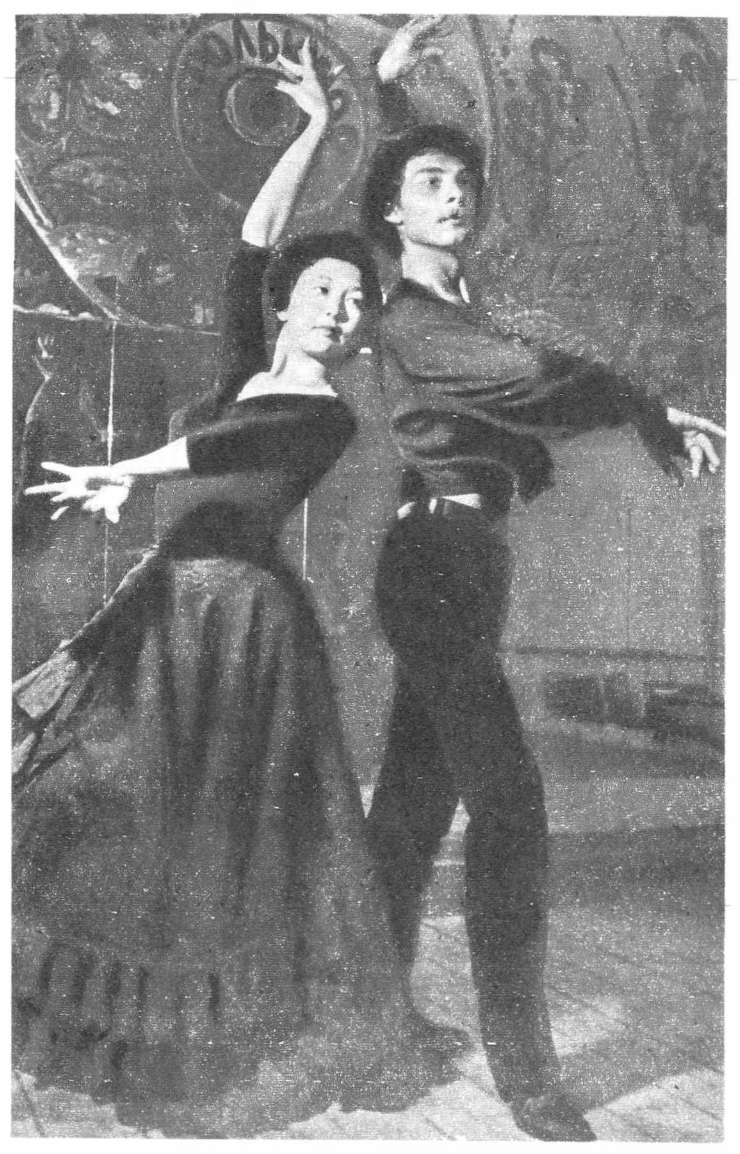
Вот с каким человеком предстояло встретиться Дядькову.

Продолжение следует.

КАДРЫ КУЛЬТУРЫ

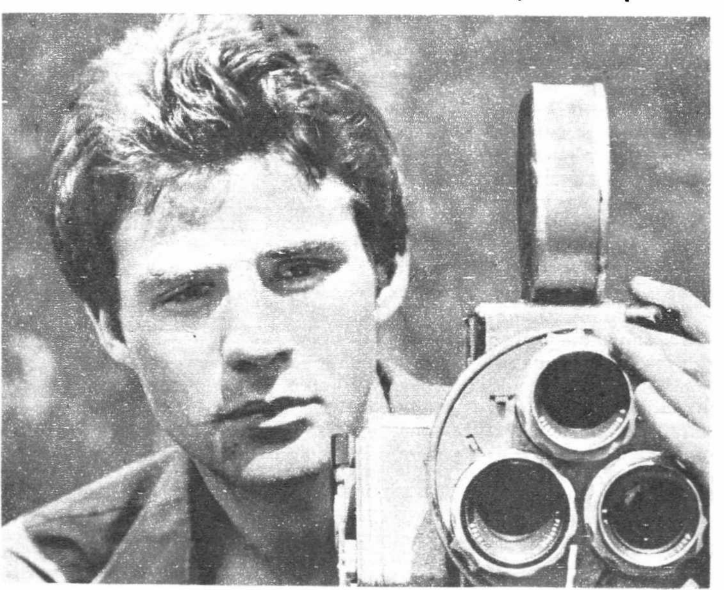

Ректор института Леонид Павлович Богданов со студентами.

Алмагуль Калелова из Усть-Каменогорска и Сергей Афутин из Александрова исполняют испанский танец.

Александр Лаврухин окончил факультет кинофотомастерства.

См. II обл. и 1-ю стр.

знаний, правду новой жизни, вовлекали в самодеятельные художественные коллективы... Это было началом подлинной культурной революции, обеспечившей условия для развития высоких нравственных качеств и творческих способностей миллионов советских людей.

Естественно, на разных этапах развития нашего общества характер и содержание деятельности учреждений культуры не оставались одинаковыми. Если в первые годы после Октября требовалось прежде всего ликвидировать почти поголовную неграмотность населения как первейшее необходимое условие культурной революции, то сегодня, когда страна имеет огромные достижения социалистической культуры, необычайный размах народного художественного творчества, речь идет уже о более полном удовлетворении растущих духовных запросов советских людей, о всестороннем развитии личности.

В связи с этим и подготовка специалистов для учреждений культуры осуществлялась неоднозначно, под непосредственным влиянием глубочайших преобразований, происходивших в жизни общества. Но уже в первые годы Советской власти партия рассматривала подготовку таких специалистов как важную составную часть в осуществлении ленинского плана культурной революции. Партия определила и профиль этого специалиста, видя в нем прежде всего политического бойца, активного пропагандиста, организатора разносторонней массово-политической и культурно-просветительной работы.

Постоянно расширялась сеть высших и средних учебных заведений, готовивших кадры для учреждений культуры.

Летом 1930 года по инициативе Н. К. Крупской был создан Московский библиотечный институт. Занятия начались в небольшом особняке на Моховой улице, где сейчас расположен Государственный музей М. И. Калинина. В 1936 году институт переведен в новое здание на Левобережную, в один из живописнейших пригородов столицы, где находится и поныне.

Первые наборы в институт малочисленны: осенью 1930 года приступили к занятиям всего 78 человек. Студенты — молодые люди, в большинстве своем пришли в институт по партийным и комсомольским путевкам.

Это время грандиозных преобразований в различных сферах экономики, общественно-политической жизни, культуры; время, когда Стране Советов более всего нужны высококвалифицированные кадры библиотекарей и библиографов, способных стать умелыми организаторами чтения, активными пропагандистами грамоты, газеты, книги.

...Высшее библиотечное образование утверждалось не просто. Приходилось по-новому решать многие сложные вопросы, связанные с содержанием и методикой преподавания, характером подготовки специалистов, разработкой научных основ учебных дисциплин. В решении всех этих задач большую помощь институту оказывала Н. К. Крупская. При непосредственном ее участии разрабатывались учебные планы и программы, формировался научно-педагогический коллектив.

Но пройдут годы, и первенец советского высшего библиотечного образования превратится в один из крупнейших вузов страны: Московский государственный институт культуры, где сегодня готовят специалистов не только библиотечного дела, но и культурно-просветительной работы.

Обучение студентов, будущих работников учреждений культуры, ведется ныне со всесторонним учетом многогранного характера их деятельности. Выпускники института должны уметь руководить коллективами художественной самодеятельности, быть организаторами и методистами клубных учреждений, режиссерами массовых представлений... Последняя специализация введена всего лишь несколько лет назад. Главная ее задача заключается в том, чтобы научить будущего работника клуба, Дома культуры создавать концертные программы, разрабатывать ритуалы всевозможных торжеств, ставить спектакли, готовить сценарии и проводить массовые представления и праздники... Это очень нужная и важная специализация клубного работника. Она прежде всего помогает умело сочетать искусство с политической агитацией, насыщать все мероприятия глубоким идейным содержанием и большой эмоциональной силой, привлекать людей...

Следует особо подчеркнуть, что подготовка будущих библиотечных и культурно-просветительных работников основана на широкой общенаучной базе, как и на глубоком знании марксистско-ленинской теории. Только на основе солидного общенаучного и политического образования можно вырастить такие кадры для учреждений культуры, которых отличала бы не только хорошая профессиональная подготовка в том или ином виде художественного творчества, но и высокая образованность, широкий культурный кругозор, идейно-политическая зрелость. Наши выпускники — это чуткие и умелые воспитатели, активные проводники политики партии.

Жизнь подсказывает нам, что культурно-просветительное образование должно определяться двумя главными направлениями. Прежде всего это дальнейшее улучшение подготовки организаторов культурно-просветительной работы. Здесь особое внимание уделяется обучению специалистов в области управления и экономики культуры. Другое направление предусматривает всемерное повышение профессионального уровня будущих руководителей самодеятельных художественных коллективов.

Известно, что самодеятельное творчество масс достигло сегодня очень высокого уровня. Об этом свидетельствуют многочисленные фестивали участников народного самодеятельного искусства, смотры, конкурсы... Поэтому назрела необходимость усиления основ профессионального обучения, улучшения качества подготовки специалистов во многих видах художественного творчества.

Однако в отличие от вузов искусств мы готовим не профессионалов-исполнителей. Наши кадры — это *педагоги-воспитатели.* Они будут вести работу в коллективах художественной самодеятельности, часто состоящих из людей самых разных по возрасту, профессии, образованию. И тут очень важно, чтобы руководитель такого сложного коллектива обладал не только высоким профессиональным мастерством, но, имея педагогические навыки и знания, был хорошим психологом...

Каждый год из стен нашего ин-

ститута выходят сотни молодых специалистов, получивших высшее библиотечное образование. Они вливаются в многотысячную среду работников библиотек и становятся своего рода лоцманами в огромном книжном море. Наши выпускники трудятся сегодня в библиотеках самого различного типа — массовых, детских, научных, технических... Их можно встретить и в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина и в небольшой сельской библиотеке, где-нибудь в далеком краю.

Сегодняшний специалист библиотечного дела, имеющий высшее образование, во многом отличается от нашего традиционного представления о библиотекаре, существовавшего еще в недалеком прошлом. Не только в особо крупных библиотеках, но и в подавляющем большинстве всех других характер деятельности библиотечного работника в значительной мере изменился. Нынче специалист, кроме умения пропагандировать книгу, должен уметь комплектовать и обрабатывать фонды, обеспечивать справочно-библиографическое и информационное обслуживание читателей, вести научно-методическую работу и так далее...

Современная библиотека довольно сложный «механизм», состоящий из многих структурных подразделений. Библиотеки все более оснащаются вполне современными средствами механизации и автоматизации, совершенствующими библиотечно-библиографические процессы. Нынешняя библиотека призвана выполнять функции идеологического и научно-информационного учреждения... И, конечно, нашему институту приходится все эти сложности учитывать при подготовке специалистов.

Естественно, формирование квалифицированного специалиста, подготовка его к будущей профессиональной деятельности не ограничивается такими традиционными формами обучения в высшей школе, как лекция, семинар, курсовая работа, экзаменационная сессия... Формирование наших кадров происходит еще и в то время, когда студенты трудятся на стройплощадках, работают на полях совхозов и колхозов; когда в составе агитбригад едут в далекие села и деревни, чтобы устроить праздник людям — показать им свое творчество и мастерство.

Институт по праву гордится замечательными художественными коллективами студентов, выступления которых пользуются, как правило, большим успехом. Наши ансамбли «Балалайка», «Карагод» побывали во многих городах страны и за рубежом, стали дипломантами международных конкурсов. Коллективы института нередко можно видеть и в Колонном зале Дома союзов, и в Концертном зале имени П. И. Чайковского, и на сцене Кремлевского Дворца съездов. С большим воодушевлением студенты поют в хоре, играют в оркестре, танцуют в ансамбле...

Часто шутят по поводу свободного времени у студентов. Но есть ли оно, это свободное время?! Едва закончились учебные занятия, а многие студенты уже спешат на репетиции, готовясь к новым концертным выступлениям, или на заседание «круглого стола», где увлеченно спорят об актуальных проблемах современности, обсуждают события культурной жизни; или пробуют свои силы на занятиях кружка любителей поэзии, в литературном объединении...

Летом, во время каникул, группы студентов выезжают в фольклорные экспедиции; забираются в самые отдаленные села и деревни в поисках старинных русских песен и танцев, обрядов, еще сохранившихся в народной памяти... Стали традицией творческие конкурсы дирижеров, музыкантов-исполнителей, композиторов, чтецов... И, наверное, навсегда останутся в памяти выпускников веселые студенческие вечера, интересные творческие встречи с известными писателями, композиторами, мастерами искусств.

Эти выпускники уезжают работать на село.

Институт культуры нередко называют идеологическим вузом. Действительно, с первых же дней студенты приобщаются к идейно-воспитательной работе. Прочные навыки лекционной пропаганды они приобретают в школе молодого лектора. Многие студенты работают с детьми и подростками по месту жительства, в пионерских лагерях, подшефных школах... Общественно-политическая практика входит важнейшей составной частью в систему обучения и воспитания будущих специалистов библиотечного дела и культурно-просветительной работы.

И вот приходит время, когда студенты расстаются с институтом. Сдав последние экзамены, они разъезжаются на работу в клубы, библиотеки... Здесь наступает для них пора самостоятельной жизни.

Конечно, многое зависит от того, как встретят молодого специалиста на новом месте. Но и здесь институт не может стоять в стороне. Вручением диплома выпускнику не завершается работа педагогического коллектива по подготовке специалиста. Напротив, именно в это время наши питомцы особенно нуждаются в помощи и поддержке. И это касается не только их профессиональной деятельности. Не менее важно оказать им содействие в устройстве быта, в решении тех или иных насущных жизненных проблем... Такая прочная связь с выпускниками становится все более плодотворной. Стали традицией встречи в родном институте с выпускниками разных лет. Они собираются в Москву даже из самых отдаленных уголков страны. Активно идет переписка руководителей кафедр и педагогов с их бывшими питомцами... Им есть о чем рассказать друг другу.

Многие тысячи выпускников института успешно работают в учреждениях культуры и пользуются большим уважением у тружеников городов и сел. В Подмосковье, например, хорошо знают Раису Константиновну Савину, директора центрального вороновского сельского Дома культуры «Дружба» Подольского района, это — одно из лучших сельских учреждений культуры Московской области. Р. К. Савина является лауреатом премии Ленинского комсомола.

Почти два десятка лет возглавляет наш выпускник Иван Федорович Горбунов Ферзиковский районный Дом культуры в Калужской области, где руководимые им творческие коллективы не раз добивались больших успехов на фестивалях самодеятельного искусства.

С 1960 года в библиотеке колхоза «Ленинец», Раменского района, Московской области, работает Инна Михайловна Яблочкина. Наверное, труд ее, как и труд любого работника культуры, нельзя в полном объеме выразить в цифрах, найти подходящие для него «единицы измерения», хотя мы и пытаемся это сделать... Но все равно в тех достижениях хозяйства, где работает И. М. Яблочкина, есть и ее немалая заслуга!..

А скольким людям эти скромные труженики сферы культуры доставили радость общения с книгой, с искусством; скольким помогли получить нужные знания, сформировать взгляды, убеждения, духовный мир...

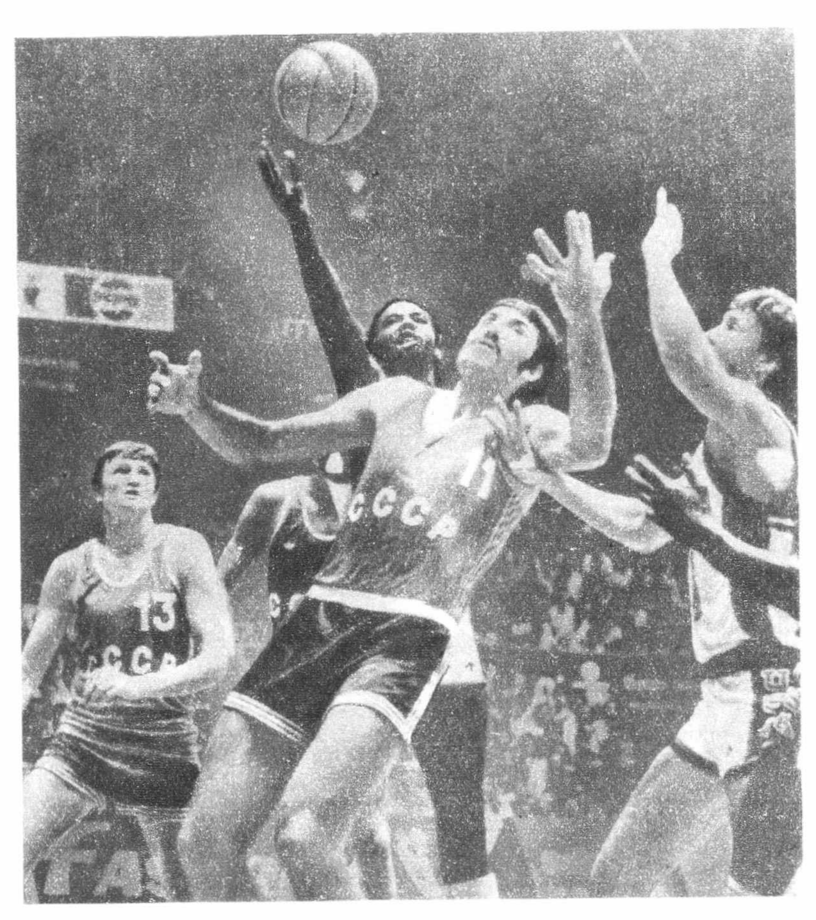
Недавно в концертном зале Министерства культуры СССР состоялось собрание выпускников Московского института культуры, едущих работать на село. Оно прошло серьезно и торжественно; в нем принял участие кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС министр культуры СССР П. Н. Демичев, пожелавший успехов и плодотворной работы нашим выпускникам.

А работа им предстоит большая.

Решения майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС, мероприятия партии по осуществлению Продовольственной программы с воодушевлением восприняты коллективом института — студентами, аспирантами, преподавателями. Важнейшее дело всех работников нашего профиля — дальнейший подъем культуры, и особенно среди сельских тружеников. Усиление влияния учреждений культуры на решение крупных экономических и социальных задач советской деревни... Здесь особое значение приобретают указания Л. И. Брежнева о необходимости соединения сельскохозяйственного производства с культурой, понимаемой в самом широком смысле слова: как культура труда, быта, человеческих отношений...

Более полувека готовит кадры для учреждений культуры Московский государственный институт культуры. За это время в его стенах подготовлено более 40 тысяч специалистов высшей квалификации для клубов и библиотек страны. Недавно за заслуги в подготовке культурно-просветительных кадров институт награжден орденом Трудового Красного Знамени. Однако сама жизнь — ее новые задачи, новые требования — выдвигает необходимость дальнейшего углубления учебного процесса, усиления всего дела обучения и воспитания студентов—будущих работников культуры... А впереди еще более сложные и ответственные дела... Роль и значение культуры в нашем обществе постоянно возрастают. Отсюда и рост требований к уровню ее кадров. Этот уровень должен всегда в полной мере отвечать требованиям партии и народа.

ТЕПЕРЬ—ТРЕХКРАТНЫЕ

Решающая встреча на чемпионате мира по баскетболу. Играют команды СССР и США.

Телефото ЮПИ—ТАСС

Сборная команда СССР по баскетболу завоевала первенство мира, победив в финальном матче сборную команду США.

Так закончилась борьба, продолжавшаяся на площадках Колумбии целых две недели. Сколько барьеров пришлось преодолеть нашим замечательным баскетболистам! Им надо было успешно пройти встречи в подгруппе с командами Берега Слоновой Кости, Бразилии и Австралии, затем, попав в финальный турнир, выиграть у команд Испании, Югославии, Канады и Колумбии и тем самым обеспечить право участвовать в решающей игре за чемпионское звание, а проиграв команде США в невыносимо трудной борьбе (93 : 99), найти в себе силы для новой, финальной встречи с американцами.

И они нашли в себе эти силы. Финальный матч СССР — США с помощью телевидения имели возможность посмотреть сотни тысяч любителей баскетбола в нашей стране. Из далекой Колумбии долетела до нас картина незабываемой спортивной схватки. Уже первые 10 минут показали, что советские баскетболисты нашли свою игру. Счет 31 : 20, но победа далека — хорошо известно мастерство американцев. И действительно, обрушив на плечи наших игроков тяжелейший прессинг, при попустительстве судей не раз переходивший в недозволенную грубость, наши грозные соперники начали сокращать образовавшийся разрыв и закончили первый тайм в свою пользу — 49 : 47. Весь второй тайм прошел в равной, изматывающей борьбе, в которой успех висел буквально на волоске. Только за 8 минут до окончания матча советская сборная стала отрываться. За две минуты до конца разрыв достиг семи очков. И тогда американцы бросились на отчаянный штурм и начали сравнивать счет. На табло 95 : 94. За 9 секунд до финального свистка мячом овладели баскетболисты США, но не смогли использовать свой последний шанс. Одно очко принесло победу команде СССР.

31 очко в эту победу внес Мышкин, но разве не по праву разделили с ним торжество и Ткаченко, и Белостенный, и Валтерс, и Еремин, и Тараканов — вся наша команда во главе с ее тренером А. Гомельским.

До этого успеха советская сборная дважды завоевывала первенство мира. Теперь советские баскетболисты—трехкратные чемпионы.

К. ЯКОВЛЕВ

В. Серебровский. «Кришна, побеждающий демона».

КРАСКИ СЕРДЦА

В рамках месячника советско-индийской дружбы, посвященного 35-й годовщине независимости Индии и 11-й годовщине Договора о мире, дружбе и сотрудничестве между СССР и Индией, в московском Доме дружбы с народами зарубежных стран состоялась выставка. Необычная выставка. На ней впервые в нашем изобразительном искусстве демонстрировался большой цикл картин по мотивам древнеиндийского эпоса «Махабхарата» и «Рамаяна».

Автор этого цикла Владимир Серебровский — театральный художник. Оформленные им спектакли идут в лучших театрах страны, в том числе и в московских. Более же всего в последние годы он работает в Душанбе, в Таджикистане. Там он и «заболел» Индией, начал пристально изучать ее историю, философию, искусство. Изобразительная сюита по «Махабхарате» и «Рамаяне» складывалась исподволь, годами. Художник посвящал ей все свободное время. А потом привез свои картины в Москву. Отдадим должное советским специалистам-индологам Н. Р. Гусевой, М. П. Котовской, С. И. Потабенко, а также руководству Дома дружбы. Они сразу и точно оценили пластическую мощь этих картин, искренность автора и глубину его проникновения в сокровищницу народного эпоса. Так возникла данная выставка. На ее торжественном открытии присутствовали и наши индийские друзья. О работе советского художника тепло и благодарно говорили член парламента Индии, президент Индийско-Советского культурного общества штата Манипур Н. Махендра и советник посольства Республики Индии в СССР Б. Айер.

Выставка вызвала живой интерес у москвичей. В своей работе над великими поэмами Серебровский тонко ощутил внутреннее родство индийского и русского эпоса. Родство в понимании сокровенных идеалов добра, правды, справедливости.

А разве не созвучны необыкновенно сочные краски и причудливые орнаменты Индии, столь взволнованно переданные советским мастером, куполам величественного храма Василия Блаженного? Созвучны, но и единственны в своем роде, уникальны каждое в себе.

Вот эту удивительную диалектику близкого и дальнего, иного, однако не чужого, не чужеродного, замечательно выразил Владимир Серебровский. Избегая даже намека на стилизацию и экзотику, Серебровский мастерски оперирует цветом, который как бы следует за сюжетом, пронизывает его. От сравнительно спокойных тонов — зеленого, желто-оранжевого, синего — канонических цветов легенды о Раме — к тонам интенсивным, напряженным в финале, когда герой вступает в ожесточенную борьбу с демонами зла и их побеждает. Как только зритель схватывает эту динамику и символику цвета, он органично входит во внутренний мир бессмертного эпоса. В мир простых и непосредственных, но одновременно и бездонно глубоких, сильных человеческих чувств, которые внятны всем и всегда.

Картины В. Серебровского написаны кистью сердца. Они помогают нам заглянуть в самую душу великого и прекрасного народа.

Е. ГРОМОВ

ПЛОДЫ ПОКАЗУХИ

ФЕЛЬЕТОН

«На Октябрьском плодоовощном комбинате ежегодно приходит в негодность не менее 6 тысяч тонн овощей, фруктов, ягод — каждая десятая тонна. В переводе на деньги — почти 100 тысяч рублей «съедают» коровы, овцы, свиньи. Животное поедает то, что выращено и заготовлено для людей».

(Из газеты «Советская Белоруссия»)

В хозяйстве «Плодовощ»,
Готовясь к уборке,
Считали-писали
От зорьки до зорьки.
Рекою струились
Колонки цифири
В арбузные дали,
Томатные шири.

В бумагах звучала
Поэзия прозы:
Полны таросклады!
Мощны таровозы!
Ни грамму пропасть
Не позволим задаром!
Все базы и торги
Завалим товаром!
С утра еще
Овощ отборный — на грядке,
А днем — на прилавке
В полнейшем порядке!..

Но только продукция
В поле созрела,
Как в тартарары
Вся цифирь полетела!

Без крыш таросклады,
Без шин таровозы...
В земле еще овощ,
А скоро морозы!

«Ждем тары! Спасите!» —
Летят телеграммы...
Плоды вместо тары
Сгружаются в ямы.
И потчуют щедро
Несушек и хрюшек
Пропавшею сливой,
Подпорченной грушей.
Огурчик, мечтавший
Лежать на прилавке,
С гнилым помидором
«Доходит» на свалке!

* * *

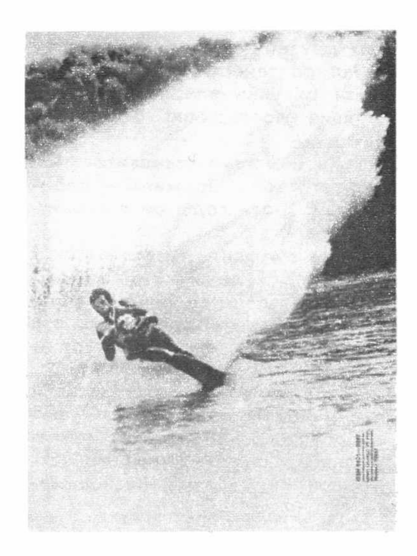
Плод любит заботу...
Но сколько беды
Приносят порой
Показухи плоды!

Михаил **ВЛАДИМОВ**

ЛЫЖИ НА ВОДЕ

Это, наверное, веянье нашего стремительного, динамичного века, но «вихревые» виды спорта — такие, как скоростной спуск и слалом, мотоциклетные и автомобильные гонки, планерный, самолетный и дельтапланерный спорт, гонки на скутерах и парашютизм, привлекают к себе все большее число приверженцев. И в этом захватывающем дух спортивном параде почетное место занимают водные лыжи.

Эти дальние родственницы лыж горных получают у нас все большее распространение. На морях,

реках, озерах и водоемах все чаще можно увидеть спортсменов, несущихся на буксире за катерами, совершающих на большой скорости захватывающие дух прыжки с трамплина, преодолевающих трудную слаломную дистанцию и показывающих чудеса в фигурном катании.

Фигурное катание, прыжки с трамплина и слалом и составляют программу соревнований по водным лыжам, и для того, чтобы завоевать абсолютное первенство, воднолыжнику надо обладать поистине способностями многоборца. Такие способности показала воднолыжница из Дубны Наталья Румянцева на недавно прошедшем в Англии чемпионате Европы. Если на четырех предыдущих чемпионатах сперва Инесса Потес, а затем и Наталья Румянцева завоевывали золотые медали только в фигурном катании, то на этот раз Наталья Румянцева добилась победы еще и в троеборье.

Успехи Натальи Румянцевой разделили другие члены нашей команды: Ольга Губаренко (ей 19 лет), Инесса Потес и Станислав Корнев. Наши спортсмены в командном зачете заняли второе место после традиционных победителей — англичан — и впереди французов.

Если учесть, что воднолыжный спорт начал развиваться у нас в стране с конца пятидесятых годов, с легкой руки Юрия Гагарина (космонавты — верные поклонники водных лыж), что первый чемпионат страны был разыгран только в 1965 году, что во Всемирный воднолыжный союз наша федерация вступила всего лишь пять лет назад, то результаты эти очень обнадеживающие.

Клубы воднолыжного спорта работают в Минске и Дубне, Новополоцке и Рыбинске, Риге и Долгопрудном, Ленинграде и Киеве, Новосибирске и Красноярске, ну и, конечно, в Москве. Выросли умные, ищущие тренеры, и с каждым годом растет число сильных воднолыжников, таких, как отличные прыгуны Сергей Низовкин (принадлежащий ему всесоюзный рекорд равен 46 метрам) и Сергей Остроумов, как наши слаломисты Игорь Лихачев, Алексей Корбуков, Андрей Пушаков. Но главный козырь советских воднолыжников до сих пор все тот же — фигурное катание. И особенно у женщин. Вообще наши воднолыжницы выступают сильнее мужчин (не случайно сборную команду страны составили четыре женщины и лишь двое мужчин). А последний успех Натальи Румянцевой на первенстве Европы показывает, что и успешные выступления в многоборье по плечу нашим спортсменам.

В. ВИКТОРОВ

ПО СЛЕДАМ НАШИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

ОБЖАЛОВАНИЮ НЕ ПОДЛЕЖИТ

Под таким заголовком в № 19 был напечатан фельетон В. Митина, где рассказывалось о несправедливости, допущенной по отношению к жительнице Одессы Г. А. Маркеловой и ее больному сыну.

В № 30 мы напечатали обзор читательских писем, пришедших в редакцию на эту публикацию.

После выступлений журнала «дело Маркеловой» было взято под контроль партийными органами Одессы. На днях секретарь Одесского горкома Компартии Украины Е. Стеценко сообщил «Огоньку»:

«Решением исполкома Центрального райсовета народных депутатов № 420 от 06.08.82 г. двухкомнатная квартира закреплена за тов. Маркеловой Г. А. на семью два человека (она, сын).

Заявление райисполкома о ее выселении — из народного суда отозвано».

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Стихотворение Н. А. Некрасова. 9. Антилопа, обитающая в степях и пустынях Африки и Азии. 12. Город в Литве. 13. Горная система на юго-западе Европы. 14. Химическое соединение углерода с металлом. 16. Французский поэт-песенник, участник Парижской коммуны. 17. Железнодорожная путевая машина. 18. Северное созвездие. 19. Наука о разнообразии существующих и вымерших организмов. 24. Управляемый аэростат с двигателем. 25. Живописец, карикатурист, Герой Социалистического Труда. 27. Действующее лицо пьесы А. Н. Островского «Бедность не порок». 28. Горная порода, декоративный и поделочный камень. 29. Войсковое соединение. 30. Декоративная и лекарственная трава. 32. Награжденный участник состязания. 33. Рассказ М. А. Шолохова.

По вертикали: 1. Шахматная фигура. 2. Карело-финский музыкальный инструмент. 3. Крупная птица, гнездящаяся на деревьях и крышах. 5. Круглый хлеб. 6. Скульптор, народный художник СССР, лауреат Ленинской премии. 7. Главный город и порт в Сицилии. 8. Плоскодонная парусная рыболовная лодка. 10. Раздел языкознания. 11. Коренное переустройство с целью усовершенствования. 15. Главное действующее лицо пьесы М. Горького. 16. Горная система в Центральной Азии. 20. Теплый сухой ветер в Средиземноморье. 21. Луковичное растение семейства лилейных. 22. Рукоделие. 23. Основоположник практической космонавтики, академик, дважды Герой Социалистического Труда. 26. Приток Днепра. 31. Автор книги «Простаки за границей». 32. Озеро в Калининской области.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 35

По горизонтали: 6. Аннакулиева. 9. Радиоактивность. 12. Дернина. 13. Синкопа. 14. Свифт. 16. Снасть. 17. Форель. 18. Кимберлит. 19. Рейсфедер. 21. Дракон. 22. Асбест. 24. Нежин. 26. Шикотан. 27. Цикорий. 30. Диспетчеризация. 31. Стравинский.

По вертикали: 1. Юкатан. 2. Алиева. 3. «Индиана». 4. Кустодиев. 5. Европий. 7. Магнитобиология. 8. Стеклотекстолит. 10. Механизация. 11. Определение. 14. Собинин. 15. Тюленин. 20. Бижутерия. 23. Карпаты. 25. Титания. 28. Страус. 29. Фирсов.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Звеньевой Евгений Алексеевич Яковлев из колхоза «Мир», Торжокского района, Калининской области. (См. в номере материал «Солнечный круг»).

Фото Б. Кузьмина

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Водный слалом. (См. в номере материал «Лыжи на воде»).

Фото А. Бочинина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

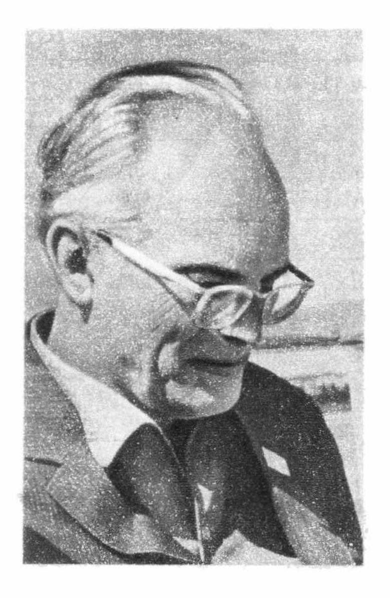
Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 16.08.82. Подписано к печати 31.08.82. А 00400. Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 2076. Заказ № 2905.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ХЕРЛУФА БИДСТРУПА

ХУДОЖНИК, БОРЕЦ, КОММУНИСТ

Херлуф Бидструп. Более полувека это имя появляется под рисунками и карикатурами, иногда смешными и добрыми, иногда острыми и гневными, но всегда останавливающими взгляд и рождающими сильное ответное чувство. Карандаш и перо Бидструпа вызвали к жизни целый мир образов, с которыми для миллионов людей связано представление о Дании и датчанах. В его политической карикатуре бьется напряженный пульс сегодняшней сложной международной жизни.

У нас трудно стать обладателем альбома Бидструпа или иллюстрированной им книги. Мы любим его и хотим видеть его у себя дома. В Дании его издания так же нелегко найти, но по другой причине. Здесь многие боятся его, в том числе и владельцы издательств. Боятся бескомпромиссной ярости его сатиры.

Чем вдохновляется Бегин в агрессии против Ливана.

Личность Бидструпа необыкновенно притягательна. Общаться с ним, слушать его — всегда удовольствие. Поэтому в его построенном на крестьянский манер доме в небольшом городке Аллерод всегда много гостей. Особенно же сейчас, накануне его семидесятилетия. Он говорит глуховатым голосом, голубые глаза за стеклами больших очков смотрят серьезно и почти строго, и улыбка лишь слегка трогает твердые губы. Зато слушающие его обычно напоминают известного жизнерадостного толстяка из его юмористических серий. Юмор присущ Бидструпу не только профессионально — это прекрасная черта его душевного склада.

— Самое трудное для меня на пороге восьмого десятка — это выслушать юбилейные речи, а они, видимо, будут. Но, с другой стороны, в том, что я дожил до семидесяти лет, виноват я сам, и никто другой.

Он сын художника, и на стенах дома в Аллероде висят написанные в манере французских импрессионистов картины отца.

— Отец не хотел, чтобы я продолжил его профессию. В Дании искусство плохо кормит. Поэтому после окончания школы я оказался в техническом училище,— вспоминает Бидструп.— Но плохая наследственность одолела добрые советы, и вскоре я поступил в Академию художеств.

Еще до ее окончания Бидструп получает известность как автор карикатур, которые охотно берут крупные социал-демократические газеты, а те карикатуры, что казались политически безобидными,— и буржуазные. С каждой серией рисунков росла его слава, и друзья считали, что перед художником открывается блестящее и безоблачное будущее. Это был период, о котором датский писатель Мартин Андерсен-Нексе говорил с иронией что художник оказался единственной связью социал-демократов со свободой и прогрессом.

В 1935 году Бидструп с одним из своих друзей предпринял поездку в Германию. По возвращении он показал соотечественникам истинное лицо фашистского зверя. Именно эти рисунки впервые развели Бидструпа с буржуазной прессой, заставив последнюю относиться к нему с опаской.

Вскоре после оккупации Дании нацистами Бидструп становится участником движения Сопротивления. Он воюет своим оружием — работает для подпольной печати, делает листовки. В эти годы он становится коммунистом.

В первую мирную весну 1945 года начала выходить газета датских трудящихся «Ланд ог фольк». С тех пор и по сей день жизнь художника неразрывно связана с газетой. Он работает для нее каждый день, и, хотя его рисунки появляются не с такой же периодичностью, эта газетная рубрика получила у датчан название «Дагенс Бидструп» — «Ежедневный Бидструп».

На столе и на простых деревянных стеллажах в его доме десятки папок. Открываешь любую, и листы лаконичной графики напоминают об узловых моментах истории: война и победа, освобождение континентов от колониализма, попытки и крах попыток «сдерживания», «отбрасывания», «гарантированного уничтожения» социализма. Безжалостные портреты политических гробовщиков.

— Казалось бы, политический рисунок живет не дольше события, его породившего. Но возьмите, например, рисунки Кукрыниксов или Бориса Ефимова военного времени,— говорит Бидструп.— Здесь в необычайно спрессованной форме мы находим страсть, ярость и ненависть к врагу. Недавно я встретил человека, не знавшего, кто такой был Георгий Димитров. И подумал, что, когда он прочтет о Лейпцигском процессе, ему нужно будет посмотреть карикатуры тех лет, где коммунист-болгарин как гора возвышается над фашистами-насекомыми. Нет, хороший политический рисунок живет долго.

Разговор переходит на датскую живопись и графику, и Бидструп вспоминает, что многие его соученики по Академии художеств стали абстракционистами. Будет ли абстракционизм еще долго доминировать в датском искусстве или можно сказать, что он себя исчерпал?

— Может исчерпать себя пустота? — говорит Бидструп.— Изгнав из живописи человека, а за ним и живописную технику, абстракционизм стал олицетворением того, что хотела бы видеть в искусстве современная буржуазия. Так что вопрос о его перспективах прямо связан с вопросом длительности срока, отведенного историей капитализму.

— Каковы ваши планы на ближайшее будущее?

— Возраст дает себя знать, и врачи не позволяют мне браться за интересные работы, связанные с необходимостью дальних поездок. Сейчас я подготовил альбом рисунков, который вскоре выходит в издательстве «Тиден». Пробую работать в скульптуре, но думаю, что это останется занятием для души. Ну и, конечно, остается ежедневная работа для «Ланд ог фольк».

Надеюсь вскоре побывать в Советском Союзе, тем более что и здесь я могу отметить круглую дату: впервые я приезжал к вам ровно тридцать лет назад. С тех пор я много раз бывал в вашей стране. И помню, что мне говорили в Грузии: дружба как вино — с годами становится крепче.

Сергей ВОЛОВЕЦ,
собкор АПН.
Специально для «Огонька».

Копенгаген.

Til ОГОНЁК-s læsere
med de venligste hilsener
fra
Herluf Bidstrup

Читателям «Огонька» с дружеским приветом

Херлуф Бидструп.

Администрация Рейгана противится строительству газопровода Сибирь — Западная Европа и готовится к размещению в Европе химического оружия.

— Спокойно, мадам, если я открою этот кран, то только для вашей безопасности.

Рисунки Х. БИДСТРУПА

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663